ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

9 марта 1994 г.
№ 10 (5490)

Выходит по средам

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА ПИСАТЕЛЕЙ

ГАЗЕТА ОСНОВАНА В 1830г. ПРИ УЧАСТИИ А. С. ПУШКИНА ИЗДАНИЕ ВОЗОБНОВЛЕНО В 1929г.

Цена в розницу свободная

Елена БОННЭР:

"Бабье лето" коммунизма

стр. 11

Олеся НИКОЛАЕВА: Стыдно, когда писатель говорит, что литература сегодня никому не нужна стр. 3

Владимир МАКСИМОВ: Настоящая книга та, где есть боль стр. 5

Новая рубрика: "Диалоги о ТВ" стр. 8

Русские за границей: в берлинской бане и в стокгольмском суде стр. 13

В НАЧАЛЕ НОМЕРА

"Здравствуйте, товарищи попы!"

Главный российский полководец совершил стратегический маневр, неведомый не токмо что маршалам Жукову и Ворошилову, но и фельдмаршалам Кутузову и Суворову. В целях укрепления духовно-нравственных начал русского воинства армия и церковь подписали договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

Итак, отцы-архиереи, удобно обосновавшись в генштабе, начинают зычно проповедовать безропотное принятие смерти как высшей награды отечества. Бравые же генералы, наоборот, смиренно выдавливают доселе им отвратные, отдающие презренным пацифизмом словосочетания типа "духовное возрождение личности". Как всегда, у нас все перепуталось. Но есть и огромные преимущества. Гораздо дешевле и проще напечь крестов, ладанок и требников, чем обеспечить каждого защитника своевременной зарплатой, надежной крышей и классным оружием. И можем быть спокойны за безработную ныне армию крепышей-замполитов. Пройдя краткосрочные курсы переквалификации, они вернутся в свои части и подразделения в защитных рясах, чтобы воззвать пуще прежнего: "Вперед, на ржавые мины!"

Остается лишь крохотная чисто казуистическая неувязка. Как быть с тысячами служивых мусульман и когда подобное соглашение будет столь же торжественно подписано с главным раввином России? Ибо пока получается: в бой идут одни православные, что оскорбительно и обидно для кришнаитов, баптистов, буддистов, католиков. Они, может, тоже хотят воевать. Но их пастыри еще не сподобились войти в консенсус.

К тому же совершенно неясной и, возможно, плачевной остается судьба язычников и атеистов.

Если же всерьез, то по-прежнему людей не допущают верить свободно и лично, как их душа пожелает. Обязательно с высшего соизволения, по начальственному протоколу и уставному параграфу. Господи, дадут ли объявленную волю?

Андрей ТАРАСОВ

НЕДЕЛЯ В ЛИЦАХ

Виктор ЧЕРНОМЫРДИН, премьер-министр Российской Федерации, выступил на расширенном заседании правительства.В конце своего выступления Виктор Степанович решил взорвать аудиторию заверениями в том, что он не собирается при живом президенте метить на этот пост. Затем он сказал примерно следующее: "Я не из тех умельцев на все руки, кто готов из завлабов выскочить в министры, вице-премьеры и даже президенты!"

В зале и в президиуме наступило оживление, переходящее в легкие аплодисменты. Аудитория подобралась сообразительная и намек поняла.

Можно предположить, что после такой тирады романтически настроенные завлабы России почувствуют крылья за стеной, а их цинично настроенные коллеги скажут, что предположат, что на этой должности премьер шлепнул каинову печать.

Тем не менее должность неплохая и где-то даже перспективная. Из завлабов вышли не только реформаторы, но, к примеру, Капица и Резерфорд.

"Все, Виктор Степанович, в этом мире относительно", – как сказал бы Эйнштейн, который, как известно, был троечником.

Александр БАРКАШОВ, лидер партии Русское национальное единство, сразу же после амнистии дал интервью корреспонденту "Советской России". Он уверяет, что при штурме Белого дома "в машинах сидели люди с иностранным стрелковым оружием, изъяснялись по-английски. Стало понятно, что трагедия разыгрывается под чужим руководством". Баркашов сообщает об одном гвардии-майоре, чье тело было "найдено со следами ритуальных пыток". Наконец он говорит о том, что на стадионе проводились массовые расстрелы.

Насчет же доказательств сдержан: "Есть. Придет время – обнародуем".

Баркашов в своем интервью поведал и о крепких связях его партии с армией и силами МВД. Так что, глядишь, вот-вот начнутся совместные боевые учения.

В честь амнистии.

Андраник МИГРАНЯН

Согласие, но какой ценой?

Самый крайний его вариант – чрезвычайное положение

В сегодняшней ситуации национальное примирение в принципе невозможно. Мне уже не раз приходилось говорить, что для такого примирения должны присутствовать несколько условий: передел собственности и согласие с итогами этого передела: передел власти и, наконец, согласие (по крайней мере между основными политическими и социальными силами) по базисным ценностям организации и функционирования общества.

Ни один из этих трех факторов сегодня не присутствует в достаточной мере. Но это не означает, что национальное примирение совсем невозможно – Россия все-таки находится в уникальном положении. Примирение возможно, если политические элиты согласятся с тем, что, во-первых, никто не выиграет от продолжения борьбы, то есть однозначного победителя не будет или победа достанется очень большой ценой. Во-вторых, согласятся с тем, что если не будет примирения, все окажутся в проигрыше, поскольку сегодня нет такой явно выраженной силы, которая смогла бы победить и удержать ситуацию в своих руках. В итоге борьбы мы получим окончательный распад государства, экономики и, возможно, широкомасштабную гражданскую войну, если не будет согласия между национальными элитными политическими группами.

Страх перед подобной перспективой может оказать такое дисциплинирующее воздействие и может дать шанс к подобного рода акту примирения или согласия.

Собственно, это все, что можно сказать о примирении. Конечно, можно по-разному относиться к предложению и объяснениям Шахрая, к акту амнистии и освобождению действующих лиц сентября-октября прошлого года, которые проиграли в той схватке. Но амнистия увеличивает количество претендентов на высшие посты власти, может способствовать уравновешиванию и перераспределению властных возможностей и тем самым сыграть дополнительную стабилизирующую роль. А значит, сыграть на достижение согласия. Потому что чем меньше количество претендентов, чем больше сосредоточивают они силы в своих руках, тем больше вероятность какой-то развязки и столкновения. И наоборот, чем дисперснее политические группы, тем больше возможностей взаимного сдерживания друг друга. Это тоже дает определенный шанс в сложившихся условиях.

Совершенно очевидно, что сегодня обычными мерами невозможно решить ни один вопрос: ни экономический, ни социальный, ни внешнеполитический, ни в промышленном, ни в сельском хозяйстве, ни в укреплении государственности. Требуются чрезвычайные меры. Меры, которые позволили бы осуществить мобилизацию ресурсов и их перераспределение, определение приоритетов, отказ тем или иным лоббирующим группам и т.д. Все это потребует сильной власти. Она должна быть властью или сильной сама по себе, которая подавляет других и заставляет реализовать свои решения, или по крайней мере у большинства участников процесса должно быть согласие о необходимости установления такой власти, которая была бы в состоянии осуществить чрезвычайные меры.

Все это, конечно, теоретические и слишком рационалистические рассуждения. А в политике, как правило, рациональные рассуждения и схемы полезны для определения общих тенденций и выработки определенной линии, но всегда есть много привходящих обстоятельств. Кстати, для достижения национального согласия есть несколько факторов, которые в значительной степени находятся вне поля влияния основных политических сил. Та же улица. То есть неблагоприятное экономическое и социальное развитие может вызвать неконтролируемые процессы на улице, и тогда каждая из политических элитных групп в страхе, что другая группа использует это в своих интересах, будет работать на то, что потенциально может дестабилизировать ситуацию.

Вторая группа проблем, которые тоже находятся за пределами прямого влияния элитных групп, – это процессы, идущие в ближнем зарубежье. Дестабилизация в каждой из республик может привести к сильной дестабилизации в самой России. Это в первую очередь относится к таким регионам, как Закавказье, Украина, Казахстан.

И последний фактор, который также вне зоны непосредственного контроля и влияния элитных групп, – это поведение мирового сообщества и зарубежных партнеров, их позиция и политика по отношению к России. Этот фактор также может способствовать как консолидации политических элит, так и их разобщению.

Как видим, немало факторов, которые не позволяют дать однозначного ответа на вопрос о национальном примирении. Хотя, мне кажется, у нас гораздо меньше шансов достичь согласия на основе рациональных решений политических элит. Но нельзя исключить и возможность достижения подобного согласия, вызванного страхом перед неконтролируемыми массовыми выступлениями и действиями вне официальных властных институтов и структур.

Конечно, если возникнет крайняя необходимость для введения чрезвычайного положения и политические институты не справятся с этим, а политические элиты не придут к согласию, не исключено, что тогда свое слово может сказать армия. Если, конечно, появятся достаточно популярные генералы, готовые взять на себя подобную ответственность. Тогда с участием некоторых гражданских лиц это может привести к формированию некоей военно-гражданской администрации, которая возьмет на себя управление страной в чрезвычайных условиях. Конечно, это крайний вариант, для случая, если не удастся достичь согласия и выйти из нынешнего кризисного положения мирными, парламентскими способами.

Будь счастлива, внучка

Фото Антанаса СУТКУСА

ЧИТАТЕЛЬ О ГАЗЕТЕ

"ЛГ", № 8, 1994 г.

Статьи Е.Паниной и М.Кораблева вновь затронули тему земства. Пользуюсь случаем высказать свое отношение к этому вопросу. М.Кораблев считает введение земства несвоевременным, ибо народ деградировал, не готов к самоуправлению, на местах засилье партноменклатуры, а в обществе нет гражданского согласия. С этим трудно спорить, все это так. Но если уж смотреть правде в глаза, то нужно признать, что в центре в этом отношении дела обстоят едва ли лучше. Бывшей партийной номенклатуры хватает и в самом средоточии государственной власти.

Я не считаю земство панацеей от всех бед. Но история показывает, что именно самоуправление подготавливает окончательное торжество принципов правового государства и предшествует ему, а не наоборот. Вопрос не в том, нужно ли земство, а в том, как его надлежащим образом организовать. Считаю, что устройство местного самоуправления должно стать общим делом государственной власти и народа. Тут не может быть ни потаенной бюрократической процедуры, ни стихийной "самоорганизации".

А.ВЕРЕЩАГИН,
студент МГУ

МОСКВА

Редакция предложила к обсуждению письмо юриста Л.Ольшанского "КГБ реформируется. Теперь очередь МВД?". Не рискуя вступать в дискуссию с ученым коллегой, все-таки хотела бы задать вопрос: автор предлагает ввести в состав МВД отдел внутренней разведки, который будет выявлять случаи коррупции среди сотрудников. Считает ли он, что особисты–контрразведчики будут этакими "железными Феликсами", не подверженными земным соблазнам? Или над ними тоже должен стоять контрольный орган и т.д.?

Э.АЗАРУШКИНА,
юрист

ДОНЕЦК

Я психолог. Хотел бы высказаться по поводу статьи Майи Борисовой "Не нравится – не ешь"... Авторитарный режим – это определенная педагогическая система, и он формирует определенных людей – людей-детей. Главная черта их – несамостоятельность, неспособность полагаться на свои силы. Демократия же – это свободный выбор, ответственность. Что миллионы взрослых-детей могли вдруг и одновременно возжелать этой трудной самостоятельной жизни – неправдоподобно. Я думаю, что наша нынешняя любовь к демократии объясняется желанием обелить себя в собственных глазах (и глазах всего мира), уверить себя, что мы здесь "ни при чем", не ответственны за преступления коммунистов. Но прошло время, и обнаружилось, что мы остались прежними, не пытались, по существу, изменить себя, и весь этот процесс "демократизации" и "перестройки" есть, в сущности, бегство от самих себя, от труда души. Отсюда и происходят все нелепости, о которых пишет М.Борисова, – неспособность принимать решения, а уж тем более действовать самостоятельно. Большинству из нас.

В.СЛУЦКИЙ

ПРИОЗЕРСК

"И гудит взволнованно эфир..."

Что в России погибнет раньше – радио или телевидение?

Очевидно, что хищный монополизм Министерства связи удавливает национальное телерадиовещание: в структуре расходов телерадиокомпаний плата за средства связи составляет свыше трех четвертей, тогда как зарплата сотрудников не превосходит 2 – 3 процентов. Очевидно, что мало кто ищет выход из сложившейся ситуации сколь-нибудь оригинальным способом: далее сокращений фантазия не идет. Но главное не в этом.

Еще в начале перестройки было ясно, что с системой государственного телевидения надо расставаться. Бюджет не вынесет содержания четырех каналов. Кроме того, не только экономические, но и политические соображения требовали перехода государственного телевидения в общественный статус. При этом решались бы многие важные проблемы. Соответствующие документы были подготовлены еще для прежнего Верховного Совета, но последний, естественно, предпочел ввести наблюдательные советы, то есть поступить "по-совковому": распоряжаться чужим, паразитировать на лоббировании бюджета и считать граждан России тупыми идиотами, годными только для примитивной манипуляции.

Более того, любому мало-мальски компетентному специалисту было ясно, что сама система передачи телерадиосигнала, существующая сейчас в России и построенная в советские годы, просто-напросто архаична, что есть более современные и, главное, более простые и дешевые решения. Переход к спутниковому вещанию, использованию достижений военно-промышленного комплекса, к цифровым системам и так далее делает просто бессмысленными устаревшие сооружения релейной связи вместе с их огромным штатом, расходами на оплату помещений, земли, энергии и тому подобным.

Появление нового парламента, необходимость думать о бюджете и борьбе с инфляцией, казалось бы, должны активизировать поиски новых решений. Но вместо этого выбирается путь сокращений, причем сокращений в прежнем, советском духе. Ведутся разговоры об акционировании. Но ведь акционирование само по себе не решит никаких проблем. Конечно, оно отвечает полукриминальному духу современного телевидения, особенно, кстати, останкинского, привыкшего дважды брать деньги за одно и то же: с государства – бюджет на оплату эфира и производства, а с заказчиков прямой и косвенной рекламы – деньги за однажды уже оплаченный эфир себе в карман. Акционирование имеет смысл только в контексте действительных изменений характера существования в обществе национальных телерадиокомпаний. Иначе это баловство, позволяющее нескольким ловкачам сорвать куш, не более того. Кроме того, акционерный капитал нуждается в качественном и профессиональном управлении людьми с мозгами нормальных капиталистов, то есть людей, умеющих обращаться с деньгами.

Телевидение и радио России погибнут, если немедленно не будут приняты кардинальные решения об изменении финансирования. Хватит в конце концов правительству решать, что и как нам смотреть. Граждане сами в состоянии разобраться в том, что им нужно. Как ни смешно, ввести систему арендной платы (или налога на телевидение, или еще какого-либо способа непосредственной оплаты телевидения и радио гражданами) не так уж сложно. Такое решение, отвечающее, с одной стороны, духу современных средств массовой информации, а с другой – интересам большинства, что называется, назрело. В бывших соцстранах вообще додумались до просто талантливых решений: соединить плату за телевидение и радио с оплатой электроэнергии.

В общем, решения есть, причем решения высокотехнологичные и сравнительно дешевые. Но они имеют один недостаток – они новые, они делают телерадиокомпании в самом деле независимыми. Пока же поиск идет в области чисто совкового мышления: урезать, перераспределить и так далее. А то и перейти, например, на полное дотирование нефтегазодобывающей промышленности. Тогда и связисты получат свою долю, а мы – советскую власть.

Обществу нужно новое телевидение, созданное на действительно демократических основаниях. И пока такое телевидение не появится, мы будем вечно наблюдать схватку гигантов ранга Анпилова.

А.Б.

Вырастет ли Чуб в депутаты?

"Равные" выборы в неравных условиях проводит ростовская партхозноменклатура

Случается, в погожие дни февраля у нас на юге уже начинаются посевные работы. В этом году в "февральские окна" началась на Дону другая кампания – предвыборная.

Не закончив сбор подписей, не дождавшись, как положено, регистрации, председатель правительства Ростовской области В.Анпилогов, председатель областного Совета народных депутатов А.Попов, их заместители, главы городских и районных администраций открыли на страницах областных газет и телевидении активную агитацию за свои кандидатуры в областное законодательное собрание.

Надо сказать, скромностью будущие депутаты и пишущие о них не страдают. "С В.Чубом (главой администрации области) у них получился классический дуэт: Чуб – превосходный политик, Анпилогов – прекрасный хозяйственник", – упреждая события, агитирует за администраторов молодежная газета "Наше время" 24 февраля, хотя регистрация кандидатов должна была начаться только первого марта. Рубрика многозначительная – "Делайте свой выбор!".

"Все мы в равных условиях", – убеждает избирателей заместитель председателя областного Совета М.Гайчук. Какое там! М.Гайчук публикует свое выступление в областной газете "Молот" 22 февраля, его начальник А.Попов – 24-го, Анпилогов выступает на телевидении почти каждый день... Последний даже провел в своем округе областное (какой масштаб!) совещание по газификации села!

О других кандидатах, которые были выдвинуты по тем же округам и в те же сроки, в средствах массовой информации, естественно, ни строчки. На областном телевидении им будет предоставлено на равных с именитыми соперниками по одной (!) минуте. Покажут фотографию, текст будет читать диктор. Самому показываться – упаси Боже! Платные выступления учителю или фермеру, конечно, не по карману.

Среди зарегистрированных кандидатов все семь глав районных администраций города Ростова-на-Дону, большинство глав администраций других городов и сельских районов. Можно не сомневаться, что из 45 депутатов Донского законодательного собрания, выборы в которое состоятся 27 марта, большинство мандатов получат начальники. Все на равные выборы?

Владимир ФОМИН,
соб. корр. "ЛГ"

РОСТОВ-на-ДОНУ

Украина продолжает разбой

Речь идет о газопроводах, что проходят через ее территорию

В начале прошлой недели Украине удалось договориться с Туркменистаном о возобновлении поставок газа, приостановленных из-за неуплаты долга за 1993-й и нынешний годы, составляющего 706 миллионов американских долларов. Часть этого долга за туркменский газ Украина пообещала покрыть продовольствием и промышленной продукцией, в частности 60 тысячами тонн пшеницы.

И тут внезапно – ультиматум российского акционерного общества "Газпром": учитывая задолженность Украины за газ из России, его поставки сокращаются на 50 миллионов кубометров ежесуточно. На погашение задолженности российские поставщики отвели Украине трое суток, после чего они и вовсе могут прекратить подачу топлива.

В ответ на российское предупреждение Кабинет министров Украины распорядился, чтобы промышленные предприятия сократили потребление газа более чем на 50 процентов. Это решение не коснулось лишь электростанций и жилых домов.

Тем не менее, как сообщил мне главный инженер диспетчерского управления акционерного общества "Укргазпром" Богдан Бабий, ни одно предприятие республики пока распоряжение правительства не выполнило. При этом "Укргазпром" совершенно бессилен перед властями на местах, которые не допускают укргазпромовцев на свои предприятия, задолжавшие, кстати, за газ 277 миллионов долларов. Чтобы "наказать" заводы, "Укргазпром" может лишь перекрыть своими кранами поставки газа городам, но тогда люди останутся без тепла. Понятно, что на это никто не пойдет.

В настоящее время Украина живет на резервных запасах газа, но способна "тянуть" на них недолго.

На мой вопрос о том, что же будет делать Украина, если поставки российского газа начнут и далее сокращаться, главный инженер диспетчерского управления акционерного общества "Укргазпром" Богдан Бабий лаконично ответил, что в таком случае республика будет вынуждена "увеличивать разбой с экспортных поставок".

Тем не менее Россия предусмотрела такую возможность и за неделю предупредила своих европейских партнеров, что сокращает, а то и приостанавливает поставки газа в Украину. В этой связи она станет закачивать газ в трубопроводы с таким расчетом, чтобы выполнять свои обязательства лишь перед западными покупателями. То есть если Украина начнет откачивать газ и давление в трубопроводах соответственно упадет, европейские потребители будут знать, с кого спрашивать.

Сергей КИСЕЛЕВ,
соб.корр. "ЛГ"

КИЕВ

7 дней марта

В стране

7 Бывший узник Лефортова Руслан Хасбулатов прибыл на минувшей неделе в Чечню. Знатному гостю из Москвы была устроена пышная встреча. Президент Джохар Дудаев накануне приезда Хасбулатова вернул бывшему спикеру отобранное им же чеченское гражданство.

7 Александр Руцкой сообщил, что не станет добиваться власти, используя любые средства, и считает гибельным путь мести и сведения счетов. Тем не менее грозно предупредил со страниц "Правды" тех "безответственных болтунов", "бесчестных политиков и журналистов", кто развернул постыдную кампанию, извращая суть происшедшего в сентябре – октябре 1993 года.

7 Прокуратура Петербурга получила пакет документов от председателя парламентского комитета по безопасности В.Илюхина, в которых руководитель РГТРК "Петербург – 5-й канал" Бэлла Куркова подозревается в коммерческих махинациях.

7 Как сообщило "М-радио", накануне женского праздника фракция Неудовлетворенных женщин Партии любителей пива выступила с заявлением, в котором открестилась от называющей себя членом фракции маньячки, нападавшей на мужчин, и призвала своих членов и сторонников воздержаться от экстремистских акций.

"Форум" женщин

Вчера, 8 марта, они пришли в этот кинотеатр не в кино, а за сочувствием и заботой

Встречу организовало российское движение "Милосердие".

До этого здесь же, в "Форуме", собирались матери, вдовы и дети сотрудников органов МВД, контрразведки и погранвойск. Два дня назад лидер движения Н.Айвазьян поздравлял с праздником летчиц знаменитого женского авиаполка, точнее, тех из них, кто остался, дожив до нашего трудного времени. А восьмого марта встреча в честь женщин, и снова – в кинотеатре "Форум", директор которого Виктор Баранов тоже прекрасно понимает, что есть люди, которым сегодня не до "важнейшего из искусств", и всегда предоставляет "Милосердию" зал. В президиуме, естественно, женщины. И вовсе не в норковых манто. Впрочем, как и в зале: снимок Сергея Доронина – тому иллюстрация.

А на днях Айвазьяну передали, что одна из израильских фирм тоже хотела бы через общество "Милосердие" оказать нашей стране гуманитарную помощь. Правда, фирма просила уточнить: еврей Николай Айвазьян или нет? "Это что, – спросил он, – условие, при котором они помогут? Тогда не надо! Передайте, что для меня такого понятия, как национальность, нет. Есть нуждающиеся в милосердии и все остальные".

Сообщение Генерального прокурора республики о том, что Народный фронт готовил на пятое марта государственный переворот, а также известие о целом арсенале оружия и боеприпасов, найденном в подвале штаб-квартиры НФА, стали сенсацией минувшей недели.

Сотрудники штаб-квартиры от находки сразу же открестились. Они заявили: оружие им подбросили. Всю минувшую неделю полицейские проводили оперативно-розыскные мероприятия в районных отделениях НФА и даже на квартирах активистов фронта, что дало основание оппозиции говорить о массовых репрессиях и грубых нарушениях прав человека со стороны властей. При этом пресс-центр НФА "сгоряча" объявил, что за несколько дней правоохранительные органы республики арестовали около ста человек. Хотя, как выяснилось, арестовано всего шестеро.

– В республике, и без того нечищенной оружием, идет война, – заявил в беседе со мной начальник Главного управления полиции города Баку М.Алиев. – В свое время бывший министр МВД И.Гамидов, который сегодня громче всех говорит о нарушениях прав человека и притеснении оппозиции, несколько раз в году проводил массовые облавы и обыски среди населения. Тогда его называлось борьбой с бандитизмом.

Как бы там ни было, в республике налицо новый опасный виток конфронтации в отношениях между властями и радикальной оппозицией.

Народный фронт роет окопы

А его лидеры отрицают, что они готовили государственный переворот

События в центре схом отдаются на окраинах республики. Например, в Нахичевани, где, как сообщает пресс-центр Народного фронта, арестован председатель местного отделения НФА А.Гулиев, а ордубадское селение Келеки, где все еще скрывается экс-президент, уже несколько дней находится в окружении частей спецназа. В самом Ордубаде, сказали мне в постпредства Нахичевани, в начале марта прошел многолюдный митинг, на котором жители потребовали отставки районного руководства (здесь у власти все еще находится Народный фронт) и разоружения незаконных вооруженных групп сторонников А.Эльчибея.

Этот митинг был заснят на видеопленку съемочной группой Нахичеванского телевидения. Как рассказали мне в пресс-центре МВД автономной республики, возвращаясь из Ордубада, телевизионщики были остановлены близ селения Айлис группой из семи человек в гражданской форме и с автоматами. Угрожая оружием, у оператора отняли видеокассету. Для помики этой группы в Ордубад послана группа ОЛОНа. В МВД, однако, опровергли слухи о том, что селение Келеки блокировано отрядами спецназа. В то же время, опасаясь нападения, сторонники экс-президента А.Эльчибея выставили посты у резиденции своего лидера и роют оборонительные сооружения. По данным МВД республики, в настоящее время экс-президенте окружает отряд численностью до 60 человек, вооруженных гранатометами и автоматами. Словом, случись что-то непредвиденное, может пролиться большая кровь. Известие же об аресте председателя Нахичеванского отделения НФА А.Гулиева в Министерстве национальной безопасности Нахичевани подтвердили, сказав, что задержан он согласно санкции прокурора от 24 октября 1992 года за попытку организации государственного переворота в автономной республике в бытность Г. Алиева председателем Верховного меджлиса Нахичевани.

Эльмира АХУНДОВА,
соб. корр. "ЛГ"

БАКУ

Оплата в русскоязычных?

Плохая национальная политика – это всегда плохая национальная экономика

Все чаще русскоязычное население бывших советских республик становится предметом торга, политических манипуляций местных властей с вполне определенной целью: выжать из России как можно больше средств.

Типичной в этом смысле была и проходившая на прошлой неделе встреча президентов Бориса Ельцина и Аскара Акаева. Президент Кыргызстана, проявляя трогательную заботу о судьбах проживающих здесь русских, сокрушался, что не в состоянии улучшить их экономическое положение собственными силами. Нужна реальная поддержка со стороны России выдвигаемых Акаевым инициатив, чтобы резко ослабить миграционный поток, чтобы русские в Кыргызстане чувствовали себя как дома. Иначе, дескать, этот процесс, выйдя из бытовых берегов, перерастет в политический, потому как чреват дестабилизацией обстановки.

Акаев поставил вопрос о выделении кредитов для создаваемых российско-киргизских предприятий (СП) и нашел, как сообщили информационные агентства, полное понимание у собеседника. В бюджете России будет предусмотрено такое финансирование на сумму в 75 миллиардов рублей. Любопытно, что в соответствии с договоренностью работники этих СП смогут приобретать акции предприятий России, которые поставляют в Кыргызстан комплектующие изделия. Обратных вариантов, когда бы россияне могли покупать акции предприятий Кыргызстана, в договоренностях нет и в помине. Российская сторона пообещала также создать для Кыргызстана режим наибольшего благоприятствования в поставках нефтепродуктов и горюче-смазочных материалов.

Что же взамен гарантирует Кыргызстан? Может быть, двойное гражданство для здешних русских? Увы. Только в исключительных случаях, "исходя из интересов конкретных людей". Может быть, придание русскому языку статуса языка межнационального общения? Увы! Тут установлен глухой шлагбаум.

По мнению председателя Славянского фонда Кыргызстана Валерия Вишневского, договоренности между двумя президентами могут действительно повлиять на сокращение или приостановление миграционного потока только в том случае, если в республике будут приняты соответствующие законы по самым болевым проблемам, связанным с языком и гражданством. Декларативные посулы уже никого не удовлетворяют. За весну – лето этого года русская диаспора в Кыргызстане может потерять еще более 100 тысяч своих соплеменников.

Александр ИВАНОВ,
соб. корр. "ЛГ"

БИШКЕК

Предпочли аграриев

С левым уклоном

Молдова досрочно выбрала новый, первый в истории республики профессиональный парламент. Республика сделала свой выбор четко: в пользу Аграрно-демократической партии и блока левых сил.

В прежнем парламенте им недоставало голосов, чтобы одолеть фронтистско-унионистское меньшинство, блокирующее все важнейшие для республики решения, что и привело в конце концов к кризису и досрочным выборам парламента.

Аграрно-демократическая партия, а за нее проголосовало, по предварительным данным, 43–45 процентов избирателей, стала известной широкой публике, когда открыто выступила в парламенте против идеи присоединения Молдовы к Румынии, за сохранение связей с бывшими советскими республиками, за вступление в СНГ. Она же первой осмелилась заявить в парламентских стенах о том, что считает молдаван молдаванами, а не румынами. Она же поддержала предложение президента провести референдум о независимости Молдовы и более того – голосовала за него в парламенте вместе с русскоязычной фракцией "Согласие", за что тут же была зачислена радикал-националами в "предатели народа".

Блок левых сил – в него входят Социалистическая партия Молдовы и движение за равноправие "Единство" – единственный из всех 13 претендентов, представляющих русскоязычное население республики, набрал, опять-таки по предварительным данным, около четверти голосов. Блок, по определению ярых националов – "пятая колонна империи", открыто объявил главной своей программной целью защиту прав русскоязычных жителей Молдовы и заявил, что будет бороться за ликвидацию границ с республиками СНГ, вхождение в рублевую зону, двойное гражданство, официальный статус русского языка.

Руководство республики встретило итоги выборов с явным удовлетворением.

Людмила РЫБКИНА

КИШИНЕВ

Сгорая, плачут свечи

Семья офицера-черноморца в отсутствии тепла и света

В традициях флота уважительное отношение к женщине.

По праву ее величество называют тылом моряка. Похоже, терпению верной подруги офицера ЧФ приходит конец. Кривая разводов в Севастополе резко пошла вверх. И это в то время, когда молодые курсанты, не уверенные в будущем, не желают, как это было принято раньше, на последнем курсе надевать обручальное кольцо. А "старики" расходятся. Кое-кто поменял жену вместе с присягой. Головная боль разведенных – как перечислять своим "бывшим" алименты в купонах. Заработная плата военнослужащих ЧФ, перечисленная по курсу 1 к 12, в итоге в два раза меньше, чем у коллег-россиян. Но и эти деньги приходят с опозданием.

Бывший союзного, а нынче киевского подчинения Севастополь стал самым дорогим городом в Крыму. И самым политизированным. Москва пригрозила Киеву из-за долгов прекратить подачу газа. Еще один удар по севастопольской семье. И так участились перебои в энергоснабжении, горячая вода подается раз в неделю, передачи телевидения транслируются лишь в вечернее время. Затягивая ремень, офицер с букетом роз покупает набор свечей. Нет уверенности, будет ли свет.

Сергей СМИРНОВ,
спец. корр. "ЛГ"

В Беларуси будет свой президент,

но оппозиция предупреждает, что с ним придет диктатура

Белорусский парламент вновь продемонстрировал свою "уникальность". Много месяцев пробуксовав на принятии Конституции из-за недобора голосов, он решил впредь все решать при помощи именных бюллетеней.

Оппозиция и примкнувшие к ней несколько депутатов демократического направления выступили со специальным заявлением, в котором квалифицировали такой порядок голосования как незаконный. Демократия не знает случаев, чтобы важнейшие положения Конституции, в том числе об основном государственном устройстве, принимались с помощью именных бюллетеней в течение шести (!) дней. Причем после двух парламентских дней депутаты ушли на трехдневный отдых, а затем явились на работу и закончили голосование. Было нарушено важнейшее процедурное правило: не обеспечена непрерывность процесса волеизъявления. Ведь за три выходных дня на депутатов оказывали влияние многочисленные приходящие факторы, заинтересованные политические силы и лица.

С резкой критикой в адрес парламентского большинства начал выступать экс-спикер Шушкевич, заявивший, что не уходит от политической деятельности. Он совершил ряд поездок по республике. Всякий раз его выступления проходили в переполненных залах. Встревоженная активностью и успехами изгнанного Шушкевича, партгосноменклатура не стала скрывать своих неприязненных чувств к нему. Ее посланец заявил на сессии, что Шушкевич не имеет права агитировать не в своем избирательном округе. Нынешний спикер, Гриб, во время выступления Шушкевича в "разном" отключил микрофон якобы за оскорбление парламента.

На трибуне сессии находились микрофоны Белтелерадиокомпании. Их спикер не отключил, видимо, по забывчивости. И журналисты дали возможность народу дослушать Шушкевича и убедиться, что никакого оскорбления в его словах не было. Была лишь неприятная большинству парламента критика, в том числе – незаконного голосования по Конституции.

"Проступком" журналистов номенклатура очень оскорбилась, устроила расследование, решила их микрофоны с трибуны убрать, контроль усилить. Как обычно, СМИ получили крепкий нагоняй за "необъективность", а газета "Известия", телеканалы "Останкино" и "Россия" – за "некорректное" освещение событий в Беларуси. Премьер Кебич сообщил также о реорганизации Белорусской телерадиокомпании в Госкомитет, подчиненный Совмину.

Кебичу парламент предоставил чрезвычайные полномочия по структурной перестройке властных структур. Представители этих структур оккупировали телевидение и не стесняются называть премьера будущим президентом – первым в Беларуси. А сам Кебич заявил с экрана, что президент у нас уже был! Кто бы вы думали? Машеров, первый секретарь ЦК КПБ.

Анатолий КОЗЛОВИЧ,
соб. корр. "ЛГ"

МИНСК

"Русской мафии в Америке не существует"

– уверен известный полицейский из Нью-Йорка Питер Гриненко, гость отдела расследований "ЛГ"

О Питере мы уже писали. Его опыт и связи, приобретенные за 22 года службы в нью-йоркской полиции, помогли в журналистском расследовании, проведенном "ЛГ" вместе с американским еженедельником "Ю.С. ньюс энд Уорлд рипорт", результаты которого были опубликованы в прошлом номере газеты. Последние несколько лет Питер работает в Бруклине, занимается русской преступностью и утверждает совершенно однозначно, что русской мафии не существует.

– За последние три года в русской общине было "всего" 12 убийств. На фоне остального Нью-Йорка это совсем не много,– сказал он во время встречи в редакции. – Русские не занимаются примитивными убийствами. Их больше интересуют финансовые махинации, преступления, требующие определенного опыта и изобретательности. К тому же русские преступники в большинстве случаев работают поодиночке...

Родители Питера Гриненко покинули Советский Союз в конце войны. Один из предков – генерал Хитрово, представитель известнейшей в России фамилии. А правнук генерала начал налаживать связи с бывшей родиной достаточно необычным путем: открыл первое в СССР совместное предприятие по производству сигарет.

– Очень немногие люди в мире могут похвастаться тем, что имеют свою, личную марку сигарет. А у меня она была. Сигареты "Питер", которые еще год назад пользовались определенной популярностью в СНГ, были разработаны по моей рецептуре.

Сейчас у Питера несколько проектов в России и странах Балтии, но главная цель остается прежней:

– Преступники становятся гораздо умнее и профессиональнее. Последние случаи, когда русские смогли обмануть налоговые ведомства США на миллионы долларов, продавая дизельное топливо, или наладили ввоз в Америку сотен тысяч фальшивых часов "Роллекс" из Таиланда – лишнее тому подтверждение.

Перевел

Кирилл БЕЛЯНИНОВ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
9.III.94 N10 (5490)

Олеся НИКОЛАЕВА

Испанская жизнь на российском снегу

Сегодня, когда многие писатели перестали сочинять, а те, которые пишут, не уверены, что их напечатают, ибо книги не издаются, журналов мало, читатель их не жалует, – как переживает этот трудный час поэт Олеся Николаева, не раз говорившая о себе как о человеке, никогда не примыкавшем ни к каким группировкам, даже если ее собственные религиозные, эстетические или политические позиции совпадали со взглядами многочисленных ее коллег и друзей?

Фото Владимира БОГДАНОВА

* * *

...И яблони, до пояса в известке,
и облако, меняющее цвет,
и жабы бурые на вспаханной полоске,
и влажных звезд высокопарный
бред...

Два празднословящих монаха,
чай зеленый
с вареньем прошлогодним и – смешок
почти без повода.
Соседа удивленный
взгляд через изгородь.
Что ж, и его – в мешок!

В подполье темное, в хранилище –
всех в кучу!
На черный день! На злую ночь!
Каргой
душа надменная свой материал
летучий
завязывает в узелок тугой.

Чтоб в час такой-то – тошный
и напрасный, –
забившись в угол, рукавом махнуть,
и – птицы вылетят,
и встанет сад прекрасный,
где жабы – в роскоши и раздувают
грудь!

Где вишни – в прелести,
а яблони – в фаворе,
и небо – в золоте,
и пальцы не разнять,
и можно с легкостью, забывшись
в разговоре,
двух собеседников за ангелов
принять.

Все эпохи чем-то да аномальны. А человеческие претензии и жалобы на "дурные времена" вечны: "молодежь не смотрит на старших, слепцы ведут слепцов, толкая их в пропасть, птицы падают, не взлетев, Мария не хочет созерцательной жизни, Марфа – жизни деятельной"... Все это было всегда и уже неинтересно.

Многие писатели перестали писать потому, как мне кажется, что они слишком зациклились на себе, слишком понадеялись на себя, слишком в себя поверили. А когда почва ушла из-под ног, поменялся писательский статус, эмансипировалась публицистика, которая в советские времена "подпитывала" и поэзию, и прозу, когда писать "по инерции" стало невозможно, поменялся контекст, пропала цензура, возникло понятие "коммерческих" изданий, упразднились издательства, исчезли с лица земли "литературные вечера", вообще рухнул литературный быт, уклад, тогда писатель, конечно, дрогнул и растерялся – как бы не за что уцепиться, не от чего оттолкнуться, нечем загородиться: полное уныние. Но только что же пенять на читателя, когда писатели сами перестали читать друг друга?

Сейчас даже как-то неприлично пригласить кого-нибудь из собратьев по перу "на новый рассказ" или "новые стихи". Испытываешь при мысли об этом даже что-то постыдное – это называется теперь "нагружать другого человека собой". Ну, может, кто-то из чувства соперничества, из литературной ревности, а то и просто "по дружбе", из любви к жертвенности и придет послушать...

У меня в друзьях преимущественно писатели и монахи. Так вот, вторые куда более гибки, любопытны и чутки к чужому творчеству. Но если я и упрекаю кого, так это в первую очередь себя же саму: во мне что-то дрогнуло, когда один поэт высказал пожелание зайти ко мне, чтобы прочитать свою новую поэму. Сразу всплыло пушкинское "душить трагедией в углу". Неинтересно. Все – слово, контекст – изменилось, а писатели остались прежними, со своими тягучими интеллигентскими мыслями и комплексами. Поэзия стала занятием "человеческим, слишком человеческим". Когда меня спрашивают незнакомые люди, чем я занимаюсь в этой жизни, кто я "по профессии", слово "поэт" звучит просто неприлично. Куда пристойнее называться "литературным работником" или "преподавателем". Недавно я не выдержала, написала рассказ про поэта – ну насел на меня этот характер: чтобы отвязаться, надо было запереть его текстом, так я просто измучилась, пока писала, от занудства своего героя, от его мелких рефлексий и амбиций.

–Существует устойчивое мнение, что прозаики пишут плохие стихи, а поэты – плохую прозу. Вы не боитесь, что это может быть приложимо и к вам?

–Не боюсь этого совершенно. Я принадлежу к тому типу писателей, которые именно в творчестве, а очень часто и только в творчестве, решают свои собственные экзистенциальные проблемы, продумывают и проговаривают свои идеи. Иногда мне для этого необходимо именно прозаическое пространство с его внутренней логикой и внутренними связями. Когда я только засаживаюсь за работу, у меня есть сильное ощущение, что я ДОЛЖНА это написать. Если я это не осилю, не помещу в форму, то я и ничего другого, того, что придет потом, позже, не смогу уже написать. Если в такие моменты у меня нет физической возможности добраться до письменного стола, то я просто заболеваю.

Но прозаик я, конечно, начинающий, молодой: у меня всего две небольшие повести и пять рассказов. Пишу я мучительно и наверняка неправильно: не порционно, не поэтапно, а одним махом, как стихи. Потом переписываю – тоже одним махом – раз по шесть, презирая сон и пищу: такие у меня безумные бывают недели, даже месяцы. Но того, что после стольких физических и моральных затрат все это может оказаться слабым и нежизнеспособным, я не боюсь. Писатель не может не рисковать и имеет право на полный провал. Единственное, что, по-моему, стыдно и на что писатель не имеет права, так это оправдывать свою творческую немоту тем, что "литература теперь никому не нужна", или тем, что негде печататься.

–Но вас ведь печатают.

–В журналах – да. Но книги у меня не выходят уже давно, хотя я сейчас с удовольствием выпустила бы два сборника. Один из них – с художницей Татьяной Назаренко: у нас есть удивительные, мистические переклички. Даже если бы я специально писала стихи "под ее картины", а она бы писала картины "в пандан" моим стихам, такого бы сходства не получилось: оно было бы умышленным, заданным, а не "атмосферным", колористическим, образным.

Но, к сожалению, все упирается в поиски спонсора. Кто из нас будет этим заниматься? Знаете, я даже справку о прописке в жэке не могу с одного захода добыть, куда уж мне на такое дело пускаться – ходить, искать кого-то, убеждать, упрашивать... Не знаю, может, это плохо, что мы, русские писатели, художники,– такие дворяне и белоручки. Обивание порогов нас полностью деморализует, от коммерции просто тошнит. А "тошнит"– так и сижу без книг, последние, те, которые еще в Советском Союзе вышли, раздариваю.

–И при этом, как я знаю, вы зачем-то еще ведете семинар поэзии в Литературном институте имени Горького. Но ведь это невозможно – научить писать стихи. Вам не кажется?

–Ох! Иногда очень даже кажется. Тем более, что у меня бывают такие периоды, когда я сама двух строк не могу срифмовать. Да и вообще разумом, рассудком не понимаю, как это делается. Несколько раз я просто отчаивались и хотела уйти из института, но меня удерживали студенты: у нас такие серьезные, дружеские завязывались отношения, получалось, будто я их бросаю. Кроме того, я ведь упрямая и люблю все жизненные ситуации проходить насквозь. Наши семинары постепенно превратились в разговоры о творчестве, о культуре, о религии, о поэзии. В некотором роде мы роскошествовали: сидели на обломках империи, в нетопленом институтском зале, укутавшись в шарфы и пальто, как в "гражданку", только без "буржуйки", и говорили – ну, скажем, о "мужском" и "женском" начале в творчестве. О "времени" в поэзии и в прозе. О Каноне Андрея Критского как поэтическом произведении. О литературных мистификациях. О графоманстве как литературном приеме. Мои студенты постепенно "раскочегарились", стали учить языки. Кто-то переводил Овидия, кто-то – Иоанна Златоуста, кто-то – Байрона, кроме того, я давала им "литературные задания" – описать это, написать то-то в форме, скажем, сонета. Потом – не всегда же я ходила перед ними потухшей. Иногда я, кажется, очень вдохновенно рассказывала им, как пишу сама, заражала их своим "электричеством". Мне говорили, что на наших безалаберных семинарах есть какая-то атмосфера, которая уже дает творческий импульс. И это мне очень понравилось: я считала, что должна быть для тех, кто ко мне приходит, провокатором, даже провиденциальным соперником – надо было их разбудить, заставить их свидетельствовать о себе самих. Я не говорю о том, что можно научить писать стихи. Но отучить от литературной рутины, штампов, банальщины – очень даже посильная задача.

–Олеся, вы человек верующий и даже церковный. При этом Церковь всегда относилась с предубеждением к человеческому творчеству, тем паче светскому, считая его прибежищем гордыни и даже демонов. Вас это не тревожит?

–Презрение к человеческому творчеству – удел не христианства, а монофизитства. Это манихейская ересь, которая иногда просачивается в христианское сознание, особенно в сознание неофитов. Основа творчества – его главный импульс – это тоска по Небесному Царству, невозможность жить без него. Эта высшая реальность – как любовь, как красота, как благо – раскрывает себя в земной жизни человека. Творчество обнаруживает ее, прикасается к ней, отчасти даже пребывает "на небесах". Оно направлено туда же, куда и молитва, но избирает иной путь. Что же касается "гордыни и демонов", так ведь на земле и нет ничего абсолютно стопроцентно чистого – ни благого помысла, ни той же молитвы, ни подвига, ни любви – всегда, во всем какая-то примесь, сор, плевелы...

–Я знаю, что литературное творчество не исчерпывает всей твоей профессиональной деятельности: ты учила, уже будучи взрослым человеком, древнегреческий и даже преподавала его, читала лекции в Литературном институте по истории русской религиозной мысли, писала работы по иконописи...

–Это все из жадности. Из жадности к жизни. Немножко поиграла в "ученую даму", в "синий чулок". Ходила на лекции со строгим пучком, на груди –очки на цепочке. Знаете, это очень полезно иногда – подключиться к чему-то чужому, другому, пропустить его сквозь себя, подчинить мысль дисциплине –греческой грамматике, закономерностям русской истории, логике идей, иконописным канонам. С другой стороны, чувствуешь, что диапазон души ужасно широк, и в ней так много уживается разных возможностей, разных судеб, разных жанров... И кажется – все "впору". Хочется все примерить на себя, все попробовать: и поюродствовать, и помонашествовать, и в профессора выйти, и истончиться, и опроститься... И главное – при этом остаться самой собой, не фарисействовать, не лицемерить. Не знаю, мне нравятся такие перепады, контрасты: сегодня прием у французского министра культуры, послезавтра – печерские монашки с их рассказами об Антихристе ("тут одна Антихриста видела – идет по улице, волосы ниже спины спускаются, весь в цепях, гордый такой, самолюбивый, сразу видно – Антихрист, а на руках у него – так перчатки кожаные, черные – когти скрывать, а то летом-то перчатки – к чему?") А через несколько дней – американские феминистки, замышляющие поход с целью скрутить всех мужиков "в бараний рог" или по крайней мере "задать им перцу".

–Но ведь именно это и может оказаться опасным: такая эклектика, распыление. Погонишься за многими зайцами и ни одного не поймаешь.

–Ну уж нет. Заяц у меня всегда один. Да бежит он, сильно петляя, мечется из стороны в сторону, следы запутывает. Поэтому и жизнь мне видится как единое путешествие, как цепь попутных приключений. Но путешествие не праздное, а приключения с каким-то искусительным да испытательным оттенком. Господь сказал нам: "Будьте, как дети". То есть будьте гибки, непосредственны, слабы, не надейтесь на себя самих, не бойтесь плакать, когда больно, не бойтесь смеяться, когда смешно, путешествуйте, дружите с дикими зверями, обжигайтесь, играйте в прятки. Он не сказал: "Будьте, как взрослые", которые замкнуты в себе, не в меру серьезны, тяжелы на подъем, жестки и потому быстро ломаются, быстро сохнут. Не будьте, как взрослые, у которых есть "свое место" и "свой круг", которые цепляются за "свои планы" и "свои представления" как за нечто незыблемое и установленное Создателем и которые поэтому не верят в чудо. А когда у них рушатся их собственные постройки, они ходят унылые, ропщут, предъявляют друг другу счеты и отворачиваются от Бога. Писатели – это слишком взрослые люди, даже когда играют – игры их нарочиты. А монахи – это настоящие дети, только без духа разрушения и капризов.

ПРАЗДНИК

"Да если Господь захочет – ни нога твои
не приткнется,
ни аспид из мори не вылезет, ни василиск –
из леса",–
так уверил меня бывший начальник волжского
пароходства,
по беснованию скрывшийся в монастырь
и победивший беса.

И был он похож на Угодника Николая –
так аккуратно
белые кудри его лежали, наподобье вспаханной
пашни,
так тщательно были отмыты волжские
пятна,
начальственные подтеки, пароходные шашни.

Так поднимал он добрую чарку и пил во славу
праздника Рождества Христова, наставляя
благою вестью
эту овцу заблудшую,
эту поруганную державу,
эту меня, рухнувшую в одночасье,
как дом – всей жестью.

И пока доставал он старые фото: себя –
в лычках, в погонах,
щелкал по ним для острастки, не щадя
натруженных пальцев,
все отчетливей становилась на небосклонах
Вифлеемская покровительница –
Звезда скитальцев...

Я пыталась держаться за стены храма,
за столп идеи,
и за букву Слова, и за эту землю, как за добрую
сбрую.
Только нет, оказалось, никакой иной панацеи,
кроме спины, на которой пастырь тащит
овцу худую !

–Значит, Олеся, у вас большой выбор. Интересно в таком случае, что вы собираетесь делать дальше – учить латынь, уединиться в монастыре, уехать читать лекции, заняться сельскохозяйственным трудом у себя в деревне, а то, может, и за роман засесть?

–Пути Господни неисповедимы. Но именно сейчас я дописываю статью о состоянии современной Церкви. В центре стоит вопрос о новом поместном Соборе, который, с одной стороны, необходим, поскольку в Церкви накопилось множество проблем, нуждающихся именно в церковном, то есть соборном, обсуждении и решении. С другой стороны, он невозможен по той простой причине, что одно только обсуждение этих проблем формализует внутренние расколы, которые уже существуют в ней прикровенно и подспудно. Русская Церковь расколота так же, как и русское государство. Пригласите – выбрав наугад! – десять священников, задайте им десять вопросов, касающихся христианского вероучения и церковной жизни, ну пусть это будут хотя бы вопросы об отношении к католикам и с католиками, к Зарубежной Церкви, к новому стилю, к переводу богослужения на русский язык, к современному государству, к Украинской Автокефалии и т.д. – все священники хоть по одному пункту да разойдутся. Кстати, в статье у меня будут интервью с двумя замечательными священниками, имеющими большой авторитет, обширную паству. Так вот они расходятся ПО ВСЕМ ПУНКТАМ. Там, где у одного твердое "нет", у другого – крепкое "да". Единственная точка, в которой они встречаются в своих рассуждениях, – это определение нынешнего состояния Русской Церкви как глубокого упадка. Это к вопросу о русском религиозном возрождении, о котором сейчас так много слышится благостных и самоуспокоительных речей...

Потом я поеду в Париж на презентацию моей книги "Инвалид детства", вышедшей в "Галлимаре", – в России эта повесть печаталась в журнале "Юность" и была издана "Московским рабочим".

Кроме того, меня приглашают этой весной в Римский университет – читать лекции о философии культа. А в мае я собираюсь побатрачить на своем приусадебном участке.

Еще хочу написать два рассказа – "Ничего страшного" и "Круглый дурак" – самой интересно, что получится, а сейчас только так – мерещится нечто, мнится. Что же касается стихов, то они приходят, когда приходят, не спрашивая, свободна я или нет. Иногда очень не вовремя. Вот сейчас, например, надо было заканчивать статью о Церкви, а я сидела ночами, писала какие-то невероятные "Испанские письма".

–Разве вы были в Испании?

–Никогда. Но Испания – это для нас некая фантасмагорическая и мифологическая терра инкогнита и в этом смысле очень напоминает Россию. Моя Испания – это поэтическая условность, которая позволяет особым образом сфокусировать русскую действительность, взглянуть на нее, при этом не сливаясь с нею. Поэтому моя жизнь "в милой Испании"– это не гражданственная, а художественная позиция. Вот, например, такое стихотворение из цикла "Испанские письма", который я предложила "Новому миру":

***

Дорогой! Испания – это сухая, выработанная земля.
Вспыхивает от каждой искры. Долго чадит,
дымится.
Никого не чтит, даже испанского короля,
а при этом ищет, кому бы ей поклониться.

И служить не любит. Но о каком-то своем
тайном и чрезвычайном служенье твердит открыто.
Сонная и неприбранная она бродит днем,
оттого лицо ее ближе к вечеру измученно и сердито.

Слово "провинциальный" много скажет уму
про испанский апломб, амбиции, сумасбродство.
А сынов Израиля здесь не жалуют, потому
что учуивают подозрительное с ними сходство.

Все это пишут в местных газетах. Но –
как ты ни пробуй прижиться, врасти искусно –
иезуитом здесь быть противно,
шутом – грешно,
аристократом – сомнительно,
чернью – гнусно.

Итак, это – "испанская жизнь". А вот моя жизнь в эмпирической России – это другое дело, и она сейчас требует от меня именно гражданственного пафоса и слова.

Меня тревожит даже не то, что российское общество так резко раскололось и раскрошилось, лишилось какого бы то ни было внутреннего центра, сделалось неуправляемым и безответственным. Страшно то, что оно, простите, как будто сошло с ума: люди говорят одно, а подразумевают другое. Призывы к насилию, погромам и созданию газовых камер величают "свободой слова". Подавление вооруженного мятежа окрещивают "кровавым расстрелом парламента". Призыв интеллигенции к установлению элементарной законности, которая могла бы защитить общество от разнузданных боевиков, называют "тоской по репрессиям". Мятежников именуют "жертвами", а освобождение их из-под стражи еще до суда квалифицируют как "амнистию".

Общество, которое не понимает не только смысла событий, но и смысла произносимых им слов, не просто больно – оно безумно. Следом за распадом империи его ждет распад сознания, гибель. Такое общество живет в мире перевертышей, оборотней. Когда реальность и смысл расходятся, наступает ад, беснование...

Когда нерешительного, порой совершенно безвольного Ельцина обвиняют в деспотизме, а настоящих русских интеллигентов – Д.С.Лихачева, А.Солженицына, С.Ковалева и Б.Окуджаву сопоставляют со "сталинскими соколами" и лакеями большевизма, тут уж, простите, какие реформы могут помочь нации с таким сознанием?

Или вот г-н Максимов, и в Париже сохранивший в неприкосновенности советскую ментальность, комментирует известные строки Булата Окуджавы "Поднявший меч на наш союз / Достоин будет худшей кары", предлагая нам новый тип идеологического, "партийного" прочтения: "Сегодня я слышу в них – этих словах – недвусмысленное предупреждение марширующих победителей: становись в строй или уйди с дороги, иначе раздавим! Насмерть" ("Книжное обозрение", № 3, 1994.).

Ну что ж, в конце концов ни к Булату Окуджаве, ни к его стихам это не имеет никакого отношения – это всего лишь черточка к характеристике самого г-на Максимова.

У меня в "Испанских письмах", наверное, обязательно будет какой-нибудь дон Карлос или дон Хосе, который все понимает с точностью наоборот и, главное, при этом очень хочет публично высказаться, отметиться, привлечь общественное внимание. Этакий испанский Добчинский – образ, так сказать, собирательный, типический.

Он, чтобы выделиться, всему происходящему говорит "нет", уходит в полную "отрицаловку". И все это, заметьте, из исключительной любви ко всяческой гуманности и прогрессу. Землю отдали народу – "нет". Цензуру упразднили – "нет". Свобода в стране такая, что уж и не свобода, а полное своеволие, анархия, беспредел, а он – "нет". Большевистская диктатура кровавого Ельцина, говорит, и сервилизм прихлебателей-интеллигентов.

А если спросить его: так что же делать нам, господин Хосе, в нашей милой Испании? Ваши предложения? Он, пожалуй, стушуется да и раскатает какую-нибудь утопию с назидательным оттенком, вроде того, что Ельцин должен покаяться перед Думой, а Лукьянов, Зюганов да Бабурин, значит, пусть выступят в роли духовников, отпускающих грехи или накладывающих эпитимью. Жаль, Гоголя, Достоевского на нас нет! Ладно. О политике надоело. Давайте я вам теперь про роман расскажу, к которому я подбираюсь. Эпиграф такой: "Сыновья Аароновы взяли каждый свою кадильницу и положили в них огня, вложили в него курений, и принесли пред Господа огонь чуждый, которого Он не велел им. И вышел огонь от Господа, и сжег их..."

Впрочем, жизнь сама, как хорошая проза, – непредсказуема, у нее свои какие-то, непререкаемые внутренние мотивировки, свой сюжет, свой рисунок. А для романа необходимо жизненное, временное пространство, которого у меня никогда не было и нет.

Единственное, что меня всегда поддерживало при крушении всех моих замыслов, надежд и ожиданий, так это слова одного мудрого монаха, моего духовника: "Если что-то не получается по не зависящим от вас обстоятельствам, значит, Господь приготовил вам кое-что получше".

Интервью вела
Анна САЕД-ШАХ

Стихи из Армении

Сегодня путь от Еревана до Москвы, как никогда, далек и труден. Но не рвутся старые связи, не умолкают дорогие голоса. 5 марта Центральный Дом литераторов встречал любителей поэзии Сильвы Капутикян. Звучали слова восхищения талантом армянского мастера, ее гражданским мужеством. И стихи, стихи...

Утешенья ища, я в глубокое небо смотрю,
Я смотрю в небеса и с надеждой ищу в них
спасенья...
Я из слов, что сказать не сумела, молитву
творю
И в мольбу превращаю свой страх и свои
опасенья:

О народ мой!.. Дай Бог, чтобы я ошиблась...
Дай Бог
Оказаться неправой во всем!.. Чтобы
в силе и славе
Сохранись, на вершину свою ты
подняться бы мог
Без потерь, без помех, – чтоб мечта
обернулась бы явью.

Перевод
Елены НИКОЛАЕВСКОЙ

Если нельзя, но очень хочется, то все равно нельзя. По закону

Извините за банальность, но 4 марта состоялось заседание кассационной коллегии Верховного суда России, на котором рассматривалась кассационная жалоба Международного сообщества писательских союзов (МСПС) на решение Мосгорсуда по Уставам МСПС и Международного Литфонда. Извинение это не напрасно, так как уже далеко не одна наша газетная информация посвящалась этой судебной эпопее. Разбирательство настолько растянулось во времени, что многие уже, может быть, и забыли суть вопроса. Напомню.

МСПС, возглавляемому Т.Пулатовым, не понравилось, что Международный Литфонд (прежний статус – Литфонд СССР) был зарегистрирован как независимая и деполитизированная организация, призванная защищать чисто экономические интересы в с е х писателей. Верхушка МСПС решила, что это несправедливо, так как ее интересы – выше интересов в с е х и неплохо бы, чтобы Литфонд принадлежал ей. Однако Московский городской суд, видимо, заподозрив юридически неладное, в иске сообществу отказал. Но с желаниями бороться трудно. Как говаривал наш знаменитый коллега на нашей же 16-й полосе, "если нельзя, но очень хочется, то можно". Поэтому "сообщники" написали кассационную жалобу. И с третьего раза заседание кассационной коллегии было доведено до конца.

Я не буду пересказывать страстные речи Ю.Бондарева, Т.Пулатова и других высоких руководителей, среди которых опять выделялся кумир моего поэтического детства С.Михалков, обиженное выступление которого свелось к мысли о том, что президент Ельцин призывает к согласию, и по этому поводу неплохо бы передать Литфонд сообществу. Скажу только, что коллегия оставила в силе решение Мосгорсуда.

Можно бы поздравить писателей с победой. Но, зная несгибаемый характер МСПСовцев, не спешу. И правильно делаю. Потому что, не успели обсохнуть чернила на решении суда, как в редакцию журнала "Дружба народов" позвонил некто по фамилии Якунин (естественно, не Глеб), назвал себя уполномоченным Пулатова, сообщил, что МСПС "победило в суде" и предложил редакции срочно, под угрозой выселения, заключить с Тимуром Исхаковичем договор об аренде помещения.

Конечно, выше Закона – только Бог. Но "сообщники" могут и на него надавить. Им что Верховный суд, что – Страшный.

Ефим БЕРШИН

"Он должен быть убит, как и Рушди"

Теперь речь идет о турецком писателе Азизе Несине

В феврале в Иране пышно отметили 15-ю годовщину исламской революции. Этот же месяц знаменателен и другой датой – 5-й годовщиной вынесения покойным имамом Хомейни смертного приговора писателю Салману Рушди.

Конечно, этой дате было уделено не столько внимания, сколько исламской революции. Но в праздничной суете не позабыли и врагов ислама, первое место среди которых, безусловно, занимает Салман Рушди. Иран не собирается отрекаться от приговора. Его лидеры по-прежнему считают, что религиозный долг каждого мусульманина – уничтожить автора книги. Аятолла Хаменеи – духовный наследник Хомейни и политический лидер сегодняшнего Ирана – неоднократно подтверждал силу приговора. Ему вторят и другие деятели.

В последнее время тегеранские газеты обрушились с критикой на правительство за то, что оно позволило демонстрацию фильма по сюжету знаменитого турецкого писателя Азиза Несина. Фильм ничего предосудительного не содержит, даже по строгим иранским законам. Однако сама личность автора внушала муллам отвращение. Дело в том, что он опубликовал в Турции "Сатанинские стихи". Радикально настроенная газета "Джомхури дейли" писала: "Турецкому писателю отныне нет места среди мусульман, и он должен быть убит, как и Рушди". Министерство культуры и исламской ориентации Ирана запретило произведения Несина и распорядилось изъять его книги из библиотек и магазинов.

Иностранные дипломаты и исламоведы считают, что призывы западных лидеров к иранским руководителям отменить фетву нереалистичны, ибо это ставит под вопрос мудрость Хомейни как озаренного божественной идеей лидера исламской революции. Отмена приговора возможна лишь в связи с очередной сменой иранского режима, чего в ближайшем будущем не предвидится.

Сергей МЕДВЕДКО,
соб. корр. "ЛГ"

ДАМАСК

Правления Московской писательской организации и Союза писателей Москвы с глубоким прискорбием извещают, что на девяностом году жизни скончалась

Анна Евгеньевна ГЛУСКИНА,

доктор филологических наук, известная в нашей стране и за рубежом японистка, и выражают искреннее соболезнование ее родным и друзьям.

Рекламное агенство
Пресс-Инвест ЛТД
приглашает
на конкурсной основе
рекламных агентов,
с опытом работы
не менее 1 года.
Телефоны:
(095) 208-94-17
208-98-36

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Владимир ОГНЕВ

Репутация или имидж?

Было время, мне предложили написать книгу "о Солженицыне", то есть против него. Разумеется, я охотно предоставил это право другому автору. Но долго страдал оттого, что мне ПОСМЕЛИ предложить такое грязное дело, мне, чья репутация, казалось бы, полностью исключала возможность подкупа, мне, одному из первых подписывавших все эти знаменитые письма в защиту инакомыслящих, в том числе и Солженицына! И по сей день не могу отделаться от чувства стыда – за одно лишь то, что человек, "беседовавший" со мной на эту тему, мог, оказывается, питать такие иллюзии... И, кстати, функционер этот испытывал ко мне добрые чувства. За давностью не знаю, не досочинил ли я одну деталь или она в самом деле имела место: во всяком случае, если я не выдаю желаемое за действительное, он как-то сильно и дольше, чем надо... жал мне на прощание руку. Бывают странные вещи. О них знали Достоевский и Фрейд.

Лживая система разлагала и тех, кто вроде служил ей по идейным соображениям. Многие из них делали вид, что воспитывают меня, а иные и тайно симпатизировали. Наверное, беда их была скорее в идейном же лицемерии, нежели в недостатке старания. Вот почему, полагаю, они и халтурили в своем охранительном деле.

Странная история вокруг "Метрополя" окончательно убедила меня в беспринципности власти. Соглашательство властей началось с того, что они впервые на моей памяти начали с вербовки порядочных людей на осуждение мятежников – затея была заранее обречена и говорила о слабости режима. Ну, кое-кто слукавил, а большинство-то подтвердило свою порядочность. Да еще на людях. Оппозиционная же элита только поднабрала очки – очередной пожар явился для нее очередным украшением. Завистники всегда кивали на Евтушенко: критикует режим, а ездит по заграницам. Но поэт всего лишь требовал чистой Революции, говорил о ее перерождении. Страннее то, что люди открыто антисоветской ориентации пригревались режимом, были баловнями судьбы. То направленная утечка информации об открытой "антисоветчине" имярек, то тут же сообщение в прессе, что персонаж выезжает за бугор, да еще по высочайшему приглашению. Дураку ясно: кто-то цинично дирижировал общественным мнением. Ходили разные толки, слухи. Но дело проще: режим играл в свои игры, а допущенные к оппозиции фигуры – в свои. Репутации двоились. Становилось ясно: власти не интересовались репутациями. Им достаточно было имиджа. С ним приходилось считаться, его можно было формировать.

Лично я понял и другое. Ложным ориентирам нужны и ложные авторитеты. Собственная мера вещей и явлений резко расходилась с "общепринятой". Потому я и не завидовал никому, что знал свое место, не завышая, но и не преуменьшая значения собственной персоны. В почестях не видел я подтверждения значимости того, кому они предназначались. Мне близка мысль Монтеня: "Если я вижу в других нечто хорошее, я глубоко уважаю это... Нередко я даже преувеличиваю его ценность... однако выдумывать то, чего я не вижу в действительности, этого я решительно не умею". А потому не умею и поныне восторгаться теми, кто выдает себя за лицо значительное усилиями общественного макияжа. Печально, что эта умелость свойственна в равной степени как посредственности, так и людям способным, а то и талантливым. Толпа привыкает повторять за другими слова восхваления одним и тем же исполнителям, если те умело режиссируют свои мизансцены на каком-нибудь выгодном фоне. В последние годы я со смешанным чувством удивления и легкой брезгливости наблюдал за тем, как и без того улещенные публикой фигуры усиленно создавали свой имидж, подобно человеку и без того удачливому, кто, не удовольствуясь успехом у женщин, набивает на подошвы туфель высокие каблуки. Наблюдал с любопытством орнитолога, которому, разумеется, и в голову прийти не может соревноваться с птицами в цветах оперения.

Именуется эта раскраска имиджем. Имидж – тоже репутация, но натужная. Прочная репутация неотделима от живого лица. Имидж – маска на лице. Ну посудите сами: возможно ли такое словосочетание: "имидж Сахарова", "имидж Лихачева"? Смешно? Конечно. Репутация не требует усилий по ее поддержанию, достаточно характера и принципов. Это дело естественное, как бы самодвижущееся. Имидж требует подпитки, постоянных усилий. Иначе он обнаруживает ложность репутации. Имидж прямо-таки приклеен к слову "известность". Репутация скромна. Ей достаточно – с лихвой! – чувства собственного достоинства. А известность, что ж, может быть, и она – как-никак, а репутация все же – мнение общее. Но у древних римлян репутация имела синонимами "созерцание", "обдумывание". Стоит задуматься и над этим поворотом сюжета: не торопиться с судом поспешным. Может статься, что мы принимаем за репутацию всего лишь суету вокруг имиджа.

Пора бы научиться отличать одно от другого.

Анкета "ЛГ"

ЛИТЕРАТУРА: КАМО ГРЯДЕШИ

1. Что вы думаете о нынешней литературной ситуации и о влиянии литературы на современную жизнь общества?

2. 1921 годом помечен пессимистический прогноз Е. Замятина: "...я боюсь, что у русской литературы одно только будущее: ее прошлое". Что бы вы сказали, если бы эта фраза прозвучала сегодня?

Александр БОРОДЫНЯ

1. Сегодня нелегко разобраться даже в том, существует ли русская литература вообще. С одной стороны – свобода, выходят десятки журналов, сотни книг – пиши, что хочешь, печатай, что можешь. С другой стороны – человеку, воспитанному на серьезных романах прошлого века или предпочитающему большие романы середины этого (соцреализм, как ни крути, тоже жанр, и жанр настолько строгий, что требует серьезного изучения), просто нечего читать. Бульварной литературы (в основном это переводные романы с сильным запахом нафталина) навалом, порнография плохим слогом, мистика, женский роман, детектив, но и при большом терпении, поборов естественную брезгливость, трудно выискать хотя бы что-то себе на вечер почитать. Подумать над книгой стало совсем уж трудно – либо пугают, либо разоблачают, либо пытаются обольстить.

Кроме вышеуказанных жанров, существует еще и так называемый авангард. Хотя мне трудно понять, почему хаос и дисгармония, замешенные на бешеном эпатаже, вообще называются авангардом. Почему авангард должен быть хаотичной путаницей, почему он должен быть плохо написан? Но сегодня это именно так. Современный авангард в литературе, думаю, не тянет даже на собственные, вроде бы сформулированные задачи. Если уж ты занимаешься серьезно дисгармонией, то нужно довести эту дисгармонию до парализующего хаоса, чтобы скрежет твоих музыкальных инструментов или слов вызвал у обывателя острую негативную реакцию, чтобы это было ударом. Увы, авангард нынешний в основном навевает скуку.

Мы умудрились перепутать критику и литературу, политику и литературу, публицистику и литературу. Мы можем плохо написанную, насквозь патологическую повесть объявить шедевром – и не заметить, упустить в грязном потоке что-то стоящее, живое, красивое.

В моей жизни литература – это инструмент. Может быть, инструмент познания или, если угодно, тонкий социальный инструмент, вступающий в соприкосновение с телом общества, с нашей историей. Литература – это экспериментальное поле, где можно в достаточной безопасности заниматься сложными вариациями морали, это в конце концов всегда попытка заглянуть как в душу человека, так и в бесконечность космоса. И русская литература (я уверен, она как была, так и будет первой), находящаяся на грани культур Востока и Запада, соединяющая в себе два полюса, наиболее значима.

У русской литературы есть огромный читатель, миллионы людей, приученные к чтению, как к пище, выпивке, как к сексу, мало того, приученные к сложному, тяжелому чтению, к читательскому труду, миллионы – умеющие читать между строк. Литература невозможна без читателя.

Сейчас многим не хватает толстой книжки, над которой можно было бы подумать, которая способна была бы изменить жизнь человека, изменить ход его мыслей или хотя бы стать другом на долгие вечера. Не публикуют? Или не пишут? Или не пишут и не публикуют?

Мне кажется, следует немножко подождать. Россия уникальна тем, что с невероятной последовательностью повторяет все свои ошибки, достижения и подвиги. Как та жертва из старого анекдота, она неизбежно наступает дважды на одни и те же грабли. Конечно, наступит она на них и опять.

2. Когда в 1921 году Замятин сделал свой жутковатый прогноз, могло показаться, что нет ничего впереди, но впереди, уже за нашей спиной, сколько оказалось блистательных книг! Если рассматривать литературную ситуацию с 21-го по 93-й год, вольно назвав ее эпохой, то она получилась ох какой обильной на рассказы, блистательные романы, повести, да и отмечена не одной Нобелевской премией. Думаю: посмотреть из любой точки будущего, назвать любой отрезок условно эпохой – и получится то же самое, не умерли же мы еще, в конце концов дышим.Чем сильнее внешний пресс, тем сильнее противостоит ему наше слово. Чем больше вокруг хаос, тем слово это будет строже, гармоничнее. Когда вдруг потеряны все ориентиры, кто как не литература поставит новые пограничные столбы! Думаю, все будет. Думаю, все уже есть, просто не видно в бешеном смерче летящего мусора. Ветер чуть ослабнет, пыль упадет – и посмотрим.Надеюсь, это произойдет скоро.

Марк ЛИПОВЕЦКИЙ

1. Мне кажется, говорить о влиянии литературы на современную жизнь общества сегодня не приходится. Современная русская литература в отличие от прежних, еще недальних лет уже перестала быть объектом массового чтения. Причин тому много, как внешних, вроде утраты литературой роли "нашего всего", так и внутренних – имею в виду изменение качества самой литературы, ее реальную сложность. Настоящей же массовой литературы – в западном понимании – у нас пока что так и не возникло. Новые сочинения этого рода не выдерживают конкуренции с переводными "хитами". Так что по-прежнему, уже в рыночных бестселлерах, числятся "Тени, которые все никак не исчезают в полдень" и нескончаемый "Вечный рев". Странно, но и наши постмодернисты проигнорировали ту задачу, которую решали их западные коллеги, – а именно сопряжение возможностей массовой и "высоколобой" литератур. Наш постмодернизм так и остался элитарной штучкой. Увы или ура – не знаю.

Однако при всем при том нынешняя литературная ситуация не вызывает у меня пессимизма. О ее оздоровлении свидетельствует устойчивое появление новых интересных авторов.Казалось бы, пребывающая в катастрофическом состоянии литературно-издательская инфраструктура тем не менее довела до печатного листа романы Владимира Шарова и Михаила Шишкина, "Жизнеописание Хорька" Петра Алешковского и прозу Андрея Дмитриева. В то же время и в старшем поколении уже произошел естественный отбор. Многие выпали в осадок – но, может быть, заслуженно? Зато те, кто остался, – остались, думаю, надолго.

Кстати, еще деталь. Как изменился характер наших дискуссий. Да, ругань вроде бы не стихает. Но ведь спорим уже не о том, кто лучше – "правые" или "левые", кто у кого что спер и кто на кого настучал. Даже неприглядный эпизод литжизни прошлого года: унтер-офицерская вдова в лице почитаемых мной И.Роднянской и С.Костырко, высеких свой журнал за незаурядный роман Шарова. Но ведь и тут: спор шел не о политике, а о литературе и ее пределах. Собственно, на эту же тему идут и другие – никем не назначенные – дискуссии о постмодернизме, современном реализме (или постреализме). А ведь это те самые вопросы, не ответив на которые, немыслимо понять литературный процесс как целостный организм. И, полагаю, раз эти вопросы возникают, значит, и сам этот процесс никуда не исчезал, а идет себе по своим законам и требует от профессионалов адекватного осмысления. Так что предмет есть.

2. Цитирование знаменитой фразы Замятина столь привычно, что уже никто не обращает внимания на то, что пророк оказался не прав. Пророк, потому что все сбылось – и засилье "юрчайших", и то, о чем говорилось в "Большим детям сказках" и романе "Мы". Сбылось в наихудших, самых невообразимых вариантах. Но, как ни цинично это звучит, если б не эти варианты – стали бы теми, кем стали, Мандельштам, Ахматова, Бродский? Состоялся бы Платонов? А Шаламов? Я в этом сомневаюсь.

С другой стороны, литература, в сущности, всегда имеет только одно будущее – свое прошлое. Сегодня – в точке перелома со смещением – это особенно актуально. Говорю не только о постмодернизме с его "римейком" всей прошлой культуры. Не только о ностальгии по "Большому стилю" – она, похоже, будет нарастать, и соц-арт лишь ее ранняя форма. Скорее, речь стоит вести о не реализованных до конца вариантах принципиально новой эстетики. То, что гениально прозревали в 30-е годы Мандельштам и Платонов, то, что сделано Шаламовым и Бродским, – все это, в сущности, основания той новой художественной с и с т е м ы, которая только сейчас начинает как система формироваться. И тут, кстати, обнаруживается действительно незаполненный провал. В литературоведении. Сегодня острейшая нужда в таких крупных научных проектах, как, скажем, четырехтомная "Теория литературы" в 60-е. Исследование русской литературы XX века сегодня – дело кустарей-одиночек. Мало того, до сих пор заперты в труднодоступных (для нас) западных изданиях или не переведены лучшие работы лучших специалистов по русскому XX веку – А.Флакера и Ж.Нива, И.П.Смирнова и Р.Д.Тименчика, Д.М.Сегала и Ю.И.Левина, Б.М.Гаспарова и Ю.К.Щеглова... О теоретиках я уж и не мечтаю.

Юрий РЯШЕНЦЕВ

1. Мне кажется, что литература – это ведь не просто хорошие или даже очень хорошие книжечки. Это скорее некая стихия – как воздух, как свет, как огонь. Если она и порождена человеком, то вышла из-под его контроля и сама способна рождать личность или, во всяком случае, активно участвовать в ее формировании. Общество способно зажечь несколько лишних свечей или, скажем скромнее, спичек, способно погасить их, не дав им разгореться, но сама стихия огня не перестанет от этого существовать и влиять на человеческую жизнь.

Стихия, она стихия и есть. Люди могут от души презирать ее, поглядывать на нее сверху, даже поплевывать, как, скажем, пассажир "Титаника" поплевывал с верхней палубы на мелкую волну. Но он сам при этом не чувствовал, как меняется его походка от того, что стихия существует и волнуется. В итоге волна покрупнее накрыла и его, и сам "Титаник".

Совсем не обязательно быть читателем, принадлежать к так называемой "читающей публике", чтобы испытывать прямое влияние литературной стихии. С интересом наблюдаю своего семнадцатилетнего сына, долгое время принципиально не желавшего иметь дело ни с какой книжной премудростью из протеста против родительского стремления оторвать его от чисто дворовых интересов. Не могу сказать, что он вдруг стал книгочеем. Но одолевающие его вопросы, традиционные для "русских мальчиков" даже в их тушинских дворовых воплощениях, буквально толкают его к книжным полкам или же заставляют кидаться к людям, для которых книга – это мать родная.

При всей неоднозначности нынешняя литературная ситуация хороша тем, что автоматически отсекает от занятий литературой всех, кто способен ею не заниматься. Литературные профессии неприбыльны и больше не сулят ни почета, ни власти. Впрочем, и раньше лирики проигрывали "в почете" сперва физикам, потом экономистам, позже предпринимателям. Но, обратите внимание, всякий раз проигрывали как бы в финале: и тех, и других, и третьих победителей непременно сравнивали именно с писателями. Эта обреченность сильных мира сего на вечное состязание именно с теми, кто не претендует на власть и богатство, очень показательна.

Человеку не дано избавиться от литературы, не перестав при этом быть человеком. Разумеется, в том понимании этого слова, которое исповедуют нормальные человеческие существа. И я бы не стал проявлять особого беспокойства за грядущее этого вида искусства.

2. У Замятина было больше оснований для страха, чем у нас. Он делал свой прогноз накануне такого торжества воинствующей бездарности, какого, даст Бог, не допустит больше неправдоподобно талантливая земля, на которой мы живем. Народ, перенесший такое планомерное уничтожение своих талантов и не оскудевший ими, должен быть уж очень покладистым и даже просто бесхарактерным, чтобы вновь позволить так обращаться с собой. Ничто же другое не в состоянии остановить движение мысли и чувства, ежедневно являемое в слове сыновьями этого народа.

Я не очень большой оптимист. Скорее, наоборот. (Пожалуй, только наша тугоухая критика способна путать автора с героем его мюзикла, предлагающего "пора-пора-порадоваться на своем веку".) Наверное, это прозвучит совсем невесело, но именно в силу своего пессимизма прежде, чем в высокоразвитую российскую экономику, прежде, чем в высокоинтеллектуальный российский парламент, прежде, чем в высокопрофессиональную российскую армию, я верю в русскую литературу, без которой в России невозможно ни первое, ни второе, ни третье.

Сергей ФЕДЯКИН

Постмодернизм. Вторая серия

Те же и Борис Парамонов

"НОВЫЙ МИР", № 7, № 11, № 12 (Н.Лейдерман с М.Липовецким, П.Басинский, И.Роднянская). Сюжет с постмодернизмом казался исчерпанным. Но рухнул на страницы "НГ" Борис Парамонов – и... вспомнилась конференция трехлетней давности (шумная, полная энтузиазма) в Литинституте и машинопись последующего сборника "Постмодернизм" (с традиционным в названии привеском после двоеточия – не то "за и против", не то "вчера и сегодня").

Ненаписанные книги часто открывают тайное тайных писателя. Невышедший сборник приоткрыл (для меня) тайное тайных постмодернизма.

Две части: "произведения" и "статьи". Проза – совсем никуда (с почти больным желанием авторов нецензурно выругаться, записать сокровенное словцо хотя бы латинскими буквами), стихи – всякие, но в целом – много лучше (не всегда, правда, ясно, почему это или то – "постмодернизм"). Самое примечательное – статьи.

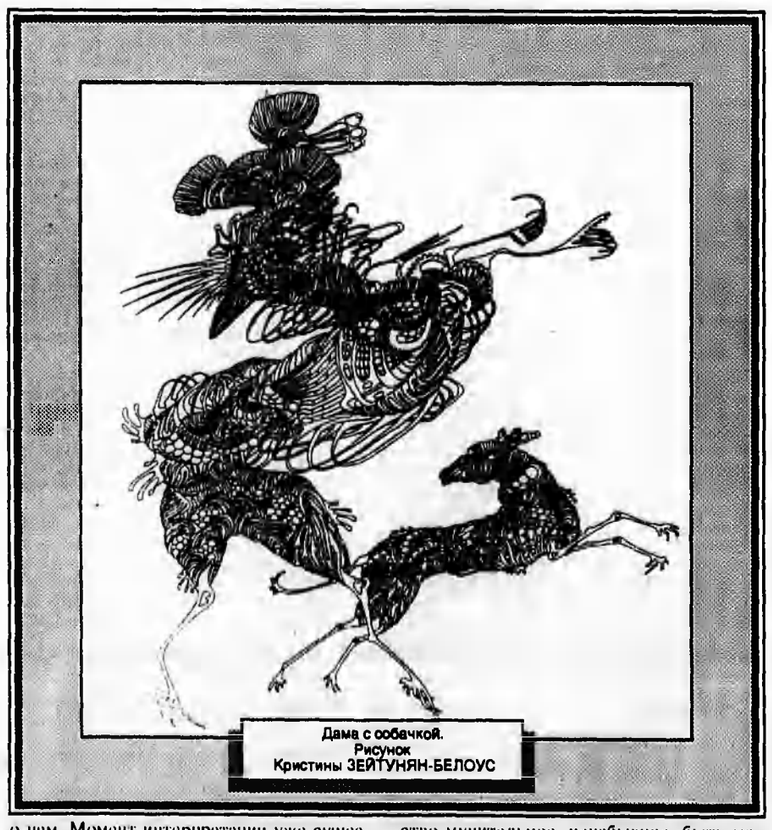
Когда ныне известные Курицын или Липовецкий появляются с одиночными статьями (то там, то здесь) – это "рассеянная стрельба". Когда они и еще с десяток авторов, по-настоящему талантливых и каждый чуть ли не с "манифестом", появляются рядом – это "залп". И каждый натерпелся, каждый хотел высказать "все" (оттого часто статьи не хотели заканчиваться, автор говорил, говорил, говорил, в два, в три раза превышая заранее оговоренный объем). Мелькали все те же имена: Умберто Эко, Борхес, Джойс... Из русских – Набоков, реже – Саша Соколов, иногда – Андрей Битов (но все "не совсем наши", предтечи). Писали бойко и задиристо. На мир надвигалась новая эпоха: постмодернизм.

От заявленного направления веяло духом элитарности. Материалом для произведения служит не только и не столько действительность, сколько действительность, "переработанная" культурой. Отсюда цитатность, центонность, обыгрывание знакомых уже сюжетов и столь частое: книга, которая пишется о том, как пишется другая книга, которая тоже о том, как пишется еще одна книга, и т.д. И вся эта "многотрудная" работа замкнута на ту книгу, которую пишет автор.

Но значит (приходило на ум) действие происходит "не по-настоящему", но "по-книжному": из кубиков мировой культуры автор строит памятник самому себе, он волен строить как ему угодно, персонажи могут действовать вне всяких правил, и тут уже никакое "не верю!" (по Станиславскому) не действует. Установка – наиболее далекая не только от реализма, но и вообще от любого направления (классицизма, романтизма), где герои все-таки действуют по каким-то внутренним законам.

Смущало, как ловко они развивали свои теории: в доказательство ("кирпичик" для возводимого здания) могло идти любое высказывание, любой авторитет, не только Умберто Эко с Набоковым, но и Флоренский, и Флоровский (что особенно поражало), и вообще кто угодно: любая знаменитость от Конфуция до Хайдеггера работала на постмодернизм.

"Делатели" теорий не унывали. Направление не дало в России ничего достойного? Еще даст. А не даст – была и такая хитрая "защита Лужина", такой замысловатый "ход конем" – не романы и пр. есть настоящий постмодернизм, но литература о нем. Момент интерпретации уже существует в любом постмодерновом произведении, и недостаток в прозе и поэзии легко искупается обилием хороших статей, которые именно интерпретацией и занимаются. Была игра, придумка, "шуточка". Но было еще что-то назойливое – не попытка понять, осмыслить, а попытка предначертать ход событий: я так хочу – и пусть так будет.



Дама с собачкой.
Рисунок
Кристины ЗЕЙТУНЯН-БЕЛОУС

"Модернизм", "постмодернизм" – вертеть словами можно как угодно ("определять" и "переопределять"), но в чем лежит их различие – никто внятно не объяснил. "Цитатность", "центонность" – явления древние, и ничего собственно "постмодернистского" в них нет.

"МИР КАК ТЕКСТ" – вот где была разгадка. "Мир есть текст" не просто "идеология", но непосредственное восприятие мира, – чувство мучительное, неизбывное, быть может, вовсе и не "постмодернистское", но оно лучше всего объясняет кошмар, опрокинувшийся на умы нового литературного поколения.

Поначалу казалось, что слово "текст", так часто мелькающее в устах интерпретаторов, – слово случайное: начитались современных семиотиков. Оказалось, нет. "Культура есть текст" – значит, можно извлечь из нее любой фрагмент и "встроить" в свое произведение, повернув как угодно: боком, вверх ногами, в виде фотографии, да еще в негативном варианте... Понятие "слово" и сама филология именно как "любовь к слову" здесь не присутствовали. Постмодернисты любили именно текст. Из любого текста интерпретатор мог выделить что угодно, новый "интересный" текст. Из этого следующий интерпретатор начнет лепить свое – повторится сюжет "вложенных" текстов ("романа в романе"), но все будут "на месте", ссылка друг на друга вытянет из забвения всех. В статье Олега Дарка в "НГ" (26.01.94) бросилось в глаза: мир есть текст, и это всегда понимали люди средневековья. Но люди средневековья имели перед собой Писание, где один из канонических "текстов" прямо начинается: "В начале было Слово"... Средневековый человек и видел мир как слово. И не только средневековый человек, но и вообще человек, то есть тот, кто "по образу и подобию" (ведь и древние греки говорили о Логосе). Мир был Словом (и любое произведение – его подобием), из которого можно выделить часть, но часть неизбежно несет на себе печать целого.

Текст – это только контуры слова. На нем нет печати божества, и потому из него можно строить, но его нельзя одушевить. Подменить слово текстом – то же самое, что вместо "Вы хороший человек" произнести: "Ваш вес – столько-то, ваш рост – столько-то. Объем ваших бедер – столько-то".

В живом произведении не текст состоит из слов, но слово – из текста. Слово – больше текста, как смысл фразы всегда "мощнее" смысла отдельных слов. Любое слово питается Словом, которое "в начале было", любое слово – "по образу и подобию". В тексте нет никаких подобий. Он не превышает само себя. А когда "текст" замещает "слово" начинается разложение, и не только этики, но и эстетики.

Усилия постмодернистов свелись только к созданию текстов, и, естественно, они были обречены. "Мир как текст" не спасет ни инъекция "реализма" (упования Лейдермана с Липовецким), ни защита сколь угодно большого числа апологетов. Впрочем, и защита живого слова (статья Басинского) – деяние почти безнадежное. Мертворожденный постмодернизм столь же агрессивен, как вечно мертвый соцреализм. И напрасно Ирина Роднянская так обиделась на Шарова. Он-то хотел произнести слово ("вавилонская башня" и "всемирный потоп" в XX веке), да воздуху не хватило. Вышел только текст, помимо воли. Постмодернизм же сознательно изготавливает "тексты".

Почему так скучен, так невозможен харитоновский "Сундучок Милашевича"? Весь роман – добротное "делание" текста, старательное нанизывание придаточных предложений, а в целом – ощущение архивной пыли и неизбывной тоски, что надо прочесть еще так много. Но ведь и тут в строчке-другой нет-нет да и выскочит из мертвого текста что-то живое (кусочки записей Милашевича). И большинство "новых" романов (Пелевин, Лапутин и проч.) качается между словом и текстом. Постмодернизму неуютно в романе (повести, стихотворении). Ему хорошо в статье. Здесь легче всего задушить слово и то, что некогда называлось словом "художественность".

"Хватит литературе учить!", "Литература должна стать литературой и ничем больше!" – а за лозунгами: "Тут уж я покуражусь! Сожру и на косточках покатаюсь".

НОВОЕ явление постмодернизма (Борис Парамонов в "НГ" от 26.01.94) идет под лозунгом "демократии". Теперь это не элитарная игра в кубики, вырезанные из мяса мировой культуры. Теперь это просто огромная мясорубка. Нет гениев, нет бездарностей – все равны, все "тексты". Это тоталитаризм ("проклятый царизм") требовал иерархии в искусстве. А мы... ("Стиль противоположен и противопоказан демократии... Господствует не стиль, а материал. Стиль же – это война с материалом, тотальная его организация. Стиль – понятие эпохи эксплуататорских обществ... Стиль бесчеловечен") – мы человечны.

Нам что Пушкин, что граф Хвостов, что Федор Достоевский, что Борис Парамонов – свобода, равенство, братство. Мы сами – как Пушкин. ("И одевался Пушкин небрежно, при щегольском сюртуке носил стоптанные башмаки. Пушкин не классик и не ренессансное в России явление, а постмодернист. Он эклектичен, у него нет единого стиля, он гениальный имитатор, даже пародист"). Вы к нам с моралью, а мы вас заставим матом ругаться. "Постмодернистическая демократия или демократический постмодернизм – это телешоу, на котором школьницы средних классов обсуждают темы вагинального и клиторального оргазма". И этим мы вас накормим и впредь будем кормить. А всякие "но лишь Божественный глагол до слуха чуткого..." – это не по нам (и этого в Пушкине не видим и видеть не хотим).

Душный, быть может, и талантливый, но бездарный (без "дара свыше") текст. Никакой "вертикали" в этом "плетении словес", никакого чувства "Слова". Но иерархия в культуре – не от общественной иерархии. Культура родится из культа, из иной, необщественной (по главному смыслу своему) связи. Стиль начинается в слове (а вовсе не в "тоталитаризме" или "репрессивной цивилизации"). В тексте ничего не начинается, им все кончается.

Каким чудом кусок парамоновской статьи вдруг повторился еще раз в самом конце? Сбой в компьютере? Но Парамонов получил именно то, за что "боролся". Случайный повтор этот – лучшее выражение советского постмодернизма, высшая точка его развития. Когда глаз наехал на знакомые "эпатажные" выкрики ("...не понимают, что "секс" важнее "сублимаций"...) – стало смешно: не манифест, не пощечина общественному вкусу, а жалкая передоновщина: залезу-ка я на наш трон в грязных сапогах, да сапогами-то и намажу еще! – сумеречный "текст", который водит недотыкомка, колесом бегущий бред, "околесица" в самом точном смысле слова. Нескончаемый бред, который может начаться с любого места, как в любом месте и кончиться. Никакой логики, никакой "иерархии" – полная "демократия".

На круги своя...

Было в самом истоке советского постмодернизма исходное неуважение к человеческой культуре ("как хочу, так и истолкую"), гурманское "все позволено". На смену эстету пришел "хам".

Сюжет не кончен. Началась вторая серия. Долго ли продлится?

И ВСПОМИНАЕТСЯ все та же конференция в Литинституте (тогда уже чувствовалось, куда это "понесет"), и гордый, жизнерадостный зачинатель "нового направления", и рядом - почтенный преподаватель...

"Вы были у нас на конференции?". – "Зашел пару раз". – "А что так мало?" – "Да... странно как-то находиться более получаса в общественной уборной".

«Литературная газета» приглашает к сотрудничеству рекламных агентов.
Тел.: 200-85-00, 200-98-36.

ШТРИХИ К АВТОПОРТРЕТУ

Владимир МАКСИМОВ:

“Литература там, где есть боль”

Фото Олега ИВАНОВА

– Владимир Емельянович, по возрасту вы принадлежите к поколению, названному "шестидесятниками". Но относите ли вы себя к шестидесятникам? И вообще эта знаменитая хрущевская оттепель оказала на вас какое-то влияние?

– Знаете, я всегда выбивался из этого ряда и, хотя по возрасту принадлежу к ним, всегда с ними полемизировал. Я говорил: о каком "правильном" социализме может идти речь? о каком социализме с человеческим лицом? о какой ленинской гвардии?.. Я уж из-за границы возмутился и написал письмо по этому поводу в "Огонек". По поводу стихотворения моего близкого друга, прекрасного поэта, человека мудрого, высокообразованного – Юрия Левитанского. Он стыдит русский народ, что вот, мол, такой неблагодарный – до сих пор Тухачевскому памятника не поставил. Тамбовскому палачу! Мне могут возразить: военный, выполнял приказ. А детей-заложников восьмилетнего возраста по его приказу расстреливали – это тоже военный приказ? А Кронштадт? Казнили по его велению пленных матросов – это тоже в духе славного русского офицерства? А утопить на суде своего бывшего начальника Академии штаба генерала Снесарева – это тоже по-офицерски? Уж не говоря о том, что в штаб-вагоне он всегда возил с собой не меньше шести баб... За это, что ли, мы ему памятники будем ставить? В результате отдел морали выступил с заявлением в "Огоньке". Вытащили мой стишок на смерть Сталина и обвинили в сталинизме. А тогда не худшие люди об этом писали. Мне было 22 года. Твардовскому – гораздо больше, он был гораздо умнее. А Яшин? А Симонов?.. Не худшие люди. Так нет, зацепились. Вот, мол, ну и что с него взять... сталинист!

– В литературе существует явление так называемых литературных пар. Всем известны такие, например, пары, как Шиллер – Гёте, Пушкин – Лермонтов, Толстой – Достоевский. Кого бы вы могли подобрать себе в пару?

– По этому поводу скоро будет напечатана большая статья у Виноградова в "Континенте". А в западной критике всегда выделяли пару Максимов – Солженицын. По мировоззрению, но отнюдь не по-человечески, он на самом деле мне наиболее близок.

– Отчего не по-человечески?

– Я это называю у него "толстовским грехом". Проповедовать одно, а жить по-другому. Вы, дескать, опрощайтесь и бросайте все, а я буду жить так же, как жил до этого. Мережковский хорошо подмечает подобный грешок у Толстого: да, конечно, вегетарианская пища, но стоит она семье во много раз дороже, потому что для этого надо держать отдельного повара. И вот эта двойственность преследовала Толстого до конца жизни. Из-за этой двойственности и вся его трагедия. И исход в конечном счете. Так же и Солженицын. Говорит одно, а поступает совсем по-другому. Простой пример. Иосиф Бродский – атеист. Но приезжайте в Нью-Йорк, наберите его номер и скажите: я хотел бы вас увидеть, побеседовать с вами – он сейчас же вам назначит время. А потом попробуйте достучаться до христианина в Вермонте. Вас не пустят дальше переговорного устройства на воротах его имения. И так во всем.

– Но в мае ожидается возвращение Солженицына в Россию.

– До понедельника еще надо дожить. Мы еще посмотрим на это возвращение. А вы слышали, как после октябрьских событий он заявил: это необходимый этап, через который надо пройти? В ленинских сочинениях я нашел почти такую же фразу. Это как же писатель может такое себе позволить?! Даже если расстреливают негодяев! А это не были негодяи. Это были обездоленные люди. Я видел там прекрасные русские лица. Не монстры никакие там были. Я в данном случае не встаю ни на чью сторону, не выясняю, кто здесь прав, кто виноват. Но убивали **живых людей**. И писатель, если он писатель, не может одобрить крови никак! И еще есть масса случаев, когда я ловил Солженицына на том, что его декларации расходятся с его жизненной практикой. Для меня это самое страшное и собственно в Солженицыне, и вообще в человеке. Я этого не понимаю. Что проповедуешь – так и живи.

– Вы коснулись недавнего прошлого русской литературы. А как вы оцениваете ее настоящее? Пришло новое поколение талантливых писателей, двое ужа удостоились Букеровской премии...

– По-разному оцениваю. Маканин – это серьезный писатель. А ваш модерн – это все изжеванные портянки 20-х годов. Все это давным-давно на Западе выблевано, а нам снова это возвращают. Мне могут сказать, что я не понимаю модерна. Но модерн Венички Ерофеева я понимаю. Почему он вызывает у меня восторг? Потому что там есть боль, там есть судьба. Литература там, где есть боль. А вот модерн Вити Ерофеева я никак понять не могу. Потому что это просто плохо.

– Считаете ли вы, что литература в России сейчас находится в худшем состоянии, нежели это было раньше?

– Мало сказать "е худшем". Идет просто распад. И причем распад хорошо сдирижированный. Те же иностранные премии... Почему они должны определять, кто есть кто в русской литературе? Что, у великого государства даже в нынешнем его состоянии не найдется нескольких тысяч долларов, чтобы учредить свою литературную премию?

– Но получить иноземное признание всегда считалось престижным...

– Вот именно. В этом и сказывается наша провинциальность. Может быть, Россия и в самом деле недостаточно обустроена, может быть, здесь недостаточно создано материальных ценностей, но единственное, что мир признал – при всем презрении этого мира к нам, при всей его ненависти к России, – он признал великую русскую литературу! Недаром и первым поэтом Америки признан русский поэт Иосиф Бродский. Это официальное признание. Это титул, который приносит должность заведующего отделом поэзии Библиотеки конгресса. Своего, значит, не нашли? Да просто нет сейчас в Америке поэтов. И нет поэзии. Она уже совсем сошла на нет. Никто не читает. И только благодаря фондам еще что-то издается. В Европе положение ненамного лучше. Хотя здесь еще есть два-три крупных поэта... Откуда у нас эта провинциальность? "За границей все лучшее". Не лучшее. В области литературы, во всяком случае. Мазохизм какой-то. Тотальное самоуничижение.

– Но, согласитесь, наша литература всегда следовала за литературой европейской, особенно французской. Зародилось Просвещение во Франции – откликнулось в России. Под влиянием немецкого Романтизма появился Романтизм русский, и этот период часто называют "золотым веком" русской литературы. Наконец, почти одновременно во Франции и России наступает эпоха Реализма. Чуть раньше все же во Франции.

– Все верно. Но мы – молодая страна. У них уже была цивилизация, а мы только-только язык литературный получили от южных славян. Но ученики-то оказались какие! Вот пример – восклицание Достоевского: о, если бы я писал, как Жорж Занд! Да сейчас все французы над этой фразой смеются! Мы и музыке учились когда-то у Запада. А посмотрите теперь афиши на парижских улицах. В основном все русские композиторы. От Мусоргского до Шнитке. И исполнители все отсюда. Чего же так комплексовать?

– Владимир Емельянович, расскажите теперь подробнее о русском зарубежье. На конгрессе соотечественников, помнится, многие отмечали, что третья волне эмиграции не только не стала преемницей эстетики первой волны, но хужа того – поколения эмигрантов находятся чуть ли не в состоянии взаимной вражды.

– Здесь очень много причин. Первое поколение, вернее, то, что от него осталось, занимает определенную позицию. Они считают себя хранителями огня. Они считают, что к ним все должны идти на поклон. Так считали и Одоевцева, и Шаховская, и другие старики. А никто не пошел. Потому что для нас они никогда не были литературными авторитетами. Я пригласил, правда, в редколлегию "Континента" Зинаиду Шаховскую. Но моим учителем она не может быть, потому что это не тот уровень. Их это очень обижало, оскорбляло. А Набоков, с которым я встретился по его желанию, – кстати, его сестра организовала эту встречу, – он вообще был в стороне и над. Он не считал себя эмигрантским писателем. К эмиграции относился с большой брезгливостью. После моего двадцатилетнего опыта эмиграции я отношусь к ней точно так же. А на этом конгрессе у вас собрался такой мусор человеческий и интеллектуальный, что и разговаривать там не с кем было... Ну а вторая эмиграция была уже совсем неинтеллектуальной. Это угнанные в войну на работы в Германию, это пленные, беженцы и тому подобное. Первая волна к этому времени уже значительно поредела. И на безрыбье они возомнили себя большими политиками, мыслителями, писателями. В Америке эти деятели организовали массу кафедр по славистике, по русской литературе, причем брали всякого, лишь бы по-английски умел. У меня был один такой знакомый профессор в Америке, которого надо переучивать в пределах учебника литературы для четвертого класса. Профессор славистики! Просто диву даешься, насколько поверхностный уровень нужен там для профессуры по русской литературе. В Европе, правда, есть серьезные слависты... И третью волну приняли весьма недружелюбно. Они думали, что приедут новые политические кадры, которыми они будут руководить. А приехали самостоятельные личности. У некоторых были уже имена, известность. И не только в советской России, но и за рубежом. С таким явлением столкнулся Г.Владимов в бытность свою редактором "Граней". Он должен был носить на подпись каждую страничку журнала – каждую страничку верстки "Граней", – на подпись к абсолютно безграмотному директору. Но этот директор был "свой" – зять председателя организации. И вот к этому мальчишке большой писатель вынужден был ходить, чтобы тот поставил свою гнусную закорючку.

– Что вы думаете о судьбе своего детища, о "Континенте"? За рубежом это был, пожалуй, самый известный русский журнал. А в России он, похоже, оказался не в состоянии конкурировать со старыми "толстыми" журналами. Предполагали ли вы, что так сложится его судьба?

– Прежде всего хочу напомнить о том, что побудило меня передать "Континент" в Россию. Первое – я вам скажу откровенно – кончилось финансирование. Вторая причина – я считаю, что эпоха этого журнала кончилась. У него была задача идейного, духовного противостояния. Но эта "прекрасная эпоха" себя изжила. Появилась необходимость новой концепции. А у меня ее не было. Но вместе с тем я не хотел, чтобы недруги мои радовались кончине "Континента". И я пошел именно вот этим путем – передать журнал достойному человеку, которого я знаю давно и которому я доверяю. Пусть попробуют. А вдруг получится? У них хорошая стартовая возможность. "Континент" получил всемирную известность. Это единственное периодическое издание третьей волны эмиграции, которое входит во все универсальные энциклопедии мира. Не литературные, заметьте, а именно универсальные. Думаю, что "Континент" в России еще найдет себя.

– Расскажите о ваших отношениях с Синявским и Розановой. Как вы находите их журнал "Синтаксис"?

– В свое время я их позвал участвовать в издании "Континента". Но это люди, которые привыкли к тому, чтобы им подчинялись. И они хотели делать журнал по-своему. А меня держать при журнале этаким зиц-председателем Фунтом. Но я по своему характеру не гожусь на такую роль. Я отовсюду уходил. Я из школы ушел, из дома ушел, из Союза писателей ушел, из страны, наконец, ушел. У меня было свое видение журнала. И отказываться от своей концепции я не собирался. Поэтому я и от них ушел, но только вместе с журналом. Я сказал: журнал никогда не будет антисемитским, антитатарским, антиукраинским, но он никогда не будет и антирусским. Нет, я не считаю позицию Синявского и Розановой русофобской, но и адекватной концепции "Континента" я их позицию тоже считать не могу. Углубляться в эту старую тему я бы не хотел. Потому что недавно они мне позвонили, а я всегда очень высоко ценю, когда противник, оппонент первым протягивает руку. Я капитулирую мгновенно. Хотя часто это оказывается подвохом... А "Синтаксис" – журнал очень хорошего уровня. Единственный был недостаток – сейчас они от этого отказались – личные антипатии сразу переводились в литературную область и выставлялись на страницах "Синтаксиса". Вот это и есть грех нашей либеральной интеллигенции. Не "наш" – значит, и писатель плохой, и художник плохой, и артист плохой. "Наш" – значит, гениальный, прекрасный, замечательный. Они и обо мне погромную статейку заказали и напечатали. Таких методов я не принимаю. Я, например, на дух не переносил Довлатова. По многим причинам. Но проза его... Я всегда печатал его, сам читал с огромным удовольствием и отзывался о ней очень высоко. Я никогда не переносил своих личных или политических неприязней в профессиональную область. Я считаю это величайшим грехом перед профессией, перед Господом, если хотите. Но повторяю, что эта тема исчерпана. Недавно мы с Синявским сделали совместное заявление о ситуации в России.

– В Париже есть некий г-н Толстый. Он издает журнал "Мулета" и называет себя вивристом. Как вы оцениваете эту сторону литературы русского зарубежья?

– Я называю это заграничной литературой. За гранью добра и зла. Это даже всерьез обсуждать нельзя. Вивризм... Да вы называйтесь как угодно. Один – метафизический сюрреалист, другой – сюрреалистический метафизик, этот – виврист, называйтесь как угодно, но умейте это делать. Умейте оправдать свои словеса-то! Ну не умеете вы, господа! Ну плохо это. Чисто профессионально плохо. Художественная самодеятельность! Я же вырос в литобъединениях. У нас в литобъединениях таких гениев было всегда по дюжине! "Мулета" – это просто такое вызывающее, эпатирующее, скандальное изданьице. Мне иногда говорят, что мое отношение к такого рода литературе – это ханжество, это только русские так относятся и проч. Но вы назовите мне большого западного писателя, кроме Генри Миллера, который бы пользовался т а к о й широкой известностью? Нету! У него это естественно. А эти?.. Лишь бы выругаться. Виристы! Правильно написал Непомнящий в "Континенте" – прекрасная была статья, – Барков не имел в виду печатать свои произведения. Чего же вы его печатаете? Мы можем быть с вами интеллектуалами в высшей степени, а в своей личной, тайной жизни у нас масса всего. Свои грехи, свои пороки, свои извращения. И отнюдь не значит, что это должно непременно становиться литературой. Или это надо сделать предметом литературы и убедить меня в этом. Прочитайте повнимательней сцены с Наташей Ростовой в "Войне и мире". Они в высшей степени сексуальны. Там любовь, там влюбленность, там влечение, если угодно. Но как это сделано! Это надо уметь. В этом и есть величие большого писателя. Ты ключиком отворяй литературную дверь, ключиком, а они с отмычкой лезут, с фомкой вламываются в литературу...

Беседу вел
Юрий РЯБИНИН

Николай АНАСТАСЬЕВ

Победители сатаны

Так называют художников. Автор статьи тревожится: будет ли побежден сатана в нынешней России

ВЫСТУПАЯ перед вновь избранными парламентариями, президент обронил: может, все наши беды оттого и проистекают, что культура и образование остаются в тени государственных забот. Хорошо, что мысль прозвучала. Жаль, что только мелькнула, потонув в рассуждениях о демократии и реформах. И еще огорчительней будет, если останется всего лишь политической риторикой, не влекущей за собой никаких реальных обязательств.

А может, не стоит огорчаться? Разве не знаем мы, как коварна опека государства? Необязательно даже оборачиваться на собственную литературную историю, печальную, а то и кровавую. Можно вспомнить ну хотя бы злоключения мольеровской музы. Не так уж парадоксален замечательный мексиканский поэт Октавио Пас, когда пишет, что "классицизм" Короля-Солнце духовно обесплодил Францию.

Так то, скажут, коммунистическое тиранство, то, скажут, монархическая деспотия.

Не надо иллюзий. Демократическое государство – тоже власть, а власть по природе корыстна. Опасно приближаться к огню на слишком короткое расстояние. Известна история, которая может показаться апокрифом, но, по свидетельству знающих людей, случилась в действительности. Когда президент Кеннеди пригласил в Белый дом американских ученых и писателей – нобелевских лауреатов, Фолкнер, "единственный владелец Йокнапатофы", приглашение отклонил, заметив, что не стоит предпринимать такое дальнее путешествие ради удовольствия пообедать с незнакомым человеком.

Наверное, этот опыт выглядит простым чудачеством в глазах тех наших соотечественников, которые называют себя писателями-демократами и с большой охотой участвуют в кремлевских встречах и застольях. Разумеется, ничего зазорного в этом нет. Я не сомневаюсь, что многих в коридоры власти влечет не мелкая суета, а мотивы серьезные и даже высокие. Но не надо смешивать гражданское служение с писательским искусством.

Вообще говоря, писатель-демократ – это такой же оксюморон, как, допустим, писатель-монархист или писатель-католик. Если, конечно, это действительно писатель, а не персонаж, для которого слово – лишь инструмент выражения социальной идеи или религиозного учения.

Ралф Уолдо Эмерсон был человеком свободомыслящим, более того – духовным вождем американской демократии и к тому же большим патриотом Америки. Томас Карлайл был человеком консервативным, более того – апологетом феодальной иерархии и к тому же космополитом. Но у культуры свой язык и свои нравы. В переписке Эмерсона и Карлайла, ставшей выдающимся памятником художественно-философской мысли прошлого века, нет или почти нет слов "прогресс", "демократия", "парламентаризм" и т.п., но есть слова "странный гений", "Вавилон", "тяжба со временем", "царственный гимн Интеллекту" (так отозвался Эмерсон о карлайлевом "Фридрихе Великом", хотя идеи этой книги не могли ему быть близки).

Верность политической системе или религиозной конфессии – это ангажемент, а слово поэта – это всегда слово раскольника, независимо от того, нравится ему то или иное общественное устройство или не нравится. Или – слово постороннего, как бы страстно ни переживал он текущее время.

Гёте, как известно, приходилось исполнять государственную службу; не чужд он был и морализаторству, но... "Вполне возможно, что произведение искусства имеет нравственные последствия, но требовать от художника, чтобы он ставил перед собой какие-то нравственные цели и задачи, значит портить его работу". Томаса Манна постоянно заносило в политику, а в мире морали он вообще пребывал постоянно. Но это не мешало ему подсмеиваться над самим собой – "странствующим поборником демократии", – как не мешало и утверждать асоциальный, внеморальный, остраненный характер искусства: "Нам хорошо известно, что не моральное, а эстетическое начало лежит в основе натуры художника, что главный его творческий импульс – это стремление к игре, а не к добродетели и что даже если в наивности своей он осмеливается играть проблемами и антиномиями морали, то игра эта носит лишь словесно-логический характер".

Так зачем же власти помогать тем, кто в лучшем случае ей не мешает?.. А она и не помогает, разве что сетует, как видно из президентской речи, на собственное небрежение интересами культуры.

СРЕДИ коммерсантов и деловых людей трудно пока найти меценатов или, если искать поближе к нам во времени и пространстве, новых Третьяковых и Мамонтовых. Трудно, но все-таки можно. Деятельность фонда "Триумф", который недавно во второй раз присудил премии за высшие достижения в области художественной культуры, обеспечивается ЛогоВАЗом. За журналом "Элита" стоит корпорация братьев Лариных. За "Континентом" – Инкомбанк. Ощутим вклад заграничных людей и институтов. Не исключено, что без поддержки Джорджа Сороса и его фонда "Культурная инициатива" об иных наших периодических изданиях, составляющих славу и достоинство отечественной культуры, впору было бы говорить в прошедшем времени.

Для государства и его учреждений примеры эти заразительными пока не стали. Дальше вербальных заверений в симпатии и протоколов о намерениях дело, как правило, не движется. Говорю со знанием предмета – как работник издательства, которое хотело бы решать романтическую по нынешним временам задачу: выпускать "трудную", как некоторые говорят, заведомо некоммерческую литературу, сочинения, рассчитанные на медленное, сосредоточенное чтение и, соответственно, на неширокий читательский круг. С горечью употребляю именно эту модальность – хотелось бы. Но не можем, почти не получается. Книги "Культуры" – действительно культура, это я точно знаю и говорю без хвастовства, да ничтожно мало их выходит: каждое издание дается с величайшим напряжением сил и воспринимается как победа.

К Министерству культуры и его руководителю, старому моему товарищу (надеюсь, не воспримут это как суетное желание обнаружить близость к власти) Евгению Сидорову претензий никаких. Я твердо убежден, что он не просто говорит, но действительно желает помочь. Но опять-таки желает – не может. Скуден бюджет, который не министр формирует.

Вот и лежат месяцами и подолее готовые к печати вещи. Томится книга Василия Катаняна – воспоминания о Сергее Параджанове. Ждут часа, который может и не настать, беседы с Альфредом Шнитке, записанные музыковедом А.Ивашкиным. Никак не доберется до типографского станка даже первый том собраний сочинений Сергея Аверинцева. Впрочем, довольно – получается реклама, которая, как известно (и это как раз нормально), бесплатной теперь не бывает.

Замечу лишь, что речь идет о сочинениях (не только этих, других тоже), о художниках, мыслителях, которые не хотят заниматься политикой, не хотят проповедовать, но, как избранные, располагаются в легком и свободном мире искусства. И потому как бы неинтересны, не нужны государству.

Это возвращает меня к основной проблеме, которая не сегодня возникла и завтра не разрешится, даже при самом благоприятном течении событий. А что на частность отклонился, так ведь прав был Ницше: вечные вопросы ходят по улице. А в пересломные времена, вроде наших, не просто прогуливаются, но толкают под локоть, наступают на ноги, без стука входят в дверь. И не в одну – во все двери.

Уильяма Питта Младшего как-то попросили помочь вечно нуждавшемуся Бернсу. "Литература сама о себе позаботится", – раздраженно отмахнулся премьер-министр. Узнав об отказе, Роберт Саути сказал: "Это верно, позаботится, только она и вами займется, если вы не будете обращать на нее внимания". В этом случае речь идет о деле вполне практическом, и уважаемый, в том числе и начальством, поэт-лауреат как бы предостерегает власть, давая понять, что с художниками лучше не ссориться.

Но "обращать внимание" и "заботиться" стоит, не опасаясь возмездия, не ожидая благодарности, не покушаясь на свободу и памятуя о том, что культуре неинтересны близлежащие цели правительства, партийная полемика, механизмы перехода к рынку и даже демократия. При этом, может быть, сама того не желая и стремясь лишь к четкому совершенству формы, она давно превратилась в спутника человечества, которое "никогда не сможет отвратить своего омраченного виной взора от невинности искусства" (Т.Манн).

Карлайл называл художника победителем сатаны. В потусторонние силы, впрочем, верить необязательно, достаточно оглядеться окрест.

Говорят или подразумевают, что средств на культуру не хватает потому, что сначала надо расплатиться с шахтерами и обустроить армию. Социальное недовольство рабочих и особенно людей в военной форме – это, конечно, плохо, очень плохо, оно может смести любое правительство и подорвать стабильность.

Но паралич культуры, но голодание духа – хуже. Это источник постоянной и все растущей ожесточенности, это источник насилия и крови. Самообеспечение искусства, на которое политики, как видим, надеялись в просвещенной и очень демократичной Англии и о котором сейчас говорят у нас, – идея порочная.

Чем яснее власть осознает это, чем быстрее хорошие пожелания воплотятся в реальную политику, тем быстрее войдет жизнь в нормальное русло.

“Букер-94”:

старт дан, финиш – 15 декабря

"Книжное обозрение" опубликовало недавно список номинаторов русского "Букера–94". Список забавный: во-первых, неполный, во-вторых, с какими-то странными сведениями (сообщено, допустим, что А.Архангельский представляет "Сегодня", Б.Окуджава – "Знамя", а Ст.Рассадин – "Дружбу народов"). Однако с этой публикации для читателя началась новая букеровская гонка. К середине апреля, когда номинаторы дочитают русскую литературу–93, будет объявлен список выдвинутых произведений. Тут-то мы и кинемся их читать и писать рецензии. Тогда же официально провозгласят состав жюри. Он, в общем, уже известен: и даже в одном из вопросов, обращенных к Елене Криштоф, координатору Букеровской премии в России, интервьюер якобы случайно выдал фамилию одного из свежеиспеченных арбитров. Остальных, соблюдая правила игры, пока выдавать не будем.

– Елена Михайловна, когда мы договаривались о встрече, вы попросили принести копию последней статьи "ЛГ", посвященной Букеровской премии, добавив, что учредители премии читают наши сочинения и делают какие-то выводы. Какие выводы?

– В частности, им кажется, что жюри должно быть более "русским", то есть более приближенным к современной русской литературе, больше вовлеченным в литературный процесс. Видимо, это верно, и члены комиссии, которая определяет состав жюри, в будущем это учтут. Кроме того, учредители дают рекомендации по праздничной церемонии,по взаимодействию с прессой...

– А кто входит в эту комиссию? Кто решает, кто будет решать, какой русский роман – самый лучший? Кто считает, что Войнович может быть экспертом не только по госбезопасности, но и по литература? Или это секрет?

– Это вовсе не секрет, я могу назвать состав комиссии. Сэр Майкл Кейн – председатель, Родрик Брейтвейт, бывший посол Великобритании в Москве, Кэтрин Фримэн, директор крупной радиовещательной компании, Франсис Грин, издатель и, кстати, сын Грэма Грина, Джордж Уолдон, член парламента, профессор Кристофер Маклехауз, представитель издательства "Харвилл Пресс", который мечтает перевести на английский что-нибудь из современной русской прозы, и профессор Дженеральд Смит из Оксфорда. Все это люди, хорошо знающие и любящие Россию. У комиссии широкие связи с международным сообществом славистов, и она принимает решение, ориентируясь не только на свое мнение. Та же комиссия определяет и состав номинаторов.

– Состав жюри, очевидно, идеальным быть на может: кого бы ни назначили, здесь всегда будут недовольные, а в некоторых случаях просто и хихикающие... Но с номинаторами, мне кажется, дела обстоят лучше: учтены самые разные "тусовки"...

– В английской премии среди номинаторов, кстати, гораздо больше издателей. В России другая структура "литературной жизни", поэтому здесь мы ориентируемся на критиков и на толстые журналы. Но, между прочим, в новом жюри есть мнение, что номинаторы многое пропускают. Поэтому и опубликован в "КО" их список вместе с телефонами: чтобы, например, те же издатели могли сообщить номинатору о новых романах.

– Скажите, а организаторов премии устраивают ее, так сказать, "спортивные итоги"?

– Нам бы хотелось, конечно, чтобы лауреат пользовался всеобщим признанием. В первый раз был яркий шорт-лист, во второй весь первоначальный список был интересным. И нас порадовала победа Маканина как безусловно авторитетного автора.

– Вот как? А я, и не только я, убежден в обратном: премии гораздо выгоднее, чтобы победитель определялся не "по совокупности", как в случае с Маканиным. Букер как раз выгодно отличается от остальных тем, что премирует конкретное сочинение , а не имя.

– Конечно, премия призвана определять именно роман года. На практике, однако, все это очень сложно и субъективно.

– А жюри должно обязательно формироваться по жесткой схеме? Чтобы был писатель обязательно, обязательно британский профессор, обязательно журналистка...

– Исходная идея: обеспечить разнообразие подходов и вкусов. Причем авторитетное разнообразие. Были даже предложения включать в жюри просто интеллигентного читателя, скажем, титулованного физика, математика...

– Может ли, например, Генис или еще кто-то через несколько лет вновь стать членом жюри?

– Да, это возможно.

– Именно жюри определяет, за что в очередной раз будет вручен "малый Букер"?

– Нет, окончательное решение за тем анонимом, что учредил эту малую премию. Он, конечно, ориентируется на советы комиссии, но последнее слово за ним.

– А вот заинтересовались ли британские издатели прозой Марка Харитонова после того, как он стал лауреатом номер один?

– Я знаю, что после этого его перевели на французский и немецкий, но на английский, кажется, нет. Разумеется, есть связь между лауреатством и коммерческим успехом, но далеко не прямая.

– Но ведь, наверное, лауреат британского Букера сразу получает тиражи и успех?

– И это далеко не так. Тем более что в последнее время там становятся победителями большие и довольно сложные романы. На английском Букере тоже некоторый налет элитарности.

– Итак, в конце марта вы объявите "длинный список". А закончится марафон 15 декабря вновь, очевидно, в Доме архитектора. Чем вам так полюбился Дом архитектора?

– Сэр Майкл Кейн осмотрел многие помещения, но это привлекло его своим "английским" стилем: темное дерево, небольшой зал, отсутствие громкой популярности... Вообще я должна сказать, что организация букеровского марафона требует очень серьезных организационных усилий, приходится предусматривать массу деталей. Пользуясь случаем, я хочу признаться, что люблю эту работу не только потому, что люблю русскую литературу, но и потому, что мне очень нравятся люди, с которыми приходится иметь дело: номинаторы, члены жюри, журналисты... И хочу также выразить благодарность международной фирме "Тетра-Лаваль", нашему второму крупному спонсору.

Беседовал
В.КУРИЦЫН

ФИРМА ЯНОДЕНТ Это ваше здоровое и очаровательная улыбка

Обеспечиваем Вам все виды стоматологической помощи на сомом современном уровне.

Лечение зубов.
Лечение пародонтоза.
Удаление зубов.
Новейшие методы зубного протезирования.

Бюгельное протезирование по каталогам фирмы «КРУПП» ФРГ.
Фарфор и металлокерамика из материалов фирмы «ИВОКЛЯР» ФРГ.

Телефон: 161-21-88.

Интеллигенция и революция

Илья Эренбург против Александра Блока

О послереволюционной публицистике у нас все еще очень поверхностное представление. Называются три-четыре имени из разных в ту пору лагерей – И.Бунина и А.Серафимовича, М.Горького и М.Кольцова. Между тем в 1918 – 1919 годах большая часть русской интеллигенции прямо высказала свое неприятие большевистского переворота и особенно революционного насилия. К этому большинству принадлежал тогда и Илья Эренбург. Уже в конце 1917-го он написал исполненную отчаяния поэму "Молитва о России", фактически первый поэтический отклик на события октября. И такой же антиреволюционный характер был у статей Эренбурга тех лет.

Многое с годами изменилось. Спустя десятилетия, в тридцатые–сороковые, Эренбург писал иные статьи, по-иному оценивал давние события. Это предмет другого разговора. Однако сегодняшнему читателю будут небезынтересны ранние суждения Эренбурга – и его литературные статьи 1918 года, и публицистика осени 1919-го. Первая группа статей печаталась в московских газетах, вторая – в киевской во время деникинщины.

Ниже предлагается читателю статья из первого цикла – "Интеллигенция и революция", явившаяся ответом на статью А.Блока под тем же названием. Как известно, Блок провозгласил, что русская интеллигенция пошла против народа. И мы семь десятилетий повторяли эти слова, полагая, что волю народа выражали большевики, а те, кто позволил себе иметь отличное от них мнение о происходящем, – "враги народа". Как не вздрогнуть, увидев это словосочетание в конце эренбурговской статьи.

Поразительно прозрение Эренбурга, который шаг за шагом оспорил Блока. Не поверил в свободные выборы в Советы, осудил подбор судей по партийному принципу, выявил самое уязвимое в действиях большевиков – разрыв слова и дела. Признаем, что у Эренбурга были основания спросить Блока: "...Этого ли хочет народ? Миллионы крестьян, хотят они гибельного прекрасного безрассудства – или земли, дешевых товаров, порядка? Опыт делается без их ведома, но за их счет".

В публикуемой статье Эренбург защищал от нападок Блока русскую интеллигенцию, позже в статье "Стилистическая ошибка" оспорил Блока-художника, его революционную поэму "Двенадцать". Долгое время университетские профессора убеждали нас (и почти убедили) в ограниченности тогдашних писателей, не увидевших блоковскую правду. Как и прочие советские литераторы, читавшие поэму сквозь призму идеологических догм, автор этих строк, пусть и мимоходом, писал о "народной стихии", которую воспел поэт. Глядя на последствия урагана, который ужаснул одних и обрадовал других, Эренбург не принял эстетики поэмы, но еще решительнее – одобрения революционного произвола. В те дни Эренбург отказывался принять "новый мир", который сметает не только барские усадьбы, помещиков и капиталистов, но "заодно" и все представления о добре и гуманности.

Статья А.Блока была напечатана 19 января 1918 года. И.Эренбург ответил на нее 27 января. Статья появилась в газете "Труд" – органе Московского комитета социалистов-революционеров.

Александр РУБАШКИН

ЕЩЕ ОДИН писатель выступил с прославлением большевизма. На сей раз не вздох о субсидии ницшеанца Ясинского, не рассказы о зверстве офицеров (за приличное вознаграждение) Серафимовича – раздался искренний, пламенный голос большого русского поэта Александра Блока. В статье, напечатанной в газете левых с<оциалистов> – р<еволюционеров> "Знамя Труда", Блок прославляет "рабоче–крестьянскую революцию" и обличает интеллигенцию, которая, по его словам, ныне идет против народа.

Усмехаясь при известиях об "обращении" разных Ясинских, все мы, интеллигенты, в частности русские писатели, к которым обращается А.Блок, с глубокой скорбью читаем его исступленные и недостойные обвинения. Не только потому, что Блок истинный поэт, но потому что большой и многострадальной любовью любит он Россию. Во всей его поэзии главное место принадлежит России. Она появляется еще давно в туманном облике Прекрасной Дамы, она мелькает в снежных вьюгах, она дремлет в вековечном снегу, она – отроческая и жертвенная – бьется на Куликове, пьяная мечется, темная плачет, нищая поет, страдает, любит, верует. И теперь А.Блок всецело исходит из любви к России, в отличие от многих иных его мало интересует, насколько различные эксперименты над живой плотью родины выгодно отразятся на опыте и развитии германской с<оциал> – д<емократии>. Но, любя Россию, Блок ее не видит, не хочет видеть. Ему мнится, что она ныне ветер, что она несется с силой бури к новому, к иному. Мчись! и нашу болящую родину, изнемогающую мать нашу, голодную духом и телом, днем творящую самосуды, вечером от стыда ревущую, вьющуюся от муки червем с единым стоном "доживу ль до завтра", – он представляет в роли мировой акробатки, с юным задором прыгающей в новый мир.

Блок зовет нас понять происходящее, прислушаться к музыке революции, к ритму ее. Мне кажется, что я сейчас, закрыв глаза, слушаю. Вот крики убиваемых, пьяный смех, треск револьверов, винтовок, пулеметов, плач "подайте хлебушка, милостивец", – целых губерний и бодрый гимн марсельцев, запеваемый чисто по-русски на похоронный лад... Я слышу, как поют, стреляют, хоронят... Кто? Кого?.. "Товарищи красногвардейцы" – большевики Пресненского района РСДРП расстреливают "товарищей" меньшевиков Пресненского района РСДРП... Я слышу много голосов, но нет среди них радостного, кроме разве сентиментального чириканья германских радиотелеграмм, над всем слышу один крик – всех, всех, большевиков, меньшевиков, просто людей: "Доколе? Доколе?"

Блок говорит, что ныне старое сменяется новым, истинным, справедливым. Надо лишь понять... Разогнана "учредилка", но сколько предвыборных махинаций, как гнусен парламентаризм на Западе, и, наконец, Бог знает "кого выбирала темная Русь". А Советы? Или туда выборы происходят не подсчетом голосов, а сошествием Св. Духа? Или та же "солдатская, рабочая и батрацкая Русь" перестает быть темной, просветляется, выбирая в Советы? Конечно, много темного и отрицательного не только в парламентах, но в существе демократического государства, но все же лучше избирательная система французской палаты, чем прусского ландтага. А выборы в Советы тем отличаются от выборов в презренную "учредилку", что это выборы, как в прусский ландтаг, классовые, а не всеобщие. Старое заменится не новым, справедливым, а лишь карикатурой на старое. Дальше Блок говорит – "долой суды!" Разве это не понятный клич? Суд, правосудие чуждо духу русского народа. Но разве суды отменены? (Только разве для проворовавшихся комиссаров.) Конечно, мы теперь любим слова благородные, иностранные. Вот иностранцы для определения законов самодура употребляют русское слово "Oukase", а мы не закон – декрет, не суд – трибунал. Разве не злые карикатуры на суд разыгрываются в Митрофаньевском зале? Суд как суд, только судьи подобраны по партийной принадлежности, защитников арестовывают и пр. Это ли, Блок, замена старого новым?

"Мир и братство народов" – вот как определяет Блок смысл происходящего. Да, эти слова часто раздаются в речах большевистских ораторов и пестреют на "заборных" воззваниях. Но разве не великие слова: "Братство, Свобода, Равенство" значатся над воротами парижских тюрем, на тысячефранковых билетах, на левом уголке смертных приговоров! "Мир, братство народов", Гофман, Кюльман, карта и палец Гофмана, показывающий услужливому Троцкому судьбы племен[1]. Разгром татар в Крыму, поход на Дон, завоевание Украины... Бедные мы! Слова "мир", "братство" звучат для нас непостижимым, и на говорящего смотрим с опаской: не убьет ли...

Мне все равно, как это вы делаете, мне важно, что, – откровенно заявляет Блок. Но разве от "как" не зависит "что"? Во имя Христово и для насаждения Его учения гибли плотью первые мученики, каждым предсмертным хрипом укрепляя веру истинную, и во имя Христово и для насаждения Его учения сжигали кротких индейцев в Мексике, гонимых марранов в Испании, гуситов в Богемии, всюду, – сжигая и губя веру. Разве "как" не меняло "что"?.. Сам Блок, описывая в статье ужасы и пошлости европейской войны, заявляет – ее зовут освободительной войной, но так нельзя никого освободить. Но разве "так" могут дать мир – не Европе, не России, хотя бы одной Великороссии, разве можно насадить братство хотя бы меж меньшевиками и большевиками Пресненского района?

РУССКИЙ народ жаждет подлинной правды, хочет построить жизнь по-своему, лучше, справедливее прежней. Интеллигенция, "просвещение" (в понимании XVIII века), "культура" (поверхностная) за это объявили ему войну. Писатель А.Блок это заявляет под одобрительный гул молодцов, чинящих быстрый суд над "саботажниками"...

Нет, не в прививке простой "просвещения" видела спасение русская интеллигенция десятками лет. Она томилась и верила в душу России. Не только о "четырехвостке" и хороших порядках она тосковала. Не та же ли тоска о родной правде сжигала Гоголя, искажала усмешкой отчаянья и слезами умиления лицо Достоевского, гнала из норы умирающего старца Толстого? Ради России, правды народной, любви ради пролилась на желтый петроградский снег кровь декабристов, любви ради стриженные, выращенные в холе, такие беспомощные девушки тысячами умирали на каторге, любви ради – да, да! взяв на себя тяжелый крест любви – шли убить и умереть Каляев, Сазонов[2], иные. Вы скажете – это было! Нет! тот же крест вы могли видеть на плечах гимназистиков в октябрьские дни, 5 января – когда на флагах было "Да здравствует Учред. Собрание!", а в сердце – "умираем за Россию и за правду", тот же крест приняли умученные Шингарев и Кокошкин[3]. "Буржуй"? Кадет? конституция и пр. А вот прочтите недавно напечатанные письма Кокошкина из Германии – сколько в них отвращения к благоустроенной буржуазной стране, сколько веры в великую, еще нераскрывшуюся душу России.

Блок заверяет – народ хочет "все или ничего". Интеллигенция – по-мещански трезво рассуждает. Поэт Блок будет прекрасен, если в своей жизни сотворит нелепое страшное безумие. Но этого ли хочет народ? Миллионы крестьян, хотят они гибельного и прекрасного безрассудства – или земли, дешевых товаров, порядка? Опыт делается без их ведома, но за их счет. Делается кучкой интеллигентов, которым интересы доктрины важнее жизни России. Вся остальная интеллигенция и мы, писатели (кроме Ясинского, Серафимовича и, увы, Блока), отвергнутые, затравленные, оплеванные, кричим: "Что вы делаете?" Мещанская мораль? отвратительное благоразумие? Нет, отчаянье зрячих среди слепцов, губящих себя и то, что не их, не наше, а общее – Россию. Или матери, которая хватает падающего в воду ребенка, вы тоже скажете – "не будь мещанкой! Он бы упал и погиб бы в сем водопаде".

Сам Блок подтверждает, что не ради "земных благ" борется с большевистской волной интеллигенция... У нас нет сейфов, и не о новом Галифе[4] мы мечтаем. Мы боремся за народную душу, против течения идем. "А! в воротничках! буржуи! саботажники", и, повседневно распинаемые, мы приняли и ваш гвоздь, Александр Блок! Вы грозите – если не уступите, будет еще хуже! Может быть, но этого мы уступить не можем, ибо надо через годины смуты пронести те источники, из которых пила и будет вновь пить, возжаждав, Россия.

Вы правы, когда говорите, что ужасны те, кто ныне отрекаются от России. Разлюбить страдающую мать нельзя, ибо "любовь все покрывает". Правы и когда верите, что Россия будет вопреки всему жить, что она не может умереть. Мы все помним прекрасные строки к России, написанные вами давно, задолго до революции:

...Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!

Пускай заманит и обманет, –
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...

Ну что ж? Одной заботой боле –
Одной слезой река шумней,
А ты все та же – лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...

Не пропадет, не сгинет Россия, хоть отдала свою разбойную красу ныне "чародею" – не Стеньке Разину, не Бронштейну даже, а деловитому Германцу. Опомнится она, опомнитесь и вы, Блок, и мне горько и страшно за вас. Вы увидите, не "одной слезой река шумней" – кровью русской, не "одной заботой боле" – рабами германцев будем – вы увидите обманутую Россию и далеко непоэтическую, скорее коммивояжерскую улыбку чародея. Вы скажете себе – в судный час, когда Россию тащили с песнями на казнь, и я! и я! тащил, и я кричал тем, что хотели удержать, боролись, молились, плакали.

– А вы не с нами? Враги народа!

1 Р.Кюльман – дипломат, глава немецкой делегации на мирных переговорах в Брест–Литовске. М.Гофман – немецкий генерал, участник этих же переговоров. Л.Д. Троцкий (Бронштейн) – глава советской делегации на переговорах с немцами.

2 Революционеры–террористы.

3 Лидеры кадетской партии, депутаты Учредительного собрания. Убиты революционными матросами.

4 Французский генерал, подавивший Парижскую коммуну.

"Я видел столько страшного, что теперь уже не боюсь ничего"

Соловецкие страницы академика Д.С. Лихачева

"То, что печатается в этой книге, не принадлежит только прошлому, хотя и написано в цветущей молодости, которую я провел в трудовом исправительном лагере на Соловках.

Научная работа, которую, как оказалось, можно вести даже на нарах "общих работ" в Соловецком лагере, поддерживала меня всю жизнь.

Думаю, что публикуемые работы представляют интерес и для читателей: во всяком случае, своим подходом и обобщениями.

Смею надеяться, что работы мои в каком-то отношении оригинальны и дадут пищу для размышлений.

Эту книгу посвящаю моим друзьям, погибшим на Соловках, в эпоху репрессий и блокады Ленинграда".

Таким предисловием открывает академик Дмитрий Сергеевич Лихачев свою новую книгу. Впрочем, "новую" лишь условно, лишь в том смысле, что составляющие ее произведения впервые собраны под одной обложкой. А иные и вовсе впервые печатаются.

Без сомнения, эта книга будет стоять особняком в творчестве известного ученого и писателя. Те, кто читал другие его работы, слышал его выступления по телевидению, его безупречную, интеллигентную русскую речь, едва могли представить себе в его устах или под его пером такие, например, слова, как "фраер", "шпалер", "кнацер", "форсы", "хурдачить", "блатыканный", и другие элементы "воровской" речи прошлых лет. Или такую, например, фразу: "За кого ж ты меня, курва, кнацаешь?" Едва ли можно было предполагать, что он знает толк в картежных играх тогдашней шпаны, даже в методике шулерского плутовства: "Если колода новая, рубашку карты, которую подрезают, натирают воском до блеска, и при подрезке, когда колода снимается, на рубашке получается смутное отражение нижней карты..." "Я следил за игрой в карты и изучал эту игру, – вспоминает ученый. – Сам я никогда не играл..." Его первая опубликованная научная статья так и называлась: "Картежные игры уголовников". И была написана в Соловецком лагере особого назначения.

Для настоящего ученого, исследователя по призванию, а не по должности любой жизненный материал становится материалом изучения – была бы к тому хоть малейшая возможность. Недаром, кстати, тюрьма на воровском языке называлась, оказывается, "академией". Упоминается в книге и еще одна "академия" – "Космическая Академия наук", невинный, а сущности, студенческий кружок, за участие в котором юный филолог был в 1928 году арестован и получил "срок". Еще бы: там, на заседании этого кружка, он сделал полушуточный доклад о преимуществах старой орфографии с "ятем" и "фитой" перед новой, "сатанинской". Позднее ученый "примирился" с новой орфографией, по ее правилам написаны все его труды, принесшие ему мировую известность, но тот давний доклад печатается в книге "Статьи ранних лет" так, как он был когда-то написан – по-старому, являя собой образец блестящей и утонченной игры изощренного интеллекта.

И совершено по-особому читается эта юношеская статья в соседстве с подлинными "Соловецкими записями" (1928 – 1930) и более поздним, созданным уже по памяти очерком "Соловки. Записки". То и другое – предельно лаконично, даже суховато. И выше всякого предела насыщено уникальным жизненным материалом. Один за другим проходят парад читателем соловачане. "Замечательный молодой философ" Бардыгин (купеческий сын, потому, видимо, и "загремевший" на Соловки). Александр Иванович Мельников, делопроизводитель адмчасти, бывший флаг-офицер Керенского. Мулла-кабардинец, трогательно друживший с православным священником отцом Александром. Китайский врач-травник, "самый знаменитый человек Сибири", по утверждениям "знающих людей". Бородатый кладовщик-толстовец. "Авантюрист и сумасшедший" Комчебек–Возняцкий, первая часть двойной фамилии которого звучит как одна из модных в то время бюрократических аббревиатур. Безымянный "санитар-эстонец в шляпе"... Это лишь несколько далеко не главных фигур из тогдашнего соловецкого Вавилона, где русский мат и воровское арго мешались с английской, французской и латинской речью "гигантского муравейника", где плотность "населения" была больше, чем в Бельгии – "между зданиями трудно было даже протолкаться". Потрясающие детали быта – если это можно назвать бытом: "Под нарами жили "вшивки", подростки, проигравшие с себя всю одежду. Они переходили на "нелегальное положение" – не выходили не поверки, не получали еду, жили под нарами, чтобы их, голых, не выгоняли на мороз, на физическую работу. Об их существовании знали. Просто вымаривали, не давая ни пайков хлеба, ни супа, ни каши. Жили они на подачки. Жили, пока жили! А потом, мертвыми, их выносили, складывали в ящик и везли на кладбище".

Соловки тех лет были фантастическим, чудовищным конгломератом из несовместимых, казалось бы, компонентов. Наряду с "клетушкой под старой колокольней, где расстреливали поодиночке", существовал театр, выходил журнал, работал криминологический кабинет, где велись серьезные исследования. Позднее, когда СЛОН ("Соловецкий лагерь особого назначения") знаменательно превратился в СТОН (слово "лагерь" было заменено словом "тюрьма"), от этих игр мало что осталось.

"Из всей этой передряги, – пишет Д.С. Лихачев, – я вышел с новым знанием жизни и с новым душевным состоянием. То добро, которое мне удалось сделать сотням подростков, сохранив им жизнь, да и многим другим людям, добро, полученное от самих солагерников, опыт всего виденного породили во мне какое-то очень глубоко залегшее спокойствие и душевное здоровье. Я не приносил зла, не одобрял зла, сумел выработать в себе жизненную наблюдательность и даже смог незаметно вести научную работу. Может быть, именно это научное стремление наблюдать помогло мне выжить..."

Вывод, может быть, отчасти неожиданный. Можно ли вынести "спокойствие и душевное здоровье" из кругов ада? Но можно не сомневаться: именно так оно и было. Все становится на свои места, если слово "спокойствие" заменить другим, которое автор по скромности и воспитанности своей не мог применить к себе, – словом "бесстрашие". "Я видел столько страшного, что теперь уже не боюсь ничего" – такова формула этого спокойствия. А "душевное здоровье" можно перевести еще проще: чистая совесть.

Илья ФОНЯКОВ

Дмитрий Лихачев. Статьи ранних лет. Тверь. Тверское отделение Российского фонда культуры. 1993.

Николай РАЕВСКИЙ:

Тетради заговорили

Пражский литературовед В.Крестовский обнаружил дневники писателя, которые тот вел в эмиграции с 1921 по 1945 год

Николаю Алексеевичу Раевскому хотелось, чтобы на его надгробном камне стояло три слова: артиллерист, биолог, писатель. Когда в Прагу 9 мая 1945 года вступили советские войска, а по адресам русских эмигрантов немедленно ринулись особисты, скорая гибель казалась ему почти неизбежной. 13 мая вместе со многими другими Раевского арестовали. Он был судим за "связь с мировой буржуазией", однако приговорен не к смерти, а к тюремному заключению и высылке в Минусинск. После 27 лет эмиграции он на 16 лет погрузился в неволю на родине. Своей первой книжки он дождался только в 70 лет, это было началом его пушкинианы – "Если заговорят портреты". Вторая книга – "Портреты заговорили", 1974 год – принесла ему широкую известность и громадный успех у читателей. Николай Алексеевич дожил до 94 лет (умер в 1988 году) и до последних дней не прекращал работы над итоговым томом своей пушкинианы – книгой "Жизнь за Отечество".

Незадолго до смерти Раевский снова побывал в Праге. Искал следы оставленного здесь архива, но тщетно. В свое время все письменные материалы и фотографии он уложил в два пакета и к концу войны отдал на хранение пражским друзьям. Один пакет, который находился у доцента медицинского факультета Карлова университета доктора Кафки, бесследно исчез. Катастрофа едва не постигла и другой пакет, переданный через князя Шварценберга в дом адвоката, доктора Курцвайла. Курцвайлы собрались переселяться во Францию. И вот однажды дочь адвоката, добрая моя знакомая, мимоходом спросила меня, на знаю ли я, кто такой Раевский. Оказать, у них в подвале обнаружились его бумаги, и теперь в связи с отъездом остается их только сжечь. Раевского я, разумеется, знал – он бывал в пражской русской гимназии, где я учился, на новогодних елках и в лагере "витязей". На следующий день мне принесли разорванный пакет, в котором оказались 14 записных книжек, 8 дневниковых тетрадей (больше 400 печатных страниц), письма и фотографии, на которых я увидал немало лиц, известных в кругах русской эмиграции.

Предлагаю читателям "ЛГ" познакомиться с отрывками из записок Н.А.Раевского, тем временем как к изданию готовятся и эти дневники, и монография о писателе.

В.КРЕСТОВСКИЙ,
доцент Карлова университета

31 декабря 1927 года

Не приходится жаловаться на истекший год; правда, иногда голодал, но редко, а самое главное – дома все сравнительно благополучно, и пусть хоть так будет в 28-м, на большее пока я не надеюсь. Наверное, папочка и мамочка сидят сейчас и вспоминают обо мне – в России-то все празднуют "новый новый". В душе мне даже стыдно за свою хорошо натопленную, светлую комнату, за только что съеденный шоколад и парки *. Что-то они, бедные, делают? Что все-таки со мной будет?

24 марта 1930 года

Только что в первый раз в жизни видел Анну Павлову. Она танцевала "Амариллу" и "Снежинки" (второе действие "Щелкунчика") и "Умирающего лебедя". Это так чудесно, что никаких прилагательных не хватит. (...) Чтобы могли создаваться такие, как она, нужна была великолепная Российская Империя со всем, что было в ней хорошего и плохого. Орхидеи на грядах не растут. Русская художественная культура явно кончается, тем ярче горят последние звезды... В демократической России, вероятно, будут строить хорошие рабочие казармы, автомобили и прочее, урожаи капусты увеличатся, но вальсы из "Щелкунчика" и "Умирающего лебедя" скоро будет некому ни танцевать, ни смотреть.

20 декабря 1931 года

Сейчас везу Ириночке Вергун первую часть "Добровольцев": вторая часть тоже готова – остается последний раз прокорректировать и исправить некоторые места.

*Сосиски (чеш.)

7 апреля 1932 года

Был только что с Вл. Вл. Набоковым-Сириным на Пушкинской выставке и в энтом <ологическом> отделении Народного музея. (...)

Показал ему Евпраксию Ник. Вревскую (урож. Вульф *) в нескольких видах. Сначала "Зизи" – кристалл моей души, потом стареющая и наконец старая, толстая женщина. Сирин сказал, что это уже не кристалл, а сталактит. (...) Когда Вл. Вл. стоял, нагнувшись над рукописями Пушкина, мне хотелось его сфотографировать. Серьезное, внимательное, не очень здоровое лицо, сильно уже открытые виски. Высокая спортивная фигура в зеленом непромокаемом пальто, перешитом из отцовского, кстати сказать. Вероятно, мы еще раз придем в следующий четверг.

31 июля 1933 года

У меня в лаборатории сидят hoites Petri (никак не могу вспомнить, как они по-русски), удивительные пауки с подвижной сетчаткой, которых мне прислал Стрикленд с острова Ява. В этих восьмиглазых чудищах (когда смотришь под бинокуляром) есть что-то мистическое. Шесть неподвижных глазков, направленных в разные стороны, а пара передних все время "мигает"; от этого какая-то странная жуть. (...) Эти чудесные пауки лишний раз заставляют думать о Боге, правда, не о христианском, но все же о Боге – творческой силе, образующей и преобразующей все существующее. По-моему, только для очень поверхностного ума изучение естествознания есть некое упражнение в безбожии. Конечно, в Книгу бытия не уверуешь, но природа сильнее всяких книг доказывает существование направляющего начала.

13 сентября 1933 года

(...) Гулял по окрестностям (Иловище, направление на Скалку, Добржиховице) и сделал несколько записей для "Золотой Праги". Их накопилось уж много, но сам предполагаемый роман даже приблизительно не обозначился. Нет времени, и, кроме того, я думаю, его можно написать со спокойной совестью, только уехав из Праги. Я же чувствую, что все больше прирастаю к городу и к окрестностям (...)

5 июня 1934 года

1-го пел в Народном Шаляпин. Старет... (...) Для Дон Кихота хватает. Мефистофеля уже не поет. Не знаю даже, как звучал бы сейчас его голос в "Борисе". И все-таки театр переполнен, несмотря на тройные цены, торжественно-взволнованное настроение и на сцене, и в публике, после каждого акта овации все сильнее и сильнее. Раз увидев в этой роли Шаляпина, уже никогда не представить себе Дон Кихота другим. У меня был бинокль. Светлый круг – и в нем все время фигура безумного рыцаря, на протяжении всех пяти актов каждое движение до конца совершенно. В кинематографе, должно быть, с непривычки к аппарату, было немножко аффектированности, здесь – никакой. В сцене смерти страшно смотреть на скорбное лицо рыцаря – так и кажется, вот сейчас на самом деле умрет. Мне было грустно, ведь почти наверное последний раз... Может быть, еще двадцать лет проживет, но Шаляпина-певца скоро не станет. На прощание поднял бинокль. Воскресший старик-рыцарь кланяется. Уходит за занавес. Несколько лет тому назад ушла за кулисы на пуантах Павлова после "Умирающего лебедя". Уплыла и никогда больше не вернулась.

*Близкая приятельница Пушкина

9 июня 1934 года

(...) Вместо того, чтобы кончать диссертацию, занимаюсь Пушкиным. "Пушкин на войне" – с военной точки зрения как будто никто не подходил к его поездке в армию. Удивительно богаты пражские библиотеки (Архива и Славянская). Есть все, что угодно.

5 июля 1934 года.

Инженер Кузьминский рассказывал сегодня (мы встретились у Бартовых) со слов г-жи Брусиловой о том, что якобы покойный генерал под личиной видимой лояльности будто бы подобрал на ответственные места приемлемых для советских властей антисоветских по существу людей, при помощи которых он будто бы хотел в удобный момент произвести переворот. Якобы существуют по этому поводу какие-то документы, которые в свое время будут опубликованы. Трагическая все-таки судьба – сына расстреляли белые за командование красным полком, дочь – красные за укрывание церковных ценностей. (...) Мне кажется, вдове просто хочется реабилитировать мужа перед эмиграцией.

14 августа 1935 года

Марина Алексеевна (Уварова. – **В.К.**) вспоминала о Новочеркасске и донских станицах во время гражданской войны. Говорит, с тех пор возненавидела баб. Мегеры. Уговаривали большевиков, чтобы мучили пленных. Смотреть на пытки доставляло им, видимо, физическое наслаждение. Самое противное, как они раздевали до гола трупы умерших от тифа и умирающих (дело известное), открывали мертвецам рты и вырывали золотые зубы.

– Что красные, что белые, им совершенно все равно...

Хоть изредка встречаешь человека, у которого сохранились от гражданской войны те же впечатления, что и у меня.

16 сентября 1939 года

Если это война "всерьез", здраво говоря, придется стреляться или травиться, вообще уходить. Все пойдет к черту.

28 сентября 1939 года

(...) Не повезло нашему поколению – все время история, а для биографии нет места. Предлагаю новый лозунг: довольно истории, дать биографию!

28 сентября 1942 года

(...) Мне пришло месяца два тому назад в голову, что архив Фикельмонт* вернее всего находится в замке Теплице-Шенау у князя Альфонса Клари-и-Альдрингена. Род вымер, единственная дочь графини вышла за князя Эдмунда К.-и-А. Куда же еще могли попасть бумаги? Если они там и если графиня, состарившись, не уничтожила пушкинских реликвий (все могло быть...), то в замке может оказаться еще куда больше сокровищ, чем в Бродзянах у Вельсбурга. Я написал Карлу Шварценбергу, прося рекомендации к князю К.-и-А. Написал на авось, совершенно не зная, знакомы ли они. Оказалось, что Ш. – племянник К. Ответил мне, что дядя не помнит, есть ли у него что-либо подобное, но готов мне помочь своими материалами. (...) Если архив у князя и если там есть неизвестные письма Пушкина, я не даром жил на свете...

5 ноября 1942 года

Ура! Получил сегодня короткое письмо от князя Клари. (...) Итак, неизвестно еще, существуют ли письма Пушкина, но и дневник с рассказом о его смерти – драгоценность огромная. Сделаю все возможное, чтобы получить его в свои руки.

14 апреля 1943 года

Сегодня перевел отрывок из дневника гр.Фикельмон с описанием дуэли и смерти Пушкина. Я его знал по-французски уже почти наизусть – поработал много, составил комментарий, но переводил с волнением. Графиня явно писала не для себя, а для потомства, и вот через сто шесть лет мне суждено было разыскать ее архив и перевести эти волнующие строки.

31 декабря 1943 года

(...) Хотел бы конца войны, как и все, но боюсь, боюсь большевизма – не за собственную шкуру только, за немногих дорогих мне людей, за все, что есть хорошего в европейской культуре, за право жить не по указке духовного хама. (...) Для себя же лично – пережить две недели после конца войны. Кто-то сказал, что это будут самые страшные две недели.

3 июня 1944 года

Сегодня у меня был в гостях князь Ян Лобковиц, пожилой, очень приятный, великолепно говорящий по-французски господин. Просидели полтора часа. Я сделал маленькое экспозе о Пушкине, графине Фикельмон, дуэльной истории и об его предке князе Фердинанде, состоявшем секретарем посольства при Фикельмоне.

26 декабря 1944 года

"Ты еще читаешь Блока – ты еще глядишь в окно..." Из Словакии кто может, бежит. Большевики от нас лишь в 300 с лишним километрах.

Не хочу думать о том, что будет. Вижу лунную, влажно-душную ночь на Соломоновых островах.

31 декабря 1944 года

Салют. Колокольный звон по радио. В соседней квартире веселые крики. Револьверные выстрелы на улице – это новое. Салют продолжается. Внизу крики, а пушки продолжают медленно бухать. Посмотрим, что выйдет из этого года. Не хотелось бы смерти.

* Речь об архиве графини Дарьи Фикельмон (Fiquelmont) – петербургской приятельницы Пушкина, жены графа Шарля-Луи Фикельмона, австрийского посланника в Петербурге, впоследствии австрийского министра иностранных дел.

ИРИС

официальный дилер издательства «OCTO PRINT»
представляет новый
исторический сериал

«ОРДЕН»

«Орден» - собрание книг, восполняющее библиотеку "затерянных" романов о духе и деяниях тех времен, которые связаны в нашей памяти с замками, рыцарскими орденами, крестовыми походами, герцогами и баронами, с витиевато-мрачной готикой соборов и городов.

Открывается сериал двумя романами очень популярного в конце прошлого века английского писателя, путешественника, аристократа-интеллектуала Френсиса Мориона Кроуфорда, который, кстати, опередил даже самого Артура Конан Дойля в создании циклов коротких детективных историй.

Во вторую книгу включены роман Массимо д'Адзельо "Этторе Фьерамоска, или Турнир в Барлетте", посвященный рыцарским войнам начала XVI века, а также - "История рыцарства" Руа - книжный раритет, не переиздававшийся в России с 1858 года.

Сюжеты изданий вовлекут читателей в невероятные, почти фантастические события, скрытые от нас веками тайн и легенд.

Наш адрес:
Москва, проспект Мира, д.3, стр.3, тел/факс (095) 208-91-54;
Стрельбищенский пер., 22; (095) 259-79-45, 256-09-56.

В наших оптовых магазинах предлагаем более 400 наименований книг лучших издательств России:
ул. Бутовская, 1а; (095) 352-49-68 — **Дербеневская наб., 5/7; (095) 235-70-80**
пр. Маршала Жукова, 61; (095) 197-17-61 — **"Амур", ул. М.Ульяновой, д.8, подъезд 4; (095) 442-91-02**

Отправляем контейнеры железной дорогой за свой счет, без удорожания продукции!

Региональные партнеры:

Новосибирск, «Фолиант», ул.1905 года, д.18, тел.: (8-383-2) 22-70-02, 20-25-43, 20-26-98.
Екатеринбург, «Экстель», ул.Декабристов, 45, тел.: (8-343) 53-39-16.
Екатеринбург, «Русское дело», ул.Старых Большевиков, д.84/1, кв.62.
Краснодар, «Меркурий», ул.Титаровского,99, тел.: (8-861) 31-27-84.
Ростов-на-Дону, «Селена», ул.Б.Садовая, д.51, корп.5, тел.: (8-863) 66-69-09.
Томск, «КВП-Сервис», ул.19 Гвардейской дивизии, д.9"Б", тел.: (8-382) 44-13-61, 44-13-66
Челябинск, «Гиацинт», ул.Коморовского, д.22, тел.: (8-351-2) 39-94-69, 65-34-62.
Хабаровск, «Волшебная полочка», ул.Ворошилова, д.5"А"
Гурьевск (Кемеровская обл.), «Книга», ул.Иванова, д.59, тел.: (8-38463) 2-52-84

ВЫСЫЛАЕТ КНИГИ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ

ВАШ ПУТЬ К «ВЕРШИНЕ»

Гость редакции - директор издательско-книготоргового объединения «Вершина» Владимир Драбкин.

Кор. - Владимир Михайлович, в октябре прошлого года «ЛГ» опубликовала интервью с Вами. Логично спросить: что изменилось с тех пор? Вы много говорили о своих планах - исполнились ли они?

В.Д. - Вы знаете, мне приятно отвечать на этот вопрос. Даже не верится, что не прошло еще и полугода.

Начало работу наше рекламное агентство «Альвис». В его активе уже пять выпусков телепередачи «Дела книжные», готовится шестой. В конце марта на российском TV состоится премьера часовой передачи «Легенда о читающем человеке». Регулярно выходит в газете «Книготорговый бюллетень» разворот «Паблик рилейшиз и книга.

Действует, правда, пока в экспериментальном режиме, и наш информационный центр. На днях 250 издательских и книготорговых структур получили от него первый информационный пакет.

Для того, чтобы лучше организовать свой издательский процесс, мы создали издательство «Крона». Оно уже получило лицензию, выпустило несколько книг.

Из книг, выходящих в марте, я бы отметил «Историю Государства Российского для детей» А. Ишимовой в серии «Дом. Семья. Школа» (совместно с издательствами «АДА» и «Россич») и «Бемби» с рисунками У. Диснея (с фирмой «Эгмонт Россия»).

Хотелось бы рассказать и еще об одном начинании. 18 февраля по нашей инициативе состоялось организационное заседание клуба журналистов, освещающих проблемы Книги. Были представители всех книжных газет, в том числе и «ЛГ», журналов, телевидения. Высказано множество интересных идей о возможных направлениях деятельности, избран оргкомитет (туда вошел и представитель «ЛГ»). 11 марта - очередное заседание. Мы приглашаем всех пишущих, снимающих и говорящих о Книге связаться с оргкомитетом по тел. 2332090.

Кстати, на этом заседании мы отметим юбилей нашей еженедельной газеты «Книжный бизнес» - год со дня выхода 1 номера. Юбилейный номер будет сюрпризом для наших подписчиков и всех, кто читает газету.

Пользуясь случаем, я хотел бы поздравить всех читательниц «Литературной газеты» с праздником 8-го марта, праздником Весны и Любви.

Счастья Вам!
«Вершина» работает для Вас!

КНИЖНЫЙ БИЗНЕС

Надо же: уже целый год я читаю эту газету!

Оптовая книготорговля
Издательская деятельность
Информационно-рекламные услуги
Бумага и полиграфические материалы
109017, Москва, ул.Б.Ордынка, 43
Тел./факс (095) 231-76-54

КНИЖНОЕ ДЕЛО
Ассоциация книгоиздателей

Уважаемые читатели!

Продолжается подписка на профессиональный информационно-аналитический журнал для издателей и книготорговцев, библиотекарей и библиофилов, библиографов и книговедов, редакторов и художников «КНИЖНОЕ ДЕЛО», который издается с 1992 года.

Вот некоторые рубрики, по которым можно судить о содержании журнала: "*Издательское дело*", "*Библиотечное дело*", "*Искусство книги*", "*Книжная торговля*", "*Книговедение*", "*Маркетинг и менеджмент*", "*История книги*", "*Зарубежная информация*".

Важнейший раздел журнала - информационный. В нем публикуются списки всех зарегистрированных в России издательств, адреса книготорговых предприятий, библиотек, типографий, зарубежных фондов, содействующих развитию книжного дела в странах СНГ. В 1994 году в нашем журнале планируется к публикации объемная информация "Кто есть кто в книговедении". Среди поклонников журнала есть те, для кого самое ценное - библиография. Ее готовят для читателей «Книжного дела» высокоавторитетные специалисты, которые представляют публике новинки в области профессиональной литературы, и прежде всего по книговедению, у нас и за рубежом.

Большое внимание журнал уделяет библиотечному делу. В первом номере представлена Московская библиотечная ассоциация. В третьем номере готовится большая статья о Библиотеке бывшего НМЛ, материалы к 240-летию со дня рождения Н. П. Румянцева.

Важный раздел «Книжного дела» - зарубежная информация. В нем публикуются статьи и рефераты крупнейших профессиональных периодических изданий мира.

Журнал «Книжное дело» полезно просматривать не только профессионалам, его интересно просто читать. Для такого чтения, весьма познавательного к тому же, существуют рубрики: "Портреты", "Издательство с большой буквы", "Книга в провинции", "Трофейные книги", "Начинающему издателю".

В 1994 году выходит шесть номеров журнала «Книжное дело» (по три номера в полугодие). Подписаться на II полугодие можно по каталогу Роспечати, индекс 70339, цена на полгода - 4500 рублей. Журнал распространяется в России, странах СНГ и за рубежом.

Наш адрес: 119847, Москва, Зубовский бул.,17.
Телефоны: 246-88-24, 246-88-28, 248-83-45.

Редакционная коллегия журнала «Книжное дело».

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА Базар

Тел.: 208-82-81, 208-93-00.
Факс: 200-02-38, 208-63-10.

«БАГИРА» издает, а «ВЛАСТА» продает.

Художники, писатели и господа издатели!
С издательством «БАГИРА» работать не хотите ли?
Несите предложения, проекты и сомнения
На Малую Грузинскую скорей, без промедления!
Рассмотрим Ваши планы, рисунки и макеты
И книги мы хорошие вместе создадим.

Официальный дилер издательства «Багира» - книготорговая фирма «Власта».

Чтоб улыбаться часто,
Звоните в фирму «Власта».
Она Вам для контраста
Предложит много книг!

М: "Улица 1905 года", Малая Грузинская, 27, ком.33 (костел, вход со двора, 3 этаж).
Тел.: (095) 253-72-76
Факс: (095) 252-62-24

АНТИКВАРИАТ

В редакции «Литературной газеты» продаются антикварные книги:

Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона в 86 книгах. СпБ, 1890-1907гг.
Цена 1 млн. 300 тыс.руб.

*

Настольный словарь для справок по всем отраслям знаний в 3-х томах под ред. Ф. Толля. СпБ, 1864. Типография и литография И. Паульсона и комп. Словарь не переиздавался.
Цена 350 тыс.руб.

*

Алмазный фонд СССР. Первый выпуск. Издание народного комиссариата финансов СССР, Москва, 1924 год. Под редакцией академика А.Ферсмана. Тираж 350 экземпляров. Данное издание содержит описание и прекрасные фотографии 406 художественных предметов, составлявших сокровища Алмазного фонда в 1924 году.
Цена 1 млн. 900 тыс.руб.

*

Сборник русских народных песен. Составлен М. Е. Пятницким. С рукописным автографом автора от 28 декабря 1914 года.
Цена 125 тыс. руб.

Адрес: Костянский пер. д. 13 (метро "Сухаревская"), тел.: 208-82-59.

Внимание - новинка!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА Базар

- так называется новое приложение к "ЛГ", первый (вернее - нулевой) номер которого вышел на шестнадцати страницах тридцатитысячным тиражом.

Издание можно купить в здании "ЛГ", Костянский пер., д.13, м."Тургеневская", ком.111, тел.: 206-62-25, а также в книжных магазинах:

"Поэзия", ТОО"Гиляй" (ул.Самотечная,13, Тел.:284-43-86).
"Ренессанс" (Товарищеский пер.,29. Тел.:272-44-35).
"Факел", ТОО"Эмина (Б.Факельный пер.,2/22. Тел.:271-39-12, 271-02-31).
ТОО"Стожары Лтд" (Варшавское ш.,10. Тел.:952-18-81).
N 73 (Измайловское ш.,47. Тел.:366-61-79, 365-05-95).
N 114"Измайлово" (Измайловская пл.,2. Тел.:165-92-56).
ТОО Торговый дом "Библио-глобус" (ул. Мясницкая,6. Тел.: 928-35-67, 928-87-63).
ТОО "Пресня" (ул. Красная Пресня, 14. Тел.:252-28-65, 255-10-68).
ТОО"Тотем" (ул. Минская, 14. Тел.:144-55-67).
ТОО"Дом книги в Сокольниках" (ул. Русаковская,27. Тел.:264-81-21).
Дом книги на ВВЦ (Проспект Мира, терр. ВВЦ. Тел.:181-94-68).
"Дом книги" (ул. Марксистская,9. Тел.:270-52-17).
Салон гуманитарной и педагогической книги "Эйдос" (Чистый пер.,6. Тел.:201-26-08).
Книжная лавка "Гилея" (ул. Знаменка,10. Тел.:291-13-09).
Торгово-производственная фирма "РЕКТО":
N 3 "Книжная лавка журналиста" (Проспект Мира,57. Тел.:288-28-53);
N 4 "Славянка" (Кузнецкий мост,9. Тел.:928-81-09);
N 5 "Атлас" (Кузнецкий мост,20. Тел.:924-49-69);
N 6 "Веды" (Кузнецкий мост,18. Тел.:923-17-05).
Фирменный центр розничной и мелкооптовой торговли издательства "Новости" (Б.Почтовая ул.,7. Тел.:265-59-18).

Приглашаем к сотрудничеству издателей, книготорговцев, всех, кто готов принять участие в реализации и распространении "ЛБ".

Контактные телефоны:
208-82-81, 208-98-96, 208-93-00.

Московский театр детской книги «ВОЛШЕБНАЯ ЛАМПА»

приглашает детей и взрослых на праздник "Московская неделя детской книги" с 30 марта по 3 апреля

В программе: кукольные спектакли, литературные викторины, встречи с писателями, ярмарка книг и игрушек.

Справки по тел.: 923-39-84, 924-17-52.
Принимаются предварительные заявки на билеты.
Наш адрес: Сретенский бульвар, д.9/2 (м."Тургеневская").

ПРЕСС-ИНВЕСТ ЛТД
предлагает

любые услуги по графическому дизайну с изготовлением тиража

Тел.: 208-98-56, 208-98-36, 208-96-46. факс: 208-63-19

"АЙРИН" предлагает чартерные рейсы

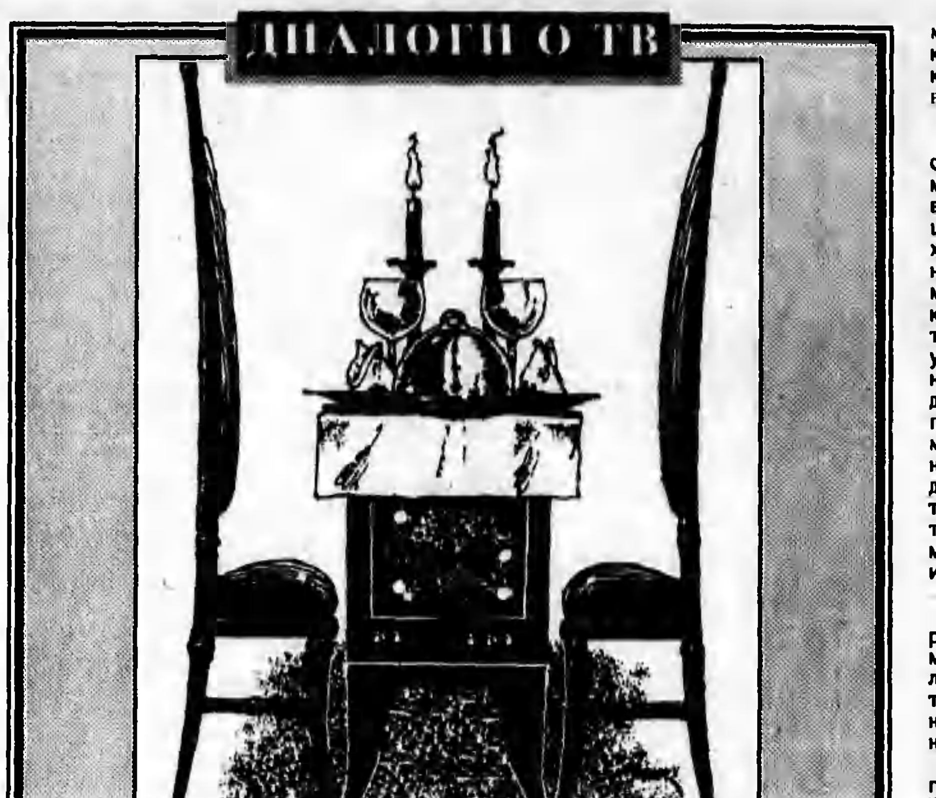
ТАЙЛАНД: шоп-тур + отдых(Бангкок-Паттайа) 8 дней, отели **** с бассейном, на берегу океана. Стоимость:783$
ЮЖНАЯ КОРЕЯ (Сеул): шоп-тур, 8 дней,отели *****, **** ***,бесплатный провоз багажа: 55, 35, 25 кг. Стоимость: от 875$
ФРАНЦИЯ: прямой авиарейс в Ниццу. Респектабельный отдых по доступным ценам, 8 дней, отель ****,(экскурсии в Канны,Монако, Монте-Карло, Париж).Горные лыжи во французских Альпах. Стоимость: от 867$
ТУРЦИЯ (Стамбул): шоп-тур, 4-5 дней, роскошный отель в центре города, развлекательная программа, багаж от 45 до 160 кг. Стоимость: 290$
оплата в рублях
Телефоны: 940-1730, 940-1826

Преподаватель колледжа, житель США, русскоязычный, 41 год, познакомится с женщиной до 32 лет с целью брака.

Фото обязательно.

Писать можно по-русски в «Литературную газету», отдел рекламы, с пометкой: "США, преподавателю колледжа".

Фирма ПРЕСС-ИНВЕСТ ЛТД приглашает на работу в коммерческий отдел менеджеров на конкурсной основе, курьера.
Телл 208-82-75.



Кто первый лопнул шарик?

Разговор о проблемах голубого экрана ведут телекритик Василий КИСУНЬКО и обозреватель "ЛГ" Григорий ЦИТРИНЯК

Г.ЦИТРИНЯК. Обо всем мы, конечно, поговорить не сумеем...

В.КИСУНЬКО. И пытаться не надо. Давай просто включим телевизор и увидим, как новая заставка убивает "Вести". Я очень уважаю космос, но когда его изображают грязные разводы... Я не такой уж квасной патриот, чтобы вздыхать по старой тройке лошадей, которые не были верхом вкуса, но смотрю и думаю: "Не запустят ли в следующий раз каких-то других животных – коров, скажем?" И на этом фоне окажется вполне элегантный человек.

Г.Ц. Один остроумец сказал: если всадник без головы, вся надежда на лошадь. Но поговорим о ведущем. Скажи, как их подбирают? Неужели любой, кто захочет, может попасть?

Слишком много?

В.К. Да нет...Но я не помню ни одного публичного конкурса... Подбирают редакции, предлагая программу.

Г.Ц. Но кто-то отвечает за выбор?

В.К. Ну вот, пожалуйста, как становятся ведущими: Леонид Парфенов в "Намедни". Еще совсем молодым журналистом он сделал интересную передачу на гребне перестройки "Дети XX съезда", где задавал точные вопросы, давал людям раскрыться и не торопился с оценками. Он понял то, чего многие до сих пор понять не могут: однообразие политического трепа приедается, как одни и те же лица "политических и общественных деятелей". Что будущее – за культурой. И – пошло-поехало...

Г.Ц. ...к сожалению, не у всех. Как ты знаешь, у кинематографистов есть выражение: "Тебя слишком много!" Вот тебе не кажется, что у Матвея Ганапольского слишком много темперамента?

В.К. Ганапольского я принимаю почти безоговорочно. Он нашел очень точную маску, вот и попадает в точку. Здесь дело не в Матвее: ушла острота ситуации, которая породила конкретные передачи, в том числе "Бомонд".

Г.Ц. Но он человек одаренный и должен понимать, что передача должна меняться со временем.

В.К. Вот! Мне не хватает сейчас внутренней динамики самой передачи – при абсолютной стабильности положительного восприятия Ганапольского как ведущего. Он немножко суетится по части того, кого приглашает, стали появляться холостые прокруты, собеседники, без которых можно обойтись. Драматургия сохраняется – внутреннего драматизма часто нет. "Бомонд" – замечательно найденное название – не означает, что в передаче должен быть хоть какой-то намек на светскую хронику, а это появилось. Вначале "Бомонд" взял чем? Ведущий был предельно напорист, даже агрессивен, он все время ставил собеседника в сложное положение. А надломился на двух встречах.

Во-первых, позвал израильского посла, умнейшего человека, который не принял стиль хохмачества: у него должность другая. И второе: пригласил Елену Георгиевну Боннэр – и почтительно заворковал. Я понимаю, заманчиво попытаться исповедовать умнейшую Елену Георгиевну, но ты сначала подумай, как сам будешь выглядеть, если в передаче ничего принципиально не изменишь или если вдруг резко изменишь стиль, тон.

Вообще это, наверное, важней всего: понимать, твое это или нет. Наверно, в твоей жизни тоже было, когда ты говорил себе: "Интересный человек, но – не мое".

Г.Ц. От передач Андрея Караулова такого впечатления не возникает?

В.К. Возникает. Иногда хочется оказаться рядом и сказать: "Андрей, вот тут тебя слишком много! Вот тут лучше, если твой голос прозвучит на фоне лица собеседника, чтобы я увидел его реакцию на вопрос". К тому же в последних "Моментах истины" появился налет благостности. Сытости. Сидят два сытых человека в хорошем московском интерьере и с должной мерой иронии спокойно беседуют о том, от чего у народа башка трещит. К тому же появились нотки превосходства, намеки на "особую осведомленность", на некую "причастность"... Тебе не кажется?

Г.Ц. Профессионалам понятно, что интерес к этой передаче вызывается выбором приглашаемых, а уже потом техникой интервьюера – публика обычно одно и другое не разделяет; тот же недостаток был и в передачах Урмаса Отта. Стать классной передаче мешают несколько вещей. Во-первых, ты прав, есть ощущение, что Андрей Караулов знает истину в последней инстанции, что в ситуации, когда собеседник оказывается на голову выше (Г.Явлинский, М.Плисецкая и другие) – от чего никто из нас не застрахован, – производит тягостное впечатление.

Во-вторых, периодически замечаешь, что какие-то вопросы по ходу он не задает – "прохлопывает", "не дожимает": может, не замечает, может, хорошо не знает темы, хотя есть ведь консультанты, в конце концов, можно доснять. В-третьих, драматургическая рыхлость передачи, невыстроенность, что тоже непонятно: запись длится несколько часов, в эфир идут минут 50, хозяин монтажа – Караулов... Но тут есть еще одна подробность.

В журналистике существует неписаный закон: какие бы комплименты тебе ни адресовал собеседник, ты не можешь их включать в собственную статью. Не должен – это нескромно и неприлично. Караулов грешил этим давно – еще в газетных статьях. А в "Моменте истины" камера проводит, кажется, месячный отпуск на ведущем, любовно следя за его лицом, фигурой, руками... Поскольку в конечном счете монтаж зависит от ведущего, авторская телепередача – такая же собственная статья, и на нее распространяется помянутый этический закон. Об этом забывает Караулов, хотя прекрасно помнят его коллеги – скажем, Артем Боровик, Сванидзе или Торчинский.

В.К. Сергей Торчинский и умный собеседник, и умеет точную реплику бросить. А бывали случаи – взреветь и не согласиться. "Помилуйте, это не так!" – сказал он Бабурину. Может сказать собеседнику, что тот врет. Вот если говорить об идеальном диспетчере в передаче – это Торчинский.

Г.Ц. Нет-нет, и дело не в нем, а в наших коллегах. Человек интеллигентный, Торчинский никак не мог с ними справиться, поскольку коллеги за малым исключением самовыражались. Не хотели или не умели сжать свой вопрос до одной-двух фраз. Из трех минут, отведенных на вопрос-ответ, вопрос занимал иногда минуту-полторы. Как-то один коллега держал речь минут пять.

В.К. Не все, но в большинстве случаев вопрошающие стали сами себе жутко нравиться. Затоковали. Возникла тусовка. Междусобойчик. Свои же собрались – одни и те же. В последнее время в передаче меня пугает какая-то накатанность. Тоже – благостность. Не хватает кнопок острием вверх на сиденье гостя.

Г.Ц. А в "Воскресенье с Д.Дибровым" тебе всего хватает?

В.К. Дибров, на мой взгляд, явление исключительное на нашем ТВ. Дибров – это мы все. Я аплодирую Диброву, потому что он выражает нечто важнейшее в нашем обществе.

Г.Ц. А Жириновский или Баркашов – не сравнивая их, конечно, с Дибровым, – не выражают "нечто в обществе"?

В.К. Выражают.

Г.Ц. Тоже будешь аплодировать?

В.К. Им – нет. Здесь возникает, пользуясь марксистской терминологией, "основное противоречие Диброва". Он умен, образован, спонтанен, "актер нутра", берущий "нервом". Но главная его беда – он неуправляем для самого себя. Он прекрасен тогда, когда хоть немножко перестает сам себя любить.

Г.Ц. Так бывает?

В.К. Бывает. Жуткие провалы случаются тогда, когда он нравится себе настолько, что не понимает, что происходит, и перестает адекватно реагировать. И еще: он всех называет великими, и если завтра к нему придут Лев Толстой или Шекспир и он назовет их так же, я восприму это уже с большим сомнением.

Г.Ц. А тебе не кажется, что это от недостатка культуры, от этических изъянов?

В.К. А он в это играет, он подает себя как провинциала.

Г.Ц. И ты считаешь, что такой "первый парень на деревне" нужен на столичном экране?

В.К. Безусловно! Дибров и исключителен и любим многими потому, что с ним провинция совершила решительный прорыв на столичный экран. Но мне кажется, что перед Дибровым сегодня стоит сложная задача: развести в себе человека реального с человеком экранным, и чем скорее он найдет между ними баланс в контексте НТВ, тем для него лучше.

Г.Ц. Ты не считаешь, что баланс надо соблюсти и в другом? Когда Юрий Левитан приехал в Москву и пришел пробоваться на радио, он окал, но потом учился и стал диктором № 1. Дикторы и ведущие радио и телевидения прежних призывов феноменально правильно говорили по-русски. А сейчас многих хочется отправить в театральную школу – поучиться дикции, хотя некоторым следовало бы вначале зайти к логопеду. И как говорит Дибров? Ты считаешь нормальным, если ведущий говорит в Москве с южнорусским акцентом, волжским, одесским?

В.К. Для Диброва – нормально.Одесский акцент в "Джентльмен-шоу"...

Г.Ц. Там все органично, раз джентльмены из Одессы.

В.К. Но поскольку Дибров из своего ростовского происхождения сделал краску в передаче, его говор я воспринимаю совершенно спокойно.

Г.Ц. А если завтра на московском ТВ кто-то сделает краску из своего, например, бурят-монгольского происхождения?

В.К. Если на общероссийский экран выйдет человек и станет просто читать новости с таким акцентом, я восприму это как пародию или крайний непрофессионализм тех, кто его выпустил. А для ведущего – нормально. В том и состоит феномен Диброва...

Интервьюер – профессия!

Г.Ц. ...или тех, кто его выпустил? Ну хорошо, оставим. На нашем ТВ все смешалось, как в известном доме: все стали и дикторами, и ведущими, и комментаторами, и интервьюерами и т.д. Что происходит с амплуа? У нас они есть?

В.К.У того, кто занят делом. Например, амплуа умного собеседника, знатока, просветителя. Академик Александр Панченко – идеальный пример. Или – профессор Татьяна Чередниченко в программе "Грани прекрасного". Тут амплуа и искать не надо: просто ТВ помогает раскрыться ученому, педагогу-просветителю в роли ведущего программы.

Г.Ц. А программы новостей?

В.К. Однажды я спросил американского профессора, который ведет курс масс-медиа в одном из знаменитых университетов США, о его отношении к нашим передачам новостей. Он ответил, что хотя новостей у нас передают много, но настоящей передачи новостей нет. Потому что нет жесткой дифференциации, какая существует на Западе: диктор, аналитик, эксперт, интервьюер и т.д. Сколько уже о том писалось и говорилось: на ВВС, ну, не высовывается человек, который должен просто сообщить новость. Что позволено Киселеву, не позволено очень милой Светлане Сорокиной: когда она, несомненный профессионал, вдруг выходит со своей оценкой, да еще ироничной, то не всегда попадает в точку. Или когда тоже очень уважаемая мной Татьяна Комарова произносит некую сентенцию – я иду штопором к потолку.

Г.Ц. Карикатуристов не боишься?

В.К. Но это не их задача! В данной передаче. В ВВС за одну такую реплику не к месту человек вылетел бы с волчьим билетом. Не потому, что там такая жесткая табель о рангах, а просто есть очень внятное понимание профессии. У нас такого нет – отсюда и сумятица, и провалы.

Вот интересная штука: как начала погибать и по-своему погибла программа "Диалог в прямом эфире" с ведущим Андреем Скрябиным, который был толковым собеседником в, так сказать, номенклатурной ситуации, застегнутый на все пуговицы. Но как только время потребовало внести элемент дискуссионности, Скрябин стал, по существу, человеком одной реплики: "Ой, время кончается!" И передача пошла, все идет и идет под откос в значительной мере потому, что ведущему этой техники – интервьюера – стало не хватать. Хотя в комфортной ситуации он был на месте.

Г.Ц. А у нас вообще нет такой профессии – интервьюер. Ни в прессе, ни на радио и ТВ не считают, что интервью – особый жанр со своими законами, что их не грех бы и знать. Настоящий интервьюер – это особое направление, что ли, способностей, как у драматурга, прозаика, поэта. Между тем интервью берет любой, кто захочет, и пьесы пишут даже те, кто не слышит диалога. Когда я слышу, как ведущий спрашивает детей: "Кто первый лопнул шарик?" – а корреспондент сообщает, что "каждый четвертый из пяти в Косове – албанец или мусульманин", – то понимаю: "разбора полетов" на ТВ нет и никто никого ничему не учит, поскольку все заняты чем-то другим. Тогда я понимаю, почему надписи на экране являются лишь на мгновенье, почему бегущая строка ставит рекорды скорости, белые титры оказываются на рябом фоне, а не на контрастной подложке, к тому же – на периферии экрана, в зоне расфокусировки и т.д.Но это долгий сюжет, не для нашего разговора. Напомню только, что на Западе Ориана Фаллачи – знаменитый интервьюер, именно – интервьюер. Там это профессия.

В.К. Стоп! Вот сразу: назови мне классных интервьюеров на нашем ТВ.

Г.Ц. Ты хочешь меня поссорить сразу со всеми? Я лучше приведу два примера, отобрав их по одному параметру – реакции интервьюера. Вот Шахрай говорит, что те, кто 23 февраля голосовал за политическую амнистию (а он сам голосовал за нее), несут ответственность за дальнейшее поведение бывших арестантов. Такие общие слова. И Николай Сванидзе, у которого не в обычае перебивать собеседника, мгновенно спрашивает: "И вы в том числе?" На что не ожидавший такого и немного смутившийся Шахрай вынужден был ответить: "И я".

Другой пример. НТВ, "Сегодня", 23 февраля, первая вечерняя передача. Из сообщения корреспондента – цитата: "В этом вопросе израильтяне действовали с присущей их нации ловкостью..." Корреспондент в запарке может сказать и не такое, но ведь ведущая Татьяна Миткова, надо думать, заранее отбирала сюжет и должна была понимать, что в нем говорится. Запоздалая реакция все же последовала: во втором вечернем выпуске этого сюжета уже не было. Впрочем, я считаю, что красивой женщине можно многое простить. На первый раз.

В.К. А на второй?

Г.Ц. Здесь уже, как пишут в объявлениях, возможны варианты. Но я все же отвечу на твой вопрос. Орианы Фаллачи у нас нет. Есть те, кого, на мой взгляд, можно назвать профессионалами в этом деле. Скажем, Николай Сванидзе, Артем Боровик, Влад Листьев. Можно было бы добавить и Александра Любимова, если б его так часто не подводил темперамент. Кого-то, конечно, так сразу не вспомнишь...

В.К. А я с большим интересом смотрю на то, что делает Караулов, когда-то принимая, когда-то нет. В свои звездные часы умела это Бэлла Куркова, да и сейчас умеет. В "Как жить будем?" набирает очки Ирина Лапина. Ну и, конечно, Владимир Познер! Кстати, чем мне еще нравится Киселев? Он может сделать интересные "Итоги" как результат неинтересной недели.

Давай попробуем сказать: чтобы появились интервьюеры высокого класса, техника собеседования на ТВ должна быть отработана на массовом уровне - от уличного блицрепортера до монументального цикла.

Г.Ц. Массовой профессия не станет никогда: классный интервьюер – штучная работа. Как, например, и ведущий, шоумен и т.д. Таких, как Фил Донахью, даже в процветающей Америке по пальцам можно пересчитать.

В.К. Но начинать надо с кого? С корреспондентов, которые просто берут интервью на улице...

Г.Ц. ...в основном – на Новом Арбате.

В.К. Это уже невозможно смотреть. Вот почему я особенно ценю Александру Ливанскую – "Разговор ни о чем" с погружением "в глубину", но и Ливанская, увы, хороша до момента, пока не начинает философствовать.

Г.Ц. А я бы добавил Олега Газманова, правда, по другому поводу. Во время недавней предвыборной кампании РДДР пригласило известного эстрадного исполнителя на роль... интервьюера. Умница Александр Николаевич Яковлев скучая отвечал на банальные вопросы – в силу партийной обязанности, блестящий полемист Анатолий Собчак только что не зевал. Сотни тысяч рублей выбросили на "разговоры вообще" вместо того, чтобы объяснить людям, что за программа у движения и как конкретно собираются ее выполнять. Простым языком рассказать простым людям, куда идти, в каком сражаться стане. Поразительное для политиков такого ранга непонимание роли толкового журналиста в предвыборной борьбе. Интересно было бы узнать: кому первому пришла в голову эта гениальная идея? Кто забыл, что эстрада и журналистика – немного разные профессии?

В.К. Всякое интервью подразумевает существование культуры диалога в обществе, а у нас общество патологически недиалогично.

Г.Ц. Но я не могу согласиться, что в России на 148 миллионов не найдутся хотя бы несколько классных интервьюеров. Их просто не ищут.

В.К. Я добавлю: еще бо́льшая задача – воспитание культуры диалога в обществе через телевидение.

Г.Ц. А ты не считаешь, что прежде очень важно воспитать нужное отношение к культуре диалога у руководства ТВ?

В.К. Ну, по-моему, они все тоже пьес не пишут...

Рихтер + Раушенбах + Пугачева + ... = "Бассейн Москва", или Уравнение с многими неизвестными

Бассейн "Москва", в котором сегодня функционируют раздевалки (заселенные офисами и шопами), дирекция и помпа, откачивающая излишки грунтовых вод, в конце мая обещает наполниться (после полугодового простоя)... проектами реконструкции бассейна. При этом реконструкция понимается столь широко, что может включать в себя и... деконструкцию бассейна, скажем, восстановление Храма Христа Спасителя. Но буквальная реконструкция, на которую денег, естественно, нет, и восстановление того, что было когда-то на его месте, – лишь два из бесконечного множества возможных решений.

Представить зримо бесконечность – затея, конечно, художественная. Понятно, что тысяча людей, чьи имена на слуху, одновременно демонстрирующих свой проект наполнения чаши "Москвы" на ее дне, – хэппенинг не из последних. Но, главное, как считают авторы проекта Андрей Великанов и Марат Ким и куратор Мария Каткова, – это прекрасная модель, позволяющая проследить (а может, и отработать) взаимодействие различных социальных групп. Таким образом, перфоманс обещает стать одновременно социологическим экспериментом.

Удастся ли он, зависит по крайней мере от трех моментов. Первое, самое простое: смогут ли организаторы привести к маю территорию бассейна в порядок? Второе: кого они решат пригласить? И насколько этот выбор будет объективным? Третье: откликнутся ли приглашенные? Пока трудно представить себе картину, нарисованную организаторами. Майский вечер. Очередь на Волхонке к бассейну. Регистрация. Дно каждого сектора разбито на квадратики 3 на 3 метра. А на квадратиках – Рихтер, Раушенбах, Пугачева... (продолжение по вкусу) – демонстрируют свой проект наполнения бассейна под взглядами семи видеокамер (по одной на сектор).

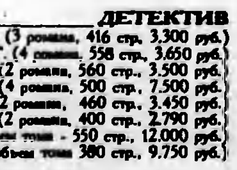
Что и говорить, метафора выразительная. У нее один лишь недостаток: нельзя записать конец художественной акции, прочитывающийся еще до ее начала. А именно: ни одного из проектов, по-видимому, не ожидает реализация.

Впрочем, проекция тонкой материи образа на грубый холст реальности, кажется, выходит за рамки тотальной игры, в которую мы играем?

Ж. В.

КНИГИ ПО ПОЧТЕ!

РОМАНЫ О ЛЮБВИ



•Р.Пилчер "Флаеста в Кала Фуэрте".(цв. обл., 250 стр., 1.500 руб.)
•Э.Бронте "Незнакомка из Уайлдфеллхолла". (558 стр., 3.500 руб.)
•В.Гюго "Собор Парижской Богоматери".(450 стр., 3.345 руб.)
•Р.Харрис "Последняя романтика".(336 стр., 3.240 руб.)
• "Любовь и деньги".(375 стр., 3.330 руб.)
•Д.Ависдей "Ужин моего младшего".(супер, 280 стр., 3.150 руб.)
"Ангел". (супер, 350 стр., 3.450 руб.)
•Б.Сова "Миг вечности".(супер, 480 стр., 3.540 руб.)
•К.Вудивисс "Полюби незнакомца".(супер, 350 стр., 3.155 руб.)
•Д.Блейк "Испанская серенада".(супер, 330 стр., 3.145 руб.)

ДЕТЕКТИВ

Ш.Ямбрая "Убийство девственника". (3 романа, 416 стр., 3.300 руб.)
Э.Гарднер "Приманка для капкана". (4 романа, 558 стр., 3.650 руб.)
Д.Вэйд "Новые центурионы". (2 романа, 560 стр., 3.500 руб.)
Р.Гулик "Смеет под колоколом". (4 романа, 500 стр., 7.500 руб.)
Р. Макдональд "Полосатый катафалк". (2 романа, 460 стр., 3.450 руб.)
М.Стюарт "Мадам, Вы будете говорить?". (2 романа, 400 стр., 2.790 руб.)
Э.Уоллес Собрание сочинений в 4 томах. (12 романов, ср. объем тома - 550 стр., 12.000 руб.)
•Э.Макбейн Избранное в 3 т.т.(9 романов, ср. объем тома 380 стр., 9.750 руб.)

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Б.Картленд "Брак поневоле". (572 стр, 3.500 руб.)
А.Степанов "Порт-Артур" в 2 томах. (объем тома 650 стр., 7.500 руб.)
В.Ян "Финикийский корабль". (450 стр., 2.700 руб.)
А.Жемчужников "Петербургское преступление". (3 романа, 380 стр., 2.400 руб.)
А.Гувер "Тайна полуночных ночей". (550 стр., 2.750 руб.)
Р.Л.Стивенсон "Принц Отто". (380 стр., 2.760 руб.)
Э.Лавуазье "Железная маска". (480 стр., 2.950 руб.)
•В.Скотт "Кара Смелый".(480 стр., 2.955 руб.)
•Е.Шалит "Прокурор Бреша".(496 стр., 2.997 руб.)

РОМАНЫ УЖАСОВ

•Г.Лавкрафт "Локон Медузы".(560 стр., 3.395 руб.)
•А.Мэйчен "Жители Ада".(544 стр., 3.385 руб.)

Внимание: • - НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ! Все книги (кроме особо указанных) в твердом переплете.
Цены указаны без стоимости пересылки (37% от стоимости заказа) и действительны в течение двух недель.
Заявки по адресу: 123459. Москва, а/я 68. РАССЫЛКА ПО РОССИИ!
Оплата ТОЛЬКО при получении на почте. Объявление указывается названием книг!

Фото А. ГОЛЬЯНОВА

Булат ОКУДЖАВА

Сергею НИКИТИНУ в день его 50-летия

Знаком он по песенке старой,
и все-таки он не артист.
Он всем нам привычен с гитарой,
и все же он не гитарист.

Немало нам песен пропевший,
споющий еще не одну,
он, физик, к стиху прикипевший,
ученый, влюбленный в струну.

Как впору ему этот свитер!
Как точен аккомпанемент!..
Он прежде всего – композитор,
но главное – интеллигент.

Уважаемые телезрители!

Вынуждены огорчить тех, кто привык пользоваться программой телепередач, публикуемой в нашей газете.

В связи с переносом рабочих дней из-за праздника 8 Марта этот номер "ЛГ" был подписан намного раньше графика. Телепрограмма на следующую неделю тогда еще только уточнялась, и мы вынуждены были выйти без нее.

Со следующего номера мы рассчитываем возобновить публикацию расписания телепередач.

Редакция

Плот, плывущий по большой воде

Свою Москву Татьяна РОДИНА пишет "старым фламандским способом"

В детстве она мечтала стать архитектором. Но судьба распорядилась иначе, и в двенадцать лет Таня Родина – ученица текстильной школы в Братиславе. Потом было Строгановское училище – художник интерьера и мечты о фасадах. И в августе 1991 года посетители муниципальной галереи французского города Грасе могли увидеть ее живопись ("Вид на долину Кан", "Цветы", "Жребий") и гобелены ("Осень", "Весна").

Татьяна Родина принадлежит к людям, с детства внимательным к прошлому, аурой поэзии окутывающему всякое московское бытование. Мало кому дано это умение вслушиваться в скрытые от всех звуки, когда персонаж замирает на мгновение, за которым – вечность. Такими предстают люди на старых фотографиях. Даже если они не смотрят на нас, они все равно позируют художнику и нам, зрителям. Они оторвались на мгновение от своих обыденных занятий: чаепития (картина "Разговор", 1991) или рассматривания фарфора на полках ("Дети в театральных костюмах", 1992), – и канули в Вечность. Можно раскладывать пасьянс ("Пасьянс", 1992), можно играть в домашнем оркестре ("Домашний оркестр", 1992), но перед Вечностью все оказываются одиноки – в предстоянии.

Несмотря на погруженность Татьяны Родиной в свой замкнутый мир, в котором ампир и детство, старая Москва и средневековая Европа, все творчество художницы необычайно современно. Триптих "Провинциальный натюрморт", "Московский натюрморт во фламандском стиле", "Натюрморт" (1993) – это удивительное представление, зазеркалье окна в окне, где старинные предметы принадлежат сразу двум мирам – прошлому и нынешнему: восковые фрукты, петровские бокалы, а в дальнем окне – еще одна история, уже архитектурная – о московских церквах в стиле классицизма или городских крышах, как у Пьеро делла Франческо. И в нашем, посюстороннем предоконном мире на раме сидит бабочка – это мы? В самой их группировке в "натюр-морте" – "мертвой натуре" – есть некая приближенность к современным спорам юных и взрослых, искусствоведов и политиков.

У Татьяны Родиной своя историческая перспектива окон: "Москва. Особняк Морозовой", "Архангельское" (1993), когда старинная архитектура воспринимается в некоей раме – окне, будто в обрамлении нервозной современности и авторского взгляда, в котором образы парящих ангелов и цветочных гирлянд – той Вечности, что завораживает героев ее портретов.

В картинах "Легенда о Парисе" (1991) и "Памяти Александра I" (1991) идет диалог европейского и русского – двух менталитетов.

Подобно тому, как русская культура XIX века нередко изъяснялась на французском, сегодня порой то же происходит в живописи: Татьяна Родина пишет в академической манере "старым фламандским способом", но в традициях русской школы, наделяя пространства своих пейзажей свойствами шахматной доски Де Кирико. Но наивность и чистота ее взгляда все равно остаются неевропейскими.

Татьяна Родина пишет маслом только четвертый год. За это время появилось около сорока картин, восемнадцать из них попали в частные коллекции Англии, Австрии, Франции. Художница стала участницей многих престижных выставок в России.

Художница, долго занимавшаяся лишь гобеленами, обратилась к живописи, чтобы уйти от тягот и пошлости мира реального и запечатлеть то доброе, что еще осталось в нем. Вот ее полотно "Похищение Европы" (1993) – это и соревнование с известными пловцами, и строительство собственного плота, ведь, как заметил Пикассо, художник – коллекционер, который сам создает свою коллекцию. И теплота дома, особый уют работ Татьяны Родиной – как "зацепка", приглашение: а не попить ли чайку на моем плоту, плывущем по большой воде?

Лола ЗВОНАРЕВА, Ирина ЧМЫРЕВА

7 ДНЕЙ НОЯБРЯ В МИРЕ

7 **В интервью французской газете "Либерасьон" председатель Исполкома ООП Я.Арафат заявил, что террористический акт в мечети "Аль-Ибрахими" в Хевроне, приведший к многочисленным жертвам среди палестинцев, совершили по крайней мере десять хорошо вооруженных людей. При этом нападавших прикрывали израильские солдаты.**

7 **Китайское руководство выдвинуло план – до 2000 года решить проблемы с питанием и одеждой для 80 миллионов беднейших сограждан. Ликвидация бедности, по словам председателя КНР, – это не только важная экономическая задача, но и определяющее условие поддержания единства всех национальностей страны и общественной стабильности.**

7 **Эксперты МАГАТЭ приступили к инспекциям семи ядерных объектов на территории КНДР. Это дало толчок к возобновлению официальных переговоров между США и КНДР.**

Белград облегченно вздохнул...

И наблюдает за шахматной партией супердержав

Ситуация вокруг боснийского конфликта за последние несколько недель развивается и меняется столь молниеносно, что за ними едва поспевают и сами участники кризиса в бывшей Югославии. Похоже, что они сегодня оказались в роли наблюдателей, как бы со стороны обозревая дипломатическую "пикировку" двух супердержав: США и России.

Ультиматум НАТО о бомбардировке сербских позиций, размещении российских десантников близ Сараево и отвод тяжелой сербской артиллерии, заключение мусульмано–хорватского соглашения при посредничестве Вашингтона о создании федерации, согласие боснийских сербов, данное их лидером Караджичем в Москве об открытии аэродрома в Тузле. Череда этих событий напоминает шахматную партию, главные действующие лица которой находятся далеко от места боевых действий.

Белград практически безоговорочно принял патронат России и, как отмечают местные обозреватели, облегченно вздохнул, когда за своей спиной ощутил серьезную поддержку Кремля. Официальные сербские власти пытаются теперь замолить свои грехи, связанные с тесными контактами в прошлом с национал-патриотической российской оппозицией. Известно, что в свое время официальная сербская пропаганда сделала героев и мучеников из лидеров октябрьского путча в Москве. Между тем, когда на днях пришло сообщение об их освобождении, Белград сделал вид, что вовсе и не знает их.

Многие сегодня в Сербии вдохновлены поддержкой Москвы. Одни просто потому, что теперь легче переносить изоляцию. Другие уповают на военную мощь России, уважаемую всеми в мире. Имея такого серьезного защитника, можно и дальше продолжать войну. И лишь наиболее дальновидные предупреждают о том, что подобная "поддержка" может выйти боком не только сербской стороне, но и всем участникам юго-кризиса, если за нее будет заплачено обострением российско–американских отношений. Небольшой экскурс в новейшую историю показывает, что столкновение стран–защитниц уже два раза в этом столетии было причиной катастроф на Балканах. Поэтому близость и дружеские отношения с Москвой могут иметь смысл для сербов только тогда, когда Россия и дальше будет продолжать проводить принципиальную внешнюю политику, которая будет основываться на развитии партнерских отношений между супердержавами, а не на разделении и поляризации на Восток и Запад.

Андрей БАТУРИН,
Сергей ГРЫЗУНОВ,
собкоры РИА "Новости" – специально для "ЛГ"

БЕЛГРАД

Так встречали российские "голубые каски" в пригороде Сараево
Фото из "Интернешнл геральд трибюн"

Загадка амнистии

В ее оценке на Западе столкнулись две школы советологии, и обе не учитывают "фактора бардака"

Западных советологов просто жалко. В последнее время у них рот не закрывается от изумления.

Именно амнистия лишний раз обнажила раскол советологии на, грубо говоря, две школы. Одна, более догматическая, как взяла себе иконой радикал-демократизм гайдаровского типа, так и бредет за ним в оценке любых событий в России. С точки зрения адептов этой школы, если цена на хлеб не прыгает у нас за неделю вдвое, то это означает саботаж реформ коммуно-красно-ультра-коричневыми.

Откликаясь на амнистии, эти советологи взяли нервную тональность известной фразы Гайдара насчет того, что завтра "нас могут разбудить уже автоматные очереди". Отсюда та суббота – это день траура. Это удар в спину президенту, опять нанесенный его друзьями (Вольский, Шахрай). Это возобновление враждебности между Ельциным и парламентом, который оказался хреном не слаще верховносоветской редьки. Это возвращение России назад, в осень 1991-го, на первую клеточку настольной политической игры.

Однако есть влиятельные на Западе голоса, принадлежащие к другому направлению советологии. Эти люди говорят: если Дума кажется вам такой махровой, такой анти-анти, такой не доросшей до понимания высшего блага России, то не обижаете ли вы тем самым народ этой не очень счастливой страны, чьи настроения точно отразились в парламентском соотношении сил? Может быть, надо было своевременно и более талантливо беседовать с населением ? Объяснять ему реформы не новоязом макроэкономики, а как приятелю на кухне?

Теперь об образе народа как приятеля. Предположение с ходу, что после амнистии тебя могут разбудить автоматные очереди, контрпродуктивно, считают советологи этой второй школы. Именно такое впрыскивание в общество враждебности, развитие тезиса "Раздавить гадину!" и выталкивает на поверхность, как показали выборы, не совсем желаемое. Замечено совпадение: в декабре против политики "Выбора России" проголосовало около 80 процентов, 23 февраля в Думе тот же "Выбор России" оказался в изоляции против 72 процентов, проголосовавших за амнистию.

Отсюда интерпретация этой группой кремлеведов освобождения Руцкого и К°. Налицо, безусловно, серьезный поворот в развитии политической ситуации в России, но ничего трагически непоправимого не произошло. Президент Ельцин оказался мудрее, эластичнее своих советников, не позволив им толкнуть себя на конфронтацию с Думой. Вообще говоря, Ельцин даже опередил парламентариев, выдвинув идею национального согласия вокруг укрепления государственности. Тут сразу же цитируют Горбачева, не потерявшего для Запада своего очарования: в интервью "Штерну" экс-президент сказал, что ради социального мира он – за освобождение путчистов.

Вывод: Ельцин полностью контролирует события. Он может продолжать переориентацию на умеренно-центристские круги и, поддерживая прагматиков в правительстве Виктора Черномырдина, добиваться объединения политических сил, а значит, стабильной основы для реформы.

Прогноз насчет будущего амнистированных: Хасбулатов, похоже, не лжет, когда обещает уйти из политики. Надломлен, понимает свою бесперспективность. Анпилов и Константинов обречены на роль маргиналов, изолированных от ядра оппозиции. Руцкой обладает абстрактным авторитетом лидера, но лишен организации и доверия руководства Думы, где кое-кто считает его провокатором, бросившим своих сторонников под пули. Отнимет ли он голоса у Жириновского? Может быть, но Жириновский с Руцким могут отнять у Ельцина больше, решись тот на второй срок.

Слабинка и той, и другой советологической школы в том, что обе не в состоянии осмыслить важный фактор российской политики. Это "фактор бардака". Если помощник президента обсуждает со спикером амнистию и оба не знают, что люди уже полдня как на свободе, то какой-нибудь профессор из Сорбонны обязательно видит в этом тонкий, продуманный ход. Ага, значит, Борис Ельцин хочет, чтобы октябрьский кризис был забыт? И если все знают, кто захотел штурмовать московскую мэрию или телестудию "Останкино", то никому не известно, кто отдал приказ стрелять по Белому дому..." – пишет по поводу амнистии "Фигаро". Нет, русская душа все еще для них НЛО.

Владимир СИМОНОВ
политобозреватель РИА "Новости" – специально для "ЛГ"

Действующие лица шведского скандала

Расследование "ЛГ" читайте на 13-й стр.

Кому помогает Америка?

России или себе, любимой?

От 50 до 90 процентов экономической помощи Соединенных Штатов Америки России не доходят до адресата, оседая на банковских счетах американских консультационных фирм, пишет газета "Уолл-стрит джорнэл".

Сейчас, после разоблачения сотрудника ЦРУ Олдриджа Эймса, работавшего на российскую разведку, в конгрессе США звучат бескомпромиссные призывы: "Не надо помогать русским!" Призывы эти заставляют содрогаться тех в американском консультационном бизнесе, кто взялся обучать русских переходу от социализма к капитализму. Почему? Дело в том, что экономическая помощь Соединенных Штатов России и другим странам СНГ стала гигантской кормушкой для консультационных фирм, в особенности для тех, которые сами с готовностью взвалили на себя выгодное бремя посредников между теми, кто деньги дает, и теми, кто их получает. Нередко их дорогостоящие услуги напоминают принудительный ассортимент в наших продмагах эпохи "застоя" – если хочешь купить дефицитную гречку, бери в придачу и прошлогодний "Завтрак туриста".

Известный эксперт по российским проблемам, гарвардский профессор Маршалл Голдман, выступая в сенатском банковском комитете, говорил: "России от американской помощи достается минимум, а то и вовсе ничего. Ее забирают консультанты, столичные лоббисты, чиновники". Речь идет об издевательстве над самой идеей помощи. На практике это выглядит так. Правительственное Агентство международного развития получает деньги для помощи процессу приватизации в России. Не мешкая – агентство гордится взятым темпом,– оно заключает контракт на 7 миллионов долларов с рекламной фирмой "Сойер-Миллер груп" для пропаганды идеи приватизации. Фирма придумывает рекламный ролик, глупость которого бросается в глаза москвичам: Однако для продвижения ролика на российское телевидение "Сойер-Миллер груп" посылает в Москву Марка Малока Брауна, консультанта. Тот платит за офис в центре столицы и, кроме того, получает 320 долларов в день, а со всеми доплатами фактически 800 долларов. Но не доволен, требует, чтобы ему платили по 1150 долларов ежедневно.

Это те самые деньги, которые, как уверен рядовой американец, получают русские. Ну, а русские ломают голову над тем, как соотнести официальные цифры ассигнований США на помощь России с поступившими долларами. До тех пор, понятно, пока не становятся известны нормы суточных, положенные нашим советчикам.

Сумма контракта "Сойер-Миллер груп" выглядит карликовой на фоне 98 миллионов долларов, полученных консультативной фирмой "КПМГ Пит Марвик". Эти деньги к нам тоже почти не попадают, они расходуются на оплату консультантов, летающих из Америки в Россию и обратно. Другие американские получатели "российской помощи": "Ситизен Нетуорк фор форин аффейрс" – 23 миллиона, "Хэглар Бейли" – 20 миллионов, "Рашн эйдженси" – 90 миллионов долларов ежегодно.

Компании "Берстен–Марстеллер" перепало 15 миллионов долларов для финансирования деятельности американских экспертов в районе Нижнего Новгорода, где они будут, как пишут, "проповедовать дояркам преимущества приватизации". Компании "Грин Джайант" выделено Агентством международного развития 3 миллиона долларов. На что? На "Завтрак туриста", то есть "на обучение российских кооперативов выращиванию гороха".

Даже 1 миллиард 200 миллионов долларов, выделенных на демонтаж наших ядерных ракет и содействие ученым-ядерщикам, постигла та же участь. Бо́льшая часть этой суммы – 754 миллиона долларов – по рекомендации конгресса выплачивается американцам, участвующим в этом проекте. Еще одна деталь: на производство железнодорожных цистерн для перевозки токсичного ракетного топлива выделено 60 миллионов долларов. В США знают, что изготовление этих цистерн в России было бы значительно дешевле, но рассматривается другой вариант – производить в Америке точные копии российских цистерн.

Сама эта проблема – какой должна быть роль эксперта, консультанта в продвижении американской помощи ее получателю – далеко не нова. Сейчас пороги Агентства международного развития обивают 1200 претендентов на должности консультантов. Рекорд последних десятилетий. Но подобные же орды пытались предлагать свои услуги, и когда начиналось претворение в жизнь "плана Маршалла". Тогда консультантов отвергли. Причем отвергли принципиально – ведь заранее было известно, сколько придется отдавать им из ассигнованных сумм. Дешевле и эффективней оказалось пригласить в США 26 тысяч европейцев для изучения американского опыта. Европу, как видим, пожалели.

Утверждение каждой конкретной программы помощи России в конгрессе чаще всего зависит от того, насколько выгодна эта программа бизнесу американскому. Казалось бы, перед нами верх коммерческой, замешенной на патриотизме мудрости. Но далеко не всех в Америке такая мудрость устраивает. Если страна, предоставляющая помощь, оставляет себе половину, а то и больше из сумм, предназначенных для помощи, значит, нынешняя система распределения этой помощи неэффективна. Значит, какая-то часть делового мира – в данном случае большинство консультационных фирм – обогащается за чужой счет. Прежде всего за счет американских налогоплательщиков, они и так без малейшего энтузиазма относятся к идее помощи иностранным государствам, в том числе и России. Тем острее, как предсказывают, будет реакция на то, что эти деньги попросту растаскиваются ловкими консультантами по производству гороха в стране, где он успешно произрастал со времен царя Гороха. Маршалл Голдман предрекает: "Грядет большой скандал. Налогоплательщик такого ограбления не простит".

Эдгар ЧЕПОРОВ,
соб. корр. "ЛГ"

НЬЮ-ЙОРК

"Международная республика литературы"

Так называется новая французская газета. Младшая сестра "ЛГ"?

"Репюблик интернасьональ де леттр" – по-русски это означает "Международная республика литературы" – новое издание, целиком и полностью посвященное литературе.

– Наши амбиции в лучшем смысле этого слова – стать газетой не только французских, но и европейских интеллектуалов, – говорит создатель "Республики" парижский издатель Ноэль Бланден. – Предварительно мы изучили опыт других газет и журналов, рассчитанных на ту же самую читательскую аудиторию. Внимательно ознакомились и с русской "Литературкой" – дуайеном мира интеллектуальной прессы. И пришли к выводу: наша газета будет несколько иной. Если у нас и появится на полосах политика, то только через призму интеллектуальной жизни.

И в первом же номере это отчетливо проявилось. События в Югославии подсказали тему международного форума, состоявшегося в Париже, – "Интервенция, военное вмешательство". Для участия в этом коллоквиуме в Сорбонне собрались члены Универсальной академии культур, созданной по инициативе нобелевского лауреата американца Эли Вайзеля: поляк Бронислав Геремек и француз Поль Рикер, итальянец Умберто Эко и алжирец Мохамед Санун...

В первом номере напечатана беседа за "круглым столом" Салмана Рушди, Стюарта Хэлла (оба из Великобритании) и Алена Финкелькро из Франции о культуре и терроризме под названием "Конец Истории?". Тут же – эссе французского писателя Брюно Этьенна "Встреча с израильским пророком", посвященное израильско–палестинским отношениям. Рядом – небольшой очерк Татьяны Никулеску о жизни и творчестве Варлама Шаламова.

– "Республика" появилась в газетных киосках в конце февраля, – сказал, прощаясь со мной, Ноэль Бланден. – Надеемся выходить тиражом от 10 до 25 тысяч экземпляров. Может быть, и выживем: конкуренции особой у нас на рынке идей нет, но уж слишком велико во Франции засилье "бульварной прессы" – всевозможного низкопробного чтива! Время покажет. А пока пусть "Литературная газета" знает, что у нее в Париже появилась младшая сестра.

Кирилл ПРИВАЛОВ,
соб. корр. "ЛГ"

ПАРИЖ

Летайте поездами Трансрапида

284 километра за 55 минут

Для канцлера Гельмута Коля этот проект – символ технологического будущего Германии. Для противников "прорыва в будущее" – напрасное выбрасывание 1 миллиарда марок.

Речь идет о Трансрапиде – новом виде скоростного поезда на магнитной подушке. Он будет курсировать сначала между Гамбургом и Берлином. Максимальная скорость движения – 400 километров в час. Расстояние в 284 километра планируется преодолевать за 55 минут (сегодня на Бундесбане на это уходит 3 часа 16 минут). Отправление поездов каждые 10 минут. Удобно и быстро.

Работы с поездом на магнитной подушке ведутся уже давно. Причем одновременно в США, Японии и Германии. Однако немцы, как мне гордо рассказали в Бонне, ушли дальше своих конкурентов. У них еще несколько лет назад в Эмсланде (земля Нижняя Саксония) была построена испытательная трасса длиной в 31,5 километра, по которой крутит свои круги экспериментальный Трансрапид.

Движение в никуда, утверждают его оппоненты. И приводят в обоснование экономические и экологические аргументы. Эта "игрушка", загибают они пальцы, будет стоить налогоплательщикам 6,7 миллиарда марок. А ведь достаточно израсходовать много меньше – 2,4 миллиара марок – на частичную модернизацию этой трассы, и поезда Интерсити пролетят ее за 82 минуты. Если же провести полную реконструкцию, что выльется в 4,9 миллиарда марок, время в пути составит лишь 1 час 1 минуту. Стоит ли игра свеч?!

А последствия для окружающей среды? – продолжают набирать очки ненавистники проекта канцлера. Мало того, что нужно будет построить подземную станцию в Берлине, чтобы принимать Трансрапид. Его скорость в 300 – 400 километров экологи считают большей нагрузкой для природы, чем нагрузка от обычных транспортных средств. И аж на целых 20 страницах перечисляют другие экологические минусы.

И все-таки, судя по настроению канцлера и его министров Крюгера и Виссмана, Трансрапид состоится. Федеральное правительство настойчиво поддерживает фирмы "Тиссен–Хеншель", "Сименс" и АЭГ. Бонн уже инвестировал на исследовательские работы 1,8 миллиарда марок, а до конца 1995 года выделит еще 20 миллионов марок. Предприниматели готовы выложить из своего кармана дополнительно 370 миллионов марок. Голый риск? Нет, они надеются окупить свои расходы. Прогнозируется до 14,5 миллиона пассажиров в год. Главное же – в Трансрапиде видят новый немецкий экспортный продукт. Как стало известно, предлагают его и России. Как альтернативу авиации средней дальности (до 3,5 тысячи километров). Если подсчитать количество пассажиров, грузов, время, убеждают торговцы, получится экономический выигрыш.

Немцы торопятся. Нужно успеть раньше конкурентов из США и Японии. Линию Гамбург – Берлин они надеются пустить в 2004 году.

Валентин ЗАПЕВАЛОВ,
соб. корр. "ЛГ"

БОНН

Говорят, французы не отмечают Международный женский день. У них, мол, каждый день женский. Судя по публикуемым снимкам, в это можно и поверить. Смотрите, Он бредет по супермаркету ("сбегай в магазин"), а Она наслаждается Лувром – снимает копию с классического изображения вечно юного мужчины... По крайней мере, в таком ракурсе увидел Париж незадолго до 8 Марта наш фотокорреспондент Евгений ФЕДОРОВСКИЙ

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Андрей НОВИКОВ

Эволюция в никуда

Да, существуют вещи и похуже гражданской войны. Дважды я слышал эту фразу. Сначала в 89-м ее произнесла Валерия Новодворская. Затем четыре года спустя с точностью до буквы ее повторил Сергей Кургинян. Дважды я был не согласен с этой фразой и дважды с ужасом понимал, как они правы. Хуже гражданской войны может быть только гражданский мир, которого на самом деле нет.

У нас сегодня нет ни войны, ни мира.

После всего того идиотизма, происходившего в течение перестроечных и постперестроечных лет, после всех этих лицемерных антикоммунизмов и пошлейших антифашизмов и референдумов, потрясаний канделябрами, взаимных проклятий, драк в ЦДЛ – после всей этой *игры* в гражданскую войну нас ожидает еще один акт патриотической комедии, именуемой национальным примирением.

"Национальное примирение" началось не с послания президента и не с амнистии, которую Гос. Дума объявила узникам Лефортова. Оно началось, как мне кажется, в тот самый день, когда отмечалась пятая годовщина окончания афганской войны. Помню, как второпях я выключил телевизор и замер от мгновенного ощущения новой эпохи.

Такое раньше было невозможно. Под юпитерами, в каком-то адском неоновом свете вместе за одним столом сидели Горбачев, Громов, Родионов, Лещинский. Очень трудно понять, почему там не было Проханова: с ним эта сцена точь-в-точь походила бы на картину Страшного суда.

Я так и не понял, что же они отмечали. Годовщину вывода войск? Или годовщину их ввода? Или сам факт войны?

В разговорах об Афгане меня всегда смущала какая-то странная двусмысленность. Генерал Громов, помню, на этом вечере сказал буквально следующее: "Наш советский солдат проявил себя в Афганистане с лучшей стороны. И в профессиональном, и в человеческом отношении".

Я глубоко убежден в том, что в нормальном обществе подобная фраза была бы невозможна. Существуют вещи, которые являются индикаторами эпохи. Подобное могло быть произнесено в 79-м и даже в 89-м – на трибуне союзного съезда в качестве отповеди Сахарову. Но в 89-м она, эта фраза, звучала совсем иначе, чем в 79-м.

В том, как это звучало сегодня, в 94-м, было что-то настораживающее. После этих слов Громова стало возможным все: и амнистии, и послание президента, и национальное примирение, и консолидация. И еще Бог знает что, чему предстоит случиться в ближайшее время. Переоценка событий в Тбилиси в 89-м или в Вильнюсе в 91-м. Это – как цепная реакция.

Наше время – эпоха нравственного релятивизма, нравственного плюрализма. Кто-то из диссидентов (кажется, А.Гинзбург) однажды с ужасом для себя открыл, что в Моссовете бок о бок сидят и следователи КГБ, и их поделедственные. Не это ли то, что называется "национальным примирением"?

Когда два года назад Александр Проханов провозгласил идею примирения "красных" и "белых", он не был оригинален. Также не был оригинален Владимир Лукин, упомянувший об этой идее на днях по ТВ в связи с выступлением Ельцина. Примирение "красных" и "белых" однажды произошло уже в Испании. Правда, в Испании были другие "красные" и совершенно другие "белые". Испанские социалисты примиряются с испанскими монархистами, обо у тех и других было нечто общее – Испания.

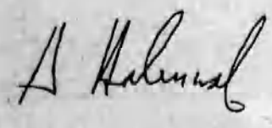
В России сегодня уже нет ни "красных", ни "белых", а есть нечто, с трудом поддающееся определению.

Я давно со страхом ждал дня, когда начнется примирение неизвестно кого неизвестно с кем. Мы действительно непонятная страна. Сначала объявляем о референдумах, а потом формулируем вопрос, выносимый на него. Сначала провозглашаем национальные интересы, а потом пытаемся понять, в чем они состоят. Сначала объявляем о национальном примирении, а потом задаемся вопросом, кого с кем и на каких принципах мы собираемся примирять.

Вопрос о гражданском мире неотделим от вопроса о том, на каких базисных ценностях такой мир возможен. Во всем должна быть определенность – и в войне, и в примирении. В том, что сегодня происходит, такой определенности нет, а это значит, что мы эволюционируем в никуда. Президент играет не по своим правилам, и я думаю, это скоро обнаружится.

...Андраник Мигранян так охарактеризовал октябрь прошлого года: у нас произошел переход от недостаточно легитимной демократии (так и не обеспечившей консенсус по основополагающим ценностям) к недостаточно легитимному авторитаризму. Как следствие этого – попытка расширить социальную базу режима.

За счет кого?



Владимир ФОМИН,
соб. корр. "ЛГ"

Без веры в триллионы Заверюхи

Начальству, как и прежде, удобнее, чтобы в районе было не триста хозяйств, а тридцать

ПОЗВОНИЛ старый знакомый Георгий Александрович Смоленский: увидел по телевидению фильм о фермере Тищенко, вспомнил, что и я когда-то о нем писал, решил спросить, нет ли у меня его точного адреса. Оказывается, Тищенко ищет наемных работников, может, и его, Смоленского, возьмет к себе.

– Георгий Александрович! – кричу в трубку. – Побойтесь Бога. Тищенко, конечно, стоящий мужик, но не Смоленскому идти к кому-либо в подручные.

– Не могу больше. Устал. Звено развалилось, земли не дают.

В голосе безысходность.

Никуда он, конечно, в свои пятьдесят шесть лет не уедет. Не адрес ему был нужен – хотел выговориться.

Первое, что мне о Смоленском говорили, когда двенадцать лет назад я познакомился с ним в опытном хозяйстве северокавказской машиноиспытательной станции: "Ненормальный!" (см. "Ноле Смоленского", "ЛГ", № 13, 1985 г.). Отзывались так о новом работнике и механизаторы, и начальство. Вначале, говорит, думали, баптист или другое что: семья большая – четыре сына, трудится не разгибая спины, не курит, не пьет. Поручат Георгию боронить одно поле, а он по дороге обнаружит другое, с осени забытое. Надо спасать! Агроном даст твердый наряд сеять на определенную глубину, а Смоленский пригонит агрегат на делянку, поползает по ней на коленках и разведет руками: выполнишь команду – зерно ляжет в иссушенную почву. Сеет посвоему. Начнут пахать – отказывается ворочать "чемоданы", пускать по ветру самый плодородный слой.

Подозрительнее всего – с поля ничего не несет! Собственную жену выставил за дверь, когда она посмела принести ведро семечек с совхозного тока.

Что поразительно для тех лет – в конце концов ему уступают. Директор, управляющий отделением, агрономы махнули рукой: "Делай как знаешь". Первый отвоеванный "пятачок" непростреливаемого пространства – два поля в сезон, на которых ему позволили работать самостоятельно.

Зачем я все это вспоминаю? Чтобы понятней было – последнюю реформу Георгий Александрович воспринял как долгожданное освобождение.

Из старой системы Смоленский выжал все, что было в его силах. От рядового механизатора требовать большего просто невозможно. Он увлек идеей цвадящего земледелия еще нескольких таких же "ненормальных", в том числе старшего своего сына, создал звено, добился внутрихозяйственной аренды на севообороте в 955 гектаров. Вот уже восемь лет эти поля обрабатываются без плуга и ядохимикатов. Урожаи, другие показатели значительно лучше, чем в отделении. Вчетвером дали хозяйству сто миллионов рублей чистой прибыли. Заработки – грех жаловаться.

Но это все – потолок. Все, чего они добились, достигнуто вопреки системе. Вольный самостоятельный крестьянин, убедился Смоленский, этой системе не нужен.

Пробовали "побег" в 1989 году – пытались зарегистрировать свой маленький коллектив как самостоятельный кооператив, открыть на его имя счет и закрепить за ним обрабатываемую землю. Отказ. В 1991 году Георгий Александрович подал заявку на фермерское хозяйство, на две семьи – свою и сына Павла – просил 140–150 гектаров. Тоже отказали: ОПХ МИС попало в список хозяйств, не подлежащих реорганизации.

ТАК ЧТО же стряслось у Смоленского?

– Ничего не стряслось. – "успокаивает" Георгий Александрович. – Будем жить по-прежнему – рабами. Не слепые, не на острове находимся, видим, что в стране происходит. Наше начальство повороту дел в стране откровенно радуется. Провели по отделениям собрания, вроде бы решили акционироваться, но теперь тормознули. В районе в целом такая же картина. Большинство хозяйств реорганизовалось для виду, желающему выйти на волю не дают не то что земли или имущественной доли, а даже и документов.

Сам Смоленский уже везде побывал – и в министерстве, и в госкомземе. И везде впустую.

– Зачем им вольное крестьянство? – объясняет Георгий Александрович. – Что лучше для руководства – тридцать хозяйств в районе или триста? Как удобнее для начальства – когда его назначают, как нашего директора, или когда выбирают? Станет, к примеру, наше ОПХ самостоятельным – зачем ему тогда в Москве главк? Как же, захотят они наших перемен! Будет завтра команда – назад, в коммунизм! – вот увидите: заработают законы, начнут нас снова, разбредшихся, собирать в загоны. Неужели руководство страны, президент не видят, что происходит?

Когда принималась аграрная программа, наши депутаты-аграрники из донской и кубанской сотни заверяли от имени народа: никто землю брать не будет! Берут! По России почти уже триста тысяч семей взяли, и большинство из них у нас, на юге России.

В ход пошел другой аргумент – землю берут, но не те. Рвачи, прощелыги.

Не скажите. В том же Зерноградском районе, где живет Смоленский, среди фермеров первой волны до полусотни классных специалистов, около двадцати кандидатов и докторов наук–практиков (в райцентре несколько сельскохозяйственных институтов).

Но настоящего перелома, конечно, следовало ожидать, когда в вольное крестьянство начал рваться основной механизаторский костяк, хлеборобы типа Смоленского. О них уже не скажешь, что не знают или не любят землю, не умеют на ней работать. Но если бы этой силе радовались, разве бы так с ней поступали, как со Смоленским, как с сотнями других механизаторов, животноводов, чьи заявления пылятся в сельских администрациях, кочуют по судам?

Теперь нас убеждают, что корень продовольственных бед и нищенства села в низкой технической оснащенности, отсутствии целевых программ. Спасение, говорят нам, в новой целине, которая перемещается теперь в среднюю полосу России.

Так и хочется спросить: чем, милостивые государи, ваши программы отличаются от решений мартовского пленума ЦК КПСС 1989 года? Все, что вы сегодня обещаете, в них уже было. Не находилось только места вольному крестьянству – ни на подряде, ни в арендных звеньях, ни в КИТах, ни в любых других проявлениях. Вам нужна – для более производительной работы – имитация хозяйственного чувства, но не подлинный хозяин! Там, где настоящий хозяин самопроизвольно возникал и хотел хлебопашествовать всерьез, а не для показухи, там вы беспощадно и безжалостно с ним расправлялись. Не только история с Архангельским мужиком, но и председательские инфаркты тому подтверждение.

ТАК МЫ беседовали со Смоленским.

Чем я мог успокоить своего давнего знакомого? Тем, что Заверюха скоро подбросит селу триллионы?

Можно понять и простить комиссаров, комбедовцев двадцатых годов. Они, желая народу блага, не ведали, что творили. Но эти-то, нынешние, слой управленческих бесребреников, знают ведь и о голодоморе, и об истреблении крестьянского генофонда, и о законах, карающих двенадцатилетнюю пацанву за сбор колосков.

Знают и тянут свое: "Система не виновата".

Снять бы шапку, покаяться перед загубленным трудовым сословием, попытаться его возродить, в корне поменять статус государственно–прикрепленного батрака на статус вольного крестьянина.

"Нет, – говорят нам, – не идут реформы. Не тот путь".

– Оглумляют народ, – сокрушается Смоленский.

Удивляюсь, как он всегда находит такие точные слова.

– Вы знаете, – рассказывает Георгий Александрович, – меня попросили быть представителем "Выбора России". Ходил по домам, собирал подписи в поддержку гайдаровских кандидатов. Столько всего наслушался! Изуверились люди. 27 процентов в нашем поселке отдали голоса Жириновскому, трое из четырех, пришедших на избирательный участок, голосовали против новой Конституции.

С тоской, надеждой смотрит на меня:

– Неужели так и не встанем с колен?

поселок ДОНСКОЙ,
Зерноградский район,
Ростовская область

Между Сциллой инфляции и Харибдой спада

Эксперты вычисляют для правительства оптимальный курс

ВЫШЕЛ в свет очередной доклад Экспертного института Российского союза промышленников и предпринимателей, в котором исследуется динамика промышленного производства в России в 1990–1993 гг. Вернее сказать, не доклад, а "дискуссионный материал". Так принято именовать работы Экспертного института, носящие характер "промежуточных итого, публикация которых преследует цель ознакомить научную общественность с выводами исследователей и возбудить дискуссию по рассматриваемым проблемам".

Что касается дискуссии, то она если и возникнет, то скорее всего вокруг разработок авторов (а ими являются Г.Аврех, В.Бессонов, Т.Гурова, В.Фадеев), которые вводят новую методику измерения динамики промышленного производства с помощью так называемых "индикаторов". Что же касается результатов исследований, то они вряд ли могут быть оспорены, так как хорошо согласуются с выводами ряда других экономистов (например, группы экспертов во главе с Н.Кириченко), а также с той объективной реальностью, которую мы ежедневно ощущаем.

Итак, что же у нас произошло с производством? По данным Экспертного института, начиная с 1990 года идет непрерывный спад. В 1991 году уровень промышленного производства в России составил 91,2 процента от 1990 г., в 1992-м – 73,5; в 1993-м – 59,9. Многие экономисты радикал-реформаторского уклона не считают, что это плохо, так как спад, по их мнению, затрагивает больше других "тяжелые" отрасли, например, машиностроение, которые работают на военные заказы и поэтому не вносят вклад в потребительскую корзину россиян.

Отметим, что в российский ВПК входят пять тысяч заводов, на которых работают 55 миллионов человек. Если оставить их без работы и выбросить на улицу, то получим 55-миллионную манифестацию безработных и немедленную военную диктатуру. Но если даже представить себе, что каким-то чудом удалось бы сохранить демократический режим при 55 миллионах безработных в одной лишь обороне, то все равно структурных сдвигов в сторону "облегчения" экономики не удалось бы добиться, ибо, как свидетельствуют исследования Экспертного института, структурная "перестройка" идет в "обратном" направлении. Таким образом, не выполняется главная задача либеральной реформы. Правда, был промежуток времени, когда, по данным экспертов, наблюдалась противоположная тенденция. С января 1990 г. по сентябрь 1991 г. (при Н.Рыжкове и В.Павлове) наибольший спад был в лесной и деревообрабатывающей промышленности, черной и цветной металлургии, в то время как "конечные" отрасли "падали" не так быстро. А с сентября 1991 г. (после путча) по июль 1992 г. наблюдается резкий спад в отраслях, производящих конечную продукцию при относительном благополучии топливно-сырьевых отраслей. Причем динамика структуры цен также изменила направление – быстрее росли цены на первичную (нефть) и промежуточную (прокат) продукцию. Иначе говоря, структура промышленности "утяжелилась", доля отраслей с высокой степенью обработки упала. "Произошла деградация структуры промышленного производства", – отмечают исследователи, и этот их вывод перекликается с выводами группы Н.Кириченко об "упрощении" российской промышленности. Происходит "кувейтизация" нашей экономики: мы, кажется, движемся к тому, что в России останутся нефтегазовая промышленность и обслуживающая ее инфраструктура.

Крайне негативным был период с июля 1992 г. по июль 1993 г., когда сильнее всего провалилась "середина": лесная и деревообрабатывающая промышленность, стройиндустрия, машиностроение, химия и нефтехимия. Это плохо оттого, что у нас могут исчезнуть отрасли инвестиционного комплекса, и даже если каким-то чудом в России прольется инвестиционный дождь, то не к чему будет эти инвестиции приложить.

Эксперты выделили по итогам "большого провала" три группы отраслей.

1. Наиболее пострадавшие: легкая промышленность, машиностроение, лесная и деревообрабатывающая промышленность (здесь спад до 40 процентов от уровня января 1990 г., то есть почти в 2,5 раза).

2. Отрасли, имеющие "промежуточный" спад: пищепром, строительные материалы, химия и нефтехимия, цветная и черная металлургия – до 53 – 59 процентов.

3. Топливно-энергетический комплекс, спад в котором минимален и который сохранил 80 процентов от уровня 1990 г.

Рекомендуя не дожидаться ухудшения ситуации, эксперты предлагают расширить экономический арсенал и дополнить монетаристское регулирование количества денежной массы "мягкой поддержкой производства точно выверенными и адресными кредитными вливаниями". Экспертам удалось даже определить оптимальный темп прироста кредитов – 17 процентов в месяц, что вызывает ежемесячную инфляцию на уровне 14–15 процентов. Отклонения же от указанного темпа в любую сторону, как оказалось, лишь усиливают инфляцию. Получается, что "в столь сложной системе, как российская экономика, равно противопоказаны и большие, и малые шоки".

Владимир ПРОХВАТИЛОВ

Бабьи пересуды

Фото Юрия ЛУНЬКОВА

Одним прыжком– через вековую отсталость?

Это уже пытались проделать большевики

РОССИЯ делает попытку одним прыжком перескочить через костер нашей отсталости. Звучит очень красиво, но так рисковать можно только собой, а не судьбой огромной страны. История человечества дает многочисленные примеры того, как быстрое движение вперед больше создает проблемы, чем решает их. Наиболее яркий и родной "случай" – большевистская революция и последовавшие за ней десятилетия "штурма небес". Претензии были большие, а конец бесславным.

Быстрое движение вперед, скоростные реформы порождают в обществе диспропорции. И чем быстрее движение, тем сильнее диспропорции. Даже на Западе во времена свободного "дикого" капитализма за периодами оживления деловой активности, приводившими к перегреву экономики (перепроизводству, неравномерному развитию отраслей, несоответствию между спросом и предложением и т.д.), следовали разрушительные экономические кризисы. Несмотря на развитую динамичную систему предпринимательства, способную быстро восстановить и увеличить производство, требовалось обычно несколько лет, чтобы снова достигнуть фазы нормальной деловой активности. Развитые страны поэтому ввели систему жесткого государственного регулирования частного предпринимательства: через налоги, субсидии, контроль над отдельными ценами, антимонопольные законы, правила "честной" торговли и т.д.

У нас либерализация цен и свободная торговля в условиях жесточайшего товарного голода привели, наоборот, к переохлаждению экономики: падению производства (в 1993 г. было произведено 40 процентов промышленной продукции от уровня 1990 г.) и жизненного уровня населения (реальные доходы населения сократились в 1991 – 1993 годах в два раза). Свободные цены и спекуляция были наложены на неконкурентную, нерыночную структуру народного хозяйства и сыграли роль не создателей рынка, а разрушителей экономики. Поскольку отсутствует налаженная, конкурентная система хозяйствования, переход в фазу роста производства может поэтому растянуться у нас на много лет.

Имея отдушину в виде относительно свободных выборов, избиратели, проголосовав, по существу, против экономической политики исполнительной власти, совершили пока только мирное восстание. Почему пока? Потому пока, что нелегко найти в истории человечества такой миролюбивый народ, как русские в 1992 – 1993 годах. Обычно даже менее резкие повороты в социально-экономической политике выводят людей на улицу, ведут к волнениям, часто к вооруженным восстаниям. Об этом никогда не следует забывать нашим реформаторам.

В развитых странах уже давно стало аксиомой: нельзя резко понижать жизненный уровень людей, ибо всякие резкие перемены грозят разрушить существующую систему.

Посмотрим, как развитые страны выходили из того трудного хозяйственного положения, в котором они оказались в годы второй мировой войны. Может быть, они предоставили своим предпринимателям полную свободу? Делайте, что хотите, а рынок все расставит по своим местам (рынок, кстати, существовал там уже многие десятилетия, если не столетия)? Нет, так примитивно там не рассуждали уже давно, в особенности с 1929 – 1933 годов – времени самого разрушительного экономического кризиса. В социально ориентированных странах не рынок, а государство стало главным гарантом мирного, успешного развития. Без умелого государственного регулирования невозможна современная экономика.

Во Франции, на которую больше всего оглядываются наши реформаторы, цены после войны жестко контролировались государством более 40 лет – с 1945-го по 1986 год. В июне 1945 г. они были заблокированы на уровне 31 августа 1939 г. В начале 1947 г. государство снизило цены на ряд товаров на 10 процентов. В конце года предприниматели получили право изменять цены, но с согласия государства. Затем в начале следующего года был введен режим полной или частичной свободы ценообразования. Но в 1949 – 1957 годах государство шесть раз блокировало рост цен, ужесточая контроль над ними. В 1960 – 1962 годах цены на промышленные товары были полностью либерализованы, но затем снова заморожены – на уровне 31 августа 1963 г. – вместе с ценами на некоторые продукты питания и услуги. В 1965 – 1972 годах государство регулировало цены через "контракты стабильности", "программные контракты" и "контракты против повышения цен". И так цены то замораживались, то размораживались – вплоть до 1986 г., когда государство существенно ослабило контроль над ними, и к 1991 г. оно контролировало только 20 процентов цен, что, впрочем, тоже немало. К этому времени во Франции было около 3 тысяч государственных контролеров по ценам, которые контролировали соблюдение государственной дисциплины цен, готовили материалы на нарушителей и передавали их в финансовый арбитраж для наказания виновных.

Не только Франция, но и другие развитые страны в разное время с различной степенью глубины регулировали цены. Такой контроль обычно вводился или усиливался ими в трудные времена: в годы войны и после нее, после стихийных бедствий, при неблагоприятной международной обстановке, из-за резкого колебания мировых цен и т.д.

У нас в России цены растут ежедневно, а производство падает, и конца этому не видно. Неясно также, на что и на кого надеются наши либералы от экономики. На манипуляции с денежной массой и на финансовых спекулянтов? В таких условиях нужно идти проверенным мировой практикой путем введения полного или выборочного, частичного контроля над ценами до тех пор, пока не будут заложены основы цивилизованного, конкурентного рынка.

Геннадий НИКЕРОВ,
советник председателя Антимонопольного комитета России

Елена БОННЭР

"Бабье лето" коммунизма

Рассуждение дилетанта

ОБЩИМ фоном политической жизни страны последних лет было противостояние двух разнонаправленных идей. Стремлению создать государство с новой политической и экономической базой противостояло желание сохранить старую, имперскую советскую государственность. На первом этапе это была борьба российской политической, экономической и другой элиты с Центром, созвучная многим в стране, тем, кто видел в ней путь к возрождению России. Поэтому на балконе Белого дома в августе 1991 года мы видели Руцкого и Хасбулатова, деятелей Гражданского союза и ДПР и будущих сотрудников Фонда Горбачева. Редкий момент истории, когда власть и народ едины. Рождение государства Россия разрушило это единение, а борьба на той же идейной основе ужесточилась. С одной стороны – президент (его администрация – не всегда хорошая, чаще дрянная), реформистское правительство Гайдара, вскоре вынужденно замененное полуреформистским. С другой – Верховный Совет вкупе с Конституционным судом, поднявшая вновь голову российская КП, некоторые партии, ранее входившие в "Дем. Россию". Третья сторона – народ устранился или не был востребован. Но вместе с противниками президента, их заединщиками (возможно, и не отождествляя себя с ними, но объективно это так) стала демократическая, верней, выдающая себя за таковую общественность – ее элитарная часть, попавшая на политический Олимп в суматохе первых перестроечных выборов 1989 года и эпохи съездов народных депутатов СССР: члены межрегиональной депутатской группы, члены клуба "Московская трибуна", часть движения "Дем. России", добрая половина пишущего и вещающего сословия, интеллигенция. Причин к тому было много, но все они мелки, даже мелочны в сравнении с результатами выборов, к которым привели. Обида на политическую невостребованность. Личные амбиции. Поспешание в попытках сделать политическую карьеру. Крутые условия реформы, при которых интеллигенция оказалась экономически почти так же мало защищенной, как пенсионеры, студенты и многодетные семьи. И традиционное представление об интеллигентском достоинстве, которое выражается оппозицией к власти. Только однажды прервался поток критики, но вызвано это было не просветлением разума, а страхом. Ночью 3 октября казалось, что все понимают неизбежность и необходимость силового подавления бандитского мятежа. И было невозможно представить, что через два дня на президента обрушится шквал обвинений за то, что он, по существу, спас страну от гражданской войны.

В РОССИЙСКОЙ живописи есть такая картина – "Не ждали". Психологическое состояние общества после выборов соответствует именно этому возгласу.

Мне представляется важным четко обозначить те факторы, по моему мнению, которые привели к такому результату выборов.

Первое. Нельзя было в выборном законе (и я писала об этом еще в июне 1993 г.) принимать положение о выборах половины депутатов по партийным спискам. Во-первых, потому, что решение (полурешение) бывшего зорькинского Конституционного суда дало возможность сохранения структур старой компартии и не внесло ясности в сознание миллионов людей о преступности ее прошлой деятельности: при свободных выборах оно давало ей преимущество над другими, спешно и случайно оформленными предвыборными блоками. Ясно, что многоопытная, хорошо структурированная партия сильней многочисленного, но неоформленного движения. Очевидно также, что партии популистского толка сколачиваются легче и быстрей (в любом обществе), чем действительно демократические и действительно либеральные. А для нашего общества это вообще чрезвычайно сложно, так как прошлый опыт жизни при одной тоталитарной партии на много лет вперед отпугнул истинных демократов и либералов от любой партийной общности. Может, должно смениться поколение, чтобы этот менталитет был разрушен.

Второе. Поле для победы Жириновского было вспахано, когда он был допущен к участию в работе Конституционного собрания, а не судим за пропаганду войны, разжигание межнациональной розни и за подделку списков своей партии в 1991 году, еще перед выборами президента России. Тогда это было бы вовремя. А сегодня – поздно и вызовет у избирателей, даже у тех, кто успел разочароваться в лидере ЛДПР, обратную реакцию. Поле было удобрено на встрече у президента, когда он принимал руководителей предвыборных блоков. Ошую-Тимурович, одесную – Вольфович. И неподалеку – Зюганов. Уж не знаю, кто в аппарате президента родил "блестящую" идею этой встречи. И продолжает ли трудиться на той же ниве. Но легитимация прошла. Дальше был вопрос денег, ТВ и актерства на уровне самодеятельности на клубной сцене. И ни разу никто не объяснил сущность двух понятий – слов, входящих в название этой партии: либерализм и демократия. Таким образом, та часть общества, которая действительно привержена либерально-демократическим ценностям, не только утратила возможность использовать эти определения, но они опошлены, дискредитированы и стали фарсовыми понятиями.

Третье. На мой взгляд – главное. Мне кажется, что исход выборов был предопределен не столько тяжелым экономическим положением страны, сколько психологическим настроем общества. Не реальная тяжесть реформы для каждого, не политические катаклизмы прошлой осени, а убежденность, что все могло бы пройти по-другому. В формировании этого настроя не имела большого значения критика политической и экономической реформы ее коммунистическими противниками и популистами всех цветов радуги. Она была ожидаемой и не сыграла бы большой роли, если б в унисон ей не звучала критика со стороны политиков и движений, за которыми в массовом сознании утвердился демократический имидж.

С января 1992-го по декабрь 1993-го во всех дискуссиях они уверяли страну, что можно провести реформу, реальную политическую и экономическую революцию в новом, только что родившемся (декабрь 1991-го) государстве без того, чтобы она тяжким бременем пала на общество. Как будто реформа – это поднятие нового (или, вернее, старого) флага на главном флагштоке страны.

Экономисты – авторы различных программ, начиная с "500 дней" и всех последующих, – до сих пор не объяснили, почему каждый из них в свое время не приступил к реформе, кто им мешал, не разрешал, кто (или они сами?) боялся ответственности, когда стартовые позиции были несравнимо лучше гайдаровских? Но они сформировали представление о том, что экономическая реформа Ельцина –Гайдара была чуть ли не специально направлена против народа. И чистым наваром для масс осталось: "Гайдар поднял цены". Можно собрать увесистый том цитат из прошлых экономических дискуссий. Я приведу несколько из публикаций, появившихся перед выборами и вскоре после них, которые демонстрируют безответственность противников реформы Ельцина – Гайдара, ничего не предлагая взамен...

"Осенью 1990 года я спросил у Явлинского: "Вы написали прекрасный сценарий, придумали пакет умных законов – но как и кто будет их принимать и осуществлять?" И услышал в ответ: "А это уже не моя проблема". (Леонид Волков. "Лекарство от шока", "МН", 2–9 января 1994г.).

"С уверенностью глядя в завтрашний день, Российское движение демократических реформ открыто и честно говорит всем избирателям страны о том, что ни платформы проправительственных предвыборных блоков, ни платформы оппозиционных сил не решают насущных проблем России... Мы призываем все не связанные с правительством демократические силы начать переговоры о согласовании новой единой платформы реформ – "Демократическая альтернатива". (Заявление РДДР – Собчак, Попов и др. – от 31 декабря 1993 г.).

"Социалистический менталитет присущ всем партиям, которые противостоят гайдаровскому блоку. Все они борются даже против той слабой и уступчивой реформы, которую пытается провести Гайдар... Имеет место прямое противостояние Гайдару без какого-либо реализма и полнейшее отсутствие профессионализма... Практически у травкинцев нет никакой программы. То же самое я могу сказать о прочих оппозиционных блоках... Для меня полной неожиданностью стал союз Явлинского с социалистами и социал-демократами... РДДР собирается формировать смешанную экономику... По-моему, это то, что имеет место быть... Так зачем же ставить перед собой вчерашнюю цель в предвыборной программе... "Гражданский союз", все эти "Новые имена" – это просто люди, которые играют в политику. Там нет ни реформаторов, ни действительно ответственных, серьезно мыслящих деятелей... Они (коммунисты. – Прим. мое – **Е.Б.**) предлагают вернуться назад, к социализму... вернуться в "светлое прошлое"... Так что если говорить о программах, то наиболее разумно звучат слова платформы гайдаровского блока" (интервью Ларисы Пияшевой. "Вечерняя Москва", 8 декабря 1993 года). С памятной статьи Пияшевой "Где пышнее пироги?" начался наш всеобщий экономический ликбез, и ее никак нельзя упрекнуть в излишних симпатиях к Гайдару или тем более в склонности к конъюнктуре.

Боевой пыл "демократов", проявивших поразительную политическую близорукость, был растрачен в сражениях с реформой, в предвыборных баталиях с "Выбором России" и тем самым с единственной более или менее разумной экономической программой. Это же подтверждают недавние статьи бывшего советника правительства А.Илларионова, который убедительно доказывает, что никакой шоковой реформы не было. Поэтому я считаю неверным и даже опасным новый лозунг, взятый на вооружение многими политиками и экономистами Запада: "Меньше шока, больше терапии". Шока еще не было.

Все остальные выводы, приводимые аналитиками прошедших выборов, большого влияния на их исход не имели. Не имело значение то, что раньше мы жили в большой стране, были гражданами великой державы, и теперь якобы по вине президента (а заодно и правительства) ущемлено чувство национальной гордости. Не имела значения также широко используемая разными партиями с имперской подкладкой якобы всенародная озабоченность положением русскоязычного населения в странах ближнего зарубежья. Отношение к беженцам это подтверждает. Да и президент с правительством постоянно используют этот козырь, затягивая вывод армии из стран Балтии, хотя вопрос защиты там прав человека должен решаться самостоятельно, на основе международных норм.

НАША антитоталитарная, антикоммунистическая революция продолжается по спирали. Выборы 12 декабря и решение об амнистии 23 февраля – ее очередные витки. Думаю, нынешние дни, которые могут растянуться на годы, – это "бабье лето" коммунизма-социализма. Про оба термина мы равно не знаем, что за ними скрывается как за социальными формациями. Несерьезно говорить, что в Швеции социализм, потому только, что правящей партией там была соц.-демократическая. А про коммунизм мы усвоили, что это идеология общества, в котором мы жили семь десятилетий, но так и не смогли дойти до нужной кондиции "от каждого по способностям – каждому по потребностям". Эта идеология хорошо уживается с национал-социалистической, что демонстрируют процессы, идущие не только в нашей стране, но и в странах бывшей Вост. Европы, а так же Западной, например, в Италии. Однако союз двух идеологий (коммунизма-социализма и национал-социализма) недолговечен. Думается, что в их будущей схватке комунно-социалистическая окажется сильнее, во всяком случае в России. Но какая бы ни поглотила другую, обе опасны глобальными последствиями.

Во-первых, они опасны, потому что их сущностью, стержнем, на котором они держатся, является агрессия. Они агрессивны по отношению к личности, к природе, к другим идеологиям, к другим странам и пр. Во-вторых, они опасны потому, что Запад рано поверил в их конец. Образно говоря, принял до времени философию "конца истории", так завлекательно изложенную в одноименном эссе. Но "бабье лето" – период короткий, а тем паче в историческом плане. Да и современный коммунизм-социализм-нацизм трансформируется под влиянием притягательности идей собственности. Достаточно посмотреть, "кто есть кто" в массе новых собственников у нас и в странах, которые раньше составляли так называемый "соцлагерь", и окажется, что это верхушка партии, комсомола, госаппарата, ГБ, армии, профсоюзов, руководства бывших академий наук и пр. Это номенклатура – "новый класс" по Джиласу. Она отнюдь не умерла, а более или менее (скорей более) благополучно переливается в "новый класс" – в буржуазно, которой нужна стабильность. Это дает надежду, что современный процесс не успеет привести к мировым катаклизмам, и позволяет сохранить оптимизм.

Думается, что весь еще не капиталистический мир раньше или позже придет к капитализму. И Россия тоже. Больше ведь идти не к чему. Какой он будет – грядущий капитализм? Поначалу жестокий. Тот самый, который по Маяковскому. И "деловой парнишка", который сам работает. И жесточайшая эксплуатация. И очень малая степень социальной защиты. Одно спасение, что в конце XX века все происходит быстрее, чем 150 лет назад.

Главным и определяющим будущее страны стал передел собственности. Государство, основанное на государственном капитализме, становится государством собственников. На пятки старой номенклатуре, уже отягощенной собственностью и жаждущей устойчивости, наступает новая политическая и деловая элита – новая номенклатура, которая тоже жаждет собственности. И этот второй эшелон теперь становится источником нестабильности, а не большинство населения. У народа – большинства – собственность так и ограничится полным собранием сочинений Пушкина или садовым домиком на 6 сотках. И в лучшем случае приватизированной двухкомнатной квартирой, за которую неизвестно сколько надо будет платить – многие не выдержат этой платы, как не выдержат и налог на наследство их наследники. Ваучер не обогатит их, может, с акций когда-нибудь будет хватать на подарки внукам. Большего номенклатура не даст. Но будут у нас свои Ротшильды и свои Морганы.

Конечно, это "черный передел" и в прямом, и в переносном смысле. Его следствием станет прежде всего поляризация общества, а уж потом оттоком с двух концов (и от бедных, и от богатых) начнет формироваться средний класс. Но так как собственность ведет к свободе и, если хотите, требует ее, то в конечном счете это процесс положительный не только для тех, кому свобода – самоценность, но и для страны. Он влечет за собой изменение государственности и возрождение национального достоинства и в конечном счете ведет к гуманизации общества. Но, к сожалению, создание класса собственников – владельцев больших состояний не обязательно приведет быстро к созданию среднего класса. Особенно при непомерном и быстром росте бюрократии и параллельном генетически с ней связанным ростом коррупции и криминализации всего общества. Тогда Россия может превратиться в государство вроде Перу или Гватемалы. Я называю такой тип государства – маргинальный капитализм. Капитализм, который не застрахован от социальных взрывов наличием среднего класса и социальными гарантиями. Кстати, излишние социальные гарантии тоже маргинизируют государство, и развитые страны Запада уже сталкиваются с этой проблемой. Но России это пока не грозит. Для России важно, что государство уже перестает быть единственным работодателем, а через 8–10 лет, когда собственников – буржуев – эксплуататоров станет побольше, человек практически перестанет от государства зависеть. При госкапитализме мы все зависели от государства. "Мы все ходили под Богом, у Бога под самым боком". Бог персонифицировался: то тиран Сталин, то волюнтарист Хрущев, то застойный Брежнев, то коллективное руководство Политбюро. При капитализме государство станет зависимым от нас. И это создаст, во-первых, гражданское общество и, во-вторых, правовое государство, то есть государство на службе общества, а не наоборот. Оно не может возникнуть даже при самых хороших законах. И даже при наличии Конституции! Последовательность возможна только такая: собственники–капиталисты, множество работодателей для людей наемного труда (это 80 процентов населения), гражданское общество, правовое государство. В этом и есть, на мой взгляд, главный смысл реформы, ее общечеловечное и личное для каждого содержание.

Кто выиграл выборы, ясно. Произнесены все имена. Время покажет, что проиграл президент Ельцин, но как бы ни повернулась История, он выиграл нам Конституцию. А кто проиграл? Прежде всего вся страна, которой предстоит, видимо, и политическая, и экономическая украинизация. И появление новых экономических программ вместе со старыми экономическими авторитетами подтверждает это. И ставит под сомнение будущее правительства и премьера Черномырдина.

Проиграли все члены СНГ. Беларусь уже. На очереди остальные. Не получится экономического сотрудничества с ними, а только силовое военное, опасное для их суверенитета. Мы будем все активней помогать становлению там посткоммунистических деспотий ценой жизни российских солдат и "афганизируя" весь периметр южных границ. Проиграли российские матери и Россия, которую в исторической перспективе мы обречем, если она все же будет развиваться демократически, на враждебное окружение. И сомнительно, чтобы от этого выиграла армия. Она будет играть все большую политическую роль. Вряд ли при таком результате выборов российское офицерство станет классом землевладельцев и тем обеспечит свое будущее, но армию все больше и больше будут использовать в конфликтных ситуациях внутри России и в ближнем зарубежье. Нынешнее думское большинство неспособно понять, что Россия не может играть миротворческую роль на территории бывшего СССР. Проиграла российская внешняя политика, все больше ориентирующаяся не на ценности защиты прав человека и демократии, а на военно-политические и геополитические интересы.

Бесспорно, персонально проиграли те, кто до времени объявили себя претендентами на пост президента. Это еще недавний кумир российской интеллигенции Г.Явлинский, ведущий российский государственник С.Шахрай, А.Собчак, Ю.Скоков и другие. Вместе с ними проиграли те, кто, выступая в их команде, рассчитывал на различные ведущие министерские портфели. Они оказались не марафонцами, а спринтерами, что для большой политики непригодно.

Сегодня блок "Выбор России" мне не кажется сошедшим с дистанции. Уход их лидеров из правительства я считаю верным шагом. Нельзя быть вечными мальчиками для битья и одновременно тащить страну по пути реформ. Но им необходимо в новой Думе более четко определиться. Их политическая линия и экономическая программа не должны смещаться в зависимости от ситуации в самой Думе или правительстве. Их позиция должна быть принципиально их позицией. И легко узнаваемой, даже если это приведет к потере какого-то числа членов фракции. Любые центровые позиции теперь невозможны и губительны не только для фракций, но для будущего страны. "Выбор России" должен быть четким не только в своей политико-экономической концепции, но и стать нравственным и моральным ориентиром для общества. Тяжело, но не безнадежно.

МЫ УЖЕ живем при демократии. В нищем государстве с неразвитыми социальными гарантиями при падении уровня жизни в 2 – 3 раза у 60 – 70 процентов населения, что плохо. Со слабой властью, что еще хуже, потому что страну захлестывает преступность, а бюрократия нарушает законы и права человека (история с лицами кавказской национальности в Москве, суд над Мирзаяновым, бесчисленные нарушения прав заключенных, граждан в гражданских тяжбах и много-много других).

Но у нас реальны все остальные демократические свободы – слова, митингов, собраний, демонстраций, забастовок и вводится суд присяжных. У нас были свободные выборы. Государство уже зависит от забастовок и от того, как мы голосуем. И мы уже забыли, что за все перечисленное людей сажали в лагеря и гноили в психушках.

Помнят ли бывшие "выездные", как они дрожали перед каждой загранпоездкой: характеристика, решение парткома, профкома и еще кого-то – и вдруг не дадут визу? Помнят ли невыездные, что когда-то (недавно!) они сами полагали, что заграницы им не видать как своих ушей. Помнят ли наши бывшие сограждане, ныне проживающие на Западе, что многим из них еще в 1990–1991 годах (при перестройке и демократизации) не давали въездных виз в СССР? Кто помнит, что Старкову ("АиФ") был разгон за то, что опубликовал таблицу рейтинга, в которой Сахаров обошел Горбачева? Помнит ли Егор Яковлев, что в 1988-м он остерегся опубликовать письмо Сахарова о Карабахе? И попробовал бы он при "демократизации", если б его тогда сняли с ТВ или еще откуда-нибудь, тут же создать свою газету! Я пишу это ни кому не в укор, а как пример легкости и скорости нашего общего привыкания к демократии и свободе, которую, увы, мы не научились защищать.

Итак, прошли выборы. Агитация и пропаганда всех сортов сработала с четкостью старой пропагандистской советской машины. Но шок от них (реальный) проходит. Мир в очередной раз не рухнул, хотя в нем (тоже в очередной раз) многим плохо и трудно. И мы по-прежнему не знаем, какая дорога ведет к храму. И какой он – Храм.

"Уезжаю из России с ощущением безнадежности", – сказал в беседе с Лорой ВЕЛИКАНОВОЙ американский экономист Игорь БИРМАН и добавил:

Признаков выхода из тупика практически не остается

И.Б. На достопамятном декабрьском телешоу, а потом на собрании московской интеллигенции, посвященном созданию антифашистского фронта, Чубайс признал, что мы, мол, очень много работали, были очень заняты и потому нам некогда было разъяснять народу, что и как мы для него делаем. Замечательная фраза, особенно на западное ухо. У меня оно довольно западное, треть жизни прошла там, и могу ответственно сказать: ни одно правительство, называющее себя демократическим, не позволит себе не разъяснять людям, что оно делает. Тем более крупное, радикальное.

Второй грех: в России вырос слой интеллигенции, которая присвоила себе право знать, что надо делать и куда вести народ. Пора бы уже усвоить, что в тех западных обществах, которые преуспевают, интеллигенция не владеет думами и не властвует.

Например, основная часть американской интеллигенции много левее американского народа и соответственно – американского избирателя. Она пронизана социалистическими симпатиями, но они не находят отзвука у избирателей. Американский народ не презирает свою интеллигенцию, не уничтожает, не распихивает ее по психушкам, но думает и голосует по-своему. А как он голосует, так американское правительство и старается действовать.

Л.В. Выходит, что в провале демократов на выборах, в уходе из правительства реформаторов вы вините интеллигенцию?

И.Б. Поскольку мы с вами оба претендуем на принадлежность к этому слою, то, перед тем как винить кого-нибудь еще, надо про самих себя поговорить. Конечно же, никогда ни одно утверждение не является правильным на все сто процентов, но с этой оговоркой надо винить себя.

Наша общеинтеллигентская вина заключается, в частности, в том, что интеллигенция всегда знала (ей казалось, что она знает), как надо делать. Крыло интеллигенции прорвалось к власти, и, думаю, Гайдар искренне уверен, что все делал правильно. Но искренность – не гарантия правильности. Людей нельзя вести куда-то, потому что ты искренне уверен, что так правильно.

У меня самого напряглись отношения с детьми – я им все время говорил, что им надо, а чего не надо делать. Когда же наконец осознал и перестал навязывать свой взгляд на жизнь, все наладилось. А дети вполне преуспевают. Не по моим критериям, но это их жизнь.

Если бы Гайдар и стоявший за ним Ельцин больше спрашивали людей, чего они сами хотят, то у них бы и поддержка была другая.

Л.В. Вы видите путь, при котором народ жил бы хорошо, а переход от социалистической антиэкономики к нормальной капиталистической осуществлялся бы? Такое возможно? Да или нет?

И.Б. Да. Кажется, я себе это представляю. Главная ошибка команды Гайдара заключалась в том, что она отпустила предприятия на волю, не проведя их приватизации, то есть сделав ничейными. И сохраняла уверенность, что никому не принадлежащие предприятия будут "вести себя" рационально, в соответствии с некими экономическими законами.

Крупная ошибка – это и святая вера в то, что финансово-монетарными методами можно наладить экономику переходного периода.

Л.В. О приватизации, вернее о том, что она задерживается и проводится как-то не так, постоянно твердили так и не востребованные Пияшева и Явлинский, другие видные экономисты. Неужели разборки внутри реформаторов-рыночников – всего только борьба за власть?

И.Б. Опять та же тема. Если я знаю, как надо делать, зачем мне Пияшева, Явлинский, академики? Они же со мной не согласны, значит, уже по определению не правы. Они критикуют мою программу? Значит, враги.

Л.В. Вы считаете амбициозность интеллигенции, уверенность в том, что она все знает, навязывание своего мнения чисто российским феноменом?

И.Б. Это общераспространено. Российская особость заключается в том, что интеллигенция прорвалась на роль передаточной инстанции между народом и властью, а иногда и ходила во власть. Я не говорю, что кухарки должны правительствовать. Но российская интеллигенция не слушает кухарок и других "простых" людей, не хочет знать их чаяний и вопит, что власть должна идти по пути, который эта интеллигенция предначертала, свято веря в то, что работает в интересах народа. Она лучше, чем "простые" люди, знает, чего им нужно.

Л.В. Как и куда нас вели коммунисты, мы знаем. Как же может ученый, например, сегодня за них голосовать? А я таких ученых знаю.

И.Б. Они по меньшей мере имеют на это право. И вопить: "Ты негодяй" – я не могу.

Л.В. Но если близкий мне человек, считающий себя интеллигентом, говорил перед выборами, что будет голосовать то ли за Явлинского, то ли за Вольского, я начинаю вопить. А потом узнаю, что он проголосовал за Шохина. Снова вопль.

И.Б. Очень зря! Вы глубоко не правы.

Л.В. Нет, я права. Когда у человека есть извилины в голове, то они же должны надоумить его, что Явлинский, Вольский и Шохин – это по крайней мере два прямо противоположных пути. И если ты хочешь, чтобы реформы продолжались, а не ушли в предание, как уходят сейчас, если не соскользнулся по пустым прилавкам, карточкам, талонам и очередям, не голосуй ни за Шохина, ни за Вольского.

И.Б. Моя жена – вы ее знаете – систематически голосует на наших выборах не так, как я. Но я себе не позволяю не то что сказать – даже подумать, что у нее не так извилины устроены.

Здесь вы в оппозиции друг к другу, не приемлете чужого мнения. Помните, на собрании демократической общественности выступал Юрий Афанасьев? Ему не давали говорить. Кричали, свистели, улюлюкали. Когда я попытался сказать моим друзьям: "Так вы хоть дайте ему договорить", – то услышал: "Знаешь, кто такой Юрий Афанасьев?" Я говорю: "Не имеет никакого значения. Здесь же собрание, ему предоставили слово на 5 минут, надо слушать". Нет, слушать не хотят. Все сами знают.

Московская интеллигенция просто не слышит друг друга. Юрий Афанасьев уверен, что знает, как нужно делать (мне его позиция нравится). Новодворская тоже совершенно точно знает.

Л.В. Ну, Новодворская...

И.Б. Почему "ну, Новодворская"? Почему не "ну, Нуйкин"?

Л.В. Говорю иногда и "ну, Нуйкин". Сил нет, какой демократ, готов последними словами ругаться, только бы внедрить демократию, – и выступает за сохранение прописки.

И.Б. Имеет право.

Л.В. А я считаю: или – или. Или ты демократ, или нет. Как вы говорите о демократическом правительстве: или оно демократическое, тогда объясняет народу, прислушивается к нему, или тоталитарное – тогда народу навязывает себя.

И.Б. По-моему, есть только одно определение демократического правительства. Так может называть себя правительство, которое исполняет политическую волю своих избирателей.

Л.В. Но есть же еще и демократические принципы, которым надо следовать. Какая-то логика должна быть в поведении демократов.

И.Б. Обратите внимание, в нашем разговоре я избегаю высказываться со всей определенностью. Потому что допускаю: а) я могу быть не прав и б) мое видение может не совпадать с другим. Грех, впрочем, не так велик в "точном знании", сколько в навязывании, в насильственном утверждении своего мнения.

Л.В. Вы в Москве часто бываете, но все-таки, видимо, здорово оторвались от нашей действительности. Нам сейчас куда нужнее уверенность "профи", чем его сомнения.

И.Б. Хотите, чтобы я однозначно поддержал Гайдара или Явлинского?

Л.В. Я бы хотела, чтобы вы сказали: здравый смысл подсказывает, что всем демократическим силам, всей интеллигенции надо сейчас объединиться, сделать все от нее зависящее, чтобы продолжились реформы, чтобы мы не рухнули в черную дыру фашизма и гражданской войны.

И.Б. Должен вам сказать, вы лично, Лора Великанова, а также наши общие друзья и соратники по демократии виновны в том, извините меня, что не сумели объяснить это людям раньше. Виновны точно так же, как команда Гайдара, которая не сумела выработать курс на реформы и проводить его соборно, не сумела стать понятной народу. А Жириновский сумел.

Л.В. Но почему именно Жириновский? Неужели и он – это тоже российский путь?

И.Б. Не думаю, что люди, которые голосовали за ушлого сына юриста, – антисемиты, хотя есть среди них и такие. Бытовой антисемитизм в Москве практически не заметен. Государственного антисемитизма и вовсе нет.

Л.В. А наш великий демократ Полторанин с его "лагерным ивритом" и обвинениями в "русофобии" журналистов, критикующих его людей?

И.Б. Есть антисемитизм политиков, которые на этом играют. Когда экономическое положение станет еще хуже (боюсь, это случится достаточно скоро) и начнут искать виноватых, то ими, как всегда, окажутся евреи.

Простите меня за следующее примитивное рассуждение. В России примерно 150 миллионов человек, из них приблизительно миллион – евреи. И как живет богатая ресурсами, с талантливым народом страна, все знают. А в США 260 миллионов, из них 6 миллионов евреев. Так вот, при намного большем, чем в России, удельном весе евреев в Америке, при том, что политическая роль их там колоссальна, – как мы при этом прекрасно живем!

Кричи не кричи о евреях Юрий Власов, другие – страну так не спасешь.

Л.В. Ну, а что же все-таки будет с нами?

И.Б. Это самая тяжелая часть нашего разговора. Говорю об этом довольно давно и достаточно громко: надежд на благополучный выход из тупика у России все меньше. Во всяком случае, я уезжаю с укрепившимся ощущением безнадежности. Меня ужаснуло боевитое настроение московской интеллигенции. Она просто не слышит предупреждений, еще немножечко покричит– и гражданская война грянет.

Юрий ГАГАРИН с женой Валентиной
Фото Якова РЮМКИНА

Потерянное поколение?

Оно усеяно геройскими звездами космонавтов, самая яркая из которых – у Гагарина. Сегодня ему исполнилось бы 60

КАК ЭТО?! Первые космонавты – и потерянное?! Ну уж нет! Поищи такой блеск такой славы! Такое вселенское признание, такое "через головы поэтов и правительств". Конечно, конечно! И не по форме, а по существу. Сто раз прав лидер нашей космической публицистики, любящий в разных аудиториях повторять: "Может быть, в будущем от всей нашей эпохи останется только одно имя: Гагарин".

Да, так. "И все же, все же, все же". Грустная все же история – отмечать шестьдесят тому, кто прожил лишь половину этого срока.

Представить его дожившим до сегодня – все, что сейчас в нашей власти. Кем бы стал, каким бы стал? Видевшие и знавшие лично, дружившие, летавшие и разделявшие хлеб-стол стенкой пойдут на запоздавших к личному общению. Да и, пожалуй, даже друг на друга: не то, не так, не такой! У каждого свое, и весьма субъективное. Есть, конечно, бесспорные варианты. Его профессор и руководитель диплома по Военно-воздушной инженерной академии имени Жуковского, до сих пор болеющий Гагариным, Сергей Михайлович Белоцерковский за месяц до гибели рекомендовал своего выпускника в заочную адъюнктуру. "Я уверен, он бы сегодня был доктором наук, генералом, наверняка руководителем подготовки космонавтов. И как раз беда нашей космонавтики, причина ее упадка – отсутствие умного и глубоко порядочного лидера. Гагарин бы восполнил этот пробел..."

Итак, доктор наук, генерал, большой начальник. Это почти аксиома. И все же вопрос не исчерпан.

Допустим, генерал-полковник, как космонавт-2 Герман Титов, или "всего лишь" генерал-майор, как не менее отчаянный парень Алексей Леонов? Был бы начальником Центра подготовки космонавтов или каким-нибудь задвинутым на третьи роли председателем Добровольного общества содействию космонавтике? Это зависело бы "от поведения" героя, оценку за которое выставляют как бы потусторонние мрачные силы в политбюровских или генконструкторских кабинетах, исходя из своих до сих пор примитивных представлений о патриотизме и послушании, чаще всего цеховых и ведомственных. Отсюда вытекают депутатство, делегатство, вкусные поездки, распределение благ и приятно-почетных обязанностей лучшего филателиста, лучшего шахматиста, лучшего штангиста страны и так далее.

Подневольность космонавтов – сильное разочарование после наивной веры, что эти-то люди, вынесенные в неведомое миллионами ракетно-лошадиных сил, обретут истинную свободу мысли и волеизъявления с правом необъятной земной аудитории.

Перечитывая сейчас на редкость слащавую книгу "Дорога в космос", ну просто изнываешь от сочувствия тому веселому и храброму старлею, из которого выдавливали высокопарные штампы в духе самых казенных правдинских передовиц и который уже ничего не перепишет, как многие генералы и публицисты.

Конечно, это не он, Гагарин, лично скрипел пером, вымучивая идеологически выверенные и духовно пошлые абзацы, это след двух пламенных правдистов, но, подозреваю, и его бы сейчас передергивало от автобиографических откровений: "Я... про себя подумал, что в Советской стране всегда есть и будет место для подвига. За примерами далеко ходить не надо. Достаточно было взять любой номер "Правды" и убедиться в том, что буквально каждый день наш народ совершает трудовые подвиги, добивается новых успехов в социалистическом строительстве".

Потрясающий примитив пресс-конференций, маниакальная военно-политическая бдительность, доводившая до пародии любую попытку непринужденного общения.

"... И атака началась. Ее возглавила корреспондентка агентства Ассошиэйтед Пресс.

– Мистер Гагарин, – спросила она на ломаном русском языке, – скажите, какие марки вин и коньяков вы предпочитаете?

Вопрос этот, видимо, был задан с той целью, чтобы с первых же минут увести беседу с главного русла – о достижениях советской науки и техники, разменять ее на мелочи. Отвечая зарубежной журналистке, я постарался как можно тактичнее пояснить, что мы, советские космонавты, занимаемся столь важным делом, что позволить себе излишнее увлечение спиртным никак не можем..." Что как нельзя лучше стыкуется с дневниковой записью космонавтского "дядьки" генерала Каманина: "Высшие руководители страны носятся с космонавтами как с писаной торбой и, как из рога изобилия, сыплют им всяческие похвалы, а Каманин должен держать их в узде и быть готовым отвечать за то, что они перепьются на правительственном приеме и в хмельном угаре наговорят или наделают что-нибудь несуразное. Я должен объявлять им выговоры, задерживать в присвоении званий и делать массу других неприятных для них вещей".

Врать заставляли в приказном порядке. Начиная с легенды об отборе, чью завесу приоткрывает другой дневник – журналистки Тамары Кутузовой (Апенченко), писавшей впрок из первого лейтенантского отряда. "... Все переигралось, и "шестерка" совсем в ином составе, чем намечалось раньше. Борис и Жорка вообще не вошли в нее. Про Жорку говорят, что он не прошел по росту – якобы габариты кабины на первый раз ограничены и для роста, и для веса... А вот с Борисом просто жестоко поступили. И все этот генерал со своими заскоками. Надо, говорит, чтобы первый был обязательно из рабочей семьи. А Борис, видите ли, интеллигент, да еще мама у него еврейка... Маразм, самый настоящий непрошибаемый маразм..."

Это отнюдь не значит, что Гагарин был недостоин. Наоборот, он взял, как говорится, всем. Но есть версия и более жестокая к нему: что отбирали простых безродных "дворняжек", чтобы в случае гибели ни слуху, ни духу, ни хлопотливых претензий. И ни домика, перенесенного из селения Клушино в городок Гжатск, ни личной "Волги", поставленной там под стеклянный колпак в назидание шустрому потомству. "Погиб при исполнении служебных..."

Врать заставляли с первого шага и с первого приземления, тридцать лет вычеркивая из репортажей даже факт катапультирования из кабины и спуск под персональным парашютным куполом на собственные ноги. (Так возвращались первые космонавты до мягкой посадки спускаемого аппарата). Как будто бы Гагарина от этого убыло. Сам он легко присоединялся к государственному вранью, будучи человеком дисциплинированным и покладистым. Надо так надо. Военная тайна требует. Но до каких пор?

В том-то и тайна, что под глянцевым обликом вечно рапортующего пионера все-таки просвечивал тот любер-ремесленник, который шел по жизни без мохнатой лапы и все инженерные зачеты должен был-таки сдать на "отлично". За исторически эффектным "Поехали!" скромно прячется чей-то рассказ о действительных последних наземных словах еще не знаменитого старлея. "Ну что, Юра, дрейфишь?" – спросил, говорят, один из завинтителей люка. "А мне по..." – ответил небритый парнишка, стараясь держаться бодрее.

Любимый, говорят, анекдот Гагарина. Встреча воробья с космонавтом. "Ты куда так несешься?" – "И ты понесешься, если в задницу факел воткнут".

А вот уже серьезнее. Очевидец со слов генерала Каманина – о слышанном на высоком уровне предупреждении: "Пусть твой этот хам не заносится: мы как его подняли – так и опустим". Если еще потрясти, выплывает причина: резкий нелестный размашистый отзыв о членах семьи Самого.

Чью сторону он принял бы в конце концов? То, что простили бы и второму, и пятому, Первому – никогда. Держать в особенной узде. Понимал ли он это? Чувствовал ли? Тысяча вопросов. И вполне реальное наблюдение: все-таки одно из первых к ним требований, пусть даже негласных, – полная управляемость. Как бы технологическое качество для спокойного отпускания за пределы планеты. Не выкинул бы чего или не спятил. Чуть кто выбивается, пусть даже лишней одержимостью и, не дай бог, критикой тусклых решений, – вон из игры. Послушание – залог продвижения и здоровья. Вот и гадай, почему не у дел оказался в расцвете сил и энергии генерал Леонов, собаку съевший в тонкостях профессиональной подготовки, но и неосторожный в суждениях из-за своего мирового кругозора. И почему за боковую линию вытолкнут бесподобный Джанибеков с практикой рискованнейших операций, но и с колючей прямотой суворовского взгляда. При том, что отряд космонавтов был и остается резервом самых неожиданных возвышений.

Главная сложность: пилотируемая космонавтика остается видом очень дорогостоящего спорта с неясными пока научными задачами. Удовольствие для богатых – даже американцы умерили пыл, пошли на совместный проект. Конечно, надо обживать ближний космос так же, как океан или воздух. Но надо и ставить задачи так, как умел Королев. Это с величайшим сожалением признал яркий интеллект космонавтики Константин Феоктистов, осудив заодно гигантизм брановского блефа. И вместо того чтобы стать генеральным конструктором или хотя бы членом-корреспондентом, чего следовало ожидать после создания им чуть ли не всех обитаемых станций и кораблей в качестве главного разработчика, оказался на пенсии возле домашнего компьютера, на котором продолжает удивительно интересные проекты. Тут, конечно, поправка с его стороны: "Администратор – не моя стихия и не мое призвание, это другой образ жизни, мешающий сосредоточиться на идеях..." Так-то оно так, но до каких пор все же наши администраторы и вершители судеб не смогут сосредоточиваться именно на идеях?

Сколько всего можно передумать в день рождения одного человека... Шестьдесят – это уже выход из разряда вечно молодых. Можно представить, как в 100-летие, а затем и в 400-летие дата рождения и дата полета сольются в одну точку, как рубеж Колумба. А там, не приведи бог, если придется всей людской массой переселяться к другим солнцам с остывшей Земли, останется единственный значок или портретик во всех межзвездных кабинах и каютах. "Он улетел первым".

Мы же давайте еще вспомним, что после 12 апреля ничто уже не выбрасывало нас на улицы с такой восторженной силой. И, наверное, больше не вытолкнет. Пошел другой отсчет. Иллюзиям, событиям, кумирам. Самим себе. И пониманию, что нам-то, скованным одной целью, пока что далеко не улететь.

Андрей ТАРАСОВ

–Мистер Гагарин, скажите, какие марки вин и коньяков вы предпочитаете?

–Мы, советские космонавты... позволить себе излишнее увлечение спиртным никак не можем.

Вокруг света на "Жигулях"

Олег МОРОЗ

Свободный человек в поисках здоровья и впечатлений

Диссертационный пролог

С Юрием Гущо мы познакомились в 1978-м. Тогда, в ноябре, в "Литгазете" была напечатана моя статья "Четыре года из жизни соискателя" – о злоключениях Гущо и его докторской диссертации.

Страсти вокруг диссертаций, как известно, были в Совке едва ли не национальным видом спорта. Как американский футбол в США. Разоблачения прохиндеев, рвущихся в ученые, отличались таким же неистовством, как и защита людей достойных, которых пытались опорочить всевозможные пакостники и завистники. Ощущение было такое, что мир вот-вот рухнет, если кому-то присудят ученую степень не по заслугам или, напротив, заслуживающего этой степени оставят без оной в результате злокозненных интриг. Для такого неистовства были основания: человек со степенью автоматически приобщался к элите общества, становился материально обеспеченным.

Сейчас это уже трудно понять. Профессия ученого давно перестала быть престижной. Ученые бедствуют. Многие из тех, кто рвался (и прорвался) в науку ради престижа и денег, отхлынули от нее. Кто и какие там диссертации защищает – это широкую общественность нынче мало колышет.

Тогда было по-другому. Гущо защитил докторскую в мае 1975-го. А через полгода в ВАК поступило письмо двух его коллег, выдвигавших против соискателя обвинение по известной формуле – дескать, все верное в диссертации не ново, а все новое неверно. И пошло-поехало. Гони зайца по кругу! Началась канитель с ответами на кляузу, ответами на ответы, защитами-перезащитами. Длилось все почти четыре года.

Гущо испытал тогда сильный стресс. Выдержал четырехлетнее измывательство лишь благодаря спорту. Каждый день бегал по двадцать километров. Да и прошлые занятия самбо – был мастером спорта по этому виду,– конечно, помогли.

Свалила его не диссертационная эпопея, а медицинская ошибка, случившаяся несколько лет спустя. В результате "лечения" травмы тазобедренного сустава он стал инвалидом. Четыре месяца пролежал плашмя. На костылях мог проковылять метров пять. Перспективы были черными: развившаяся болезнь – коксартроз – считается неизлечимой.

– И вот тогда я стал читать медицинскую литературу. Стал разбираться с нетрадиционными методами лечения. Интересоваться, что там экстрасенсы обещают (они ведь все обещают). Однако никто ничем помочь мне не сумел. Наконец я понял, что вообще не туда пошел, что надо заниматься общей системой здоровья, а не ногой. Я плюнул на то, что эта болезнь неизлечима, и двинулся своим путем. И выздоровел. Примерно через полторе годе пробежался по горам Киргизии...

– В чем все-таки заключается этот ваш особый путь к здоровью?

– Я просто поменял стиль жизни. Поменял питание: что-то перестал есть, что-то, напротив, включил в рацион. Стал зарядку делать – по нескольку часов в день...

Полное описание того, что Юрий Петрович Гущо понимает под правильным стилем жизни, составило его книгу "Введение в энциклопедию здоровья и долголетия", вышедшую в прошлом году. (Кстати, не надо думать, что Юрий Петрович – доктор медицинских или там биологических наук, он доктор наук технических.)

Ударим автопробегом!

Поскольку больных коксартрозом да и вообще больных в нашем отечестве множество, у Юрия Петровича возникло естественное желание поделиться своим опытом выздоровления. Так и возникла идея первого автопробега Рига – Владивосток с заездом на Камчатку. А уж затем пошли другие: пробег по Европе, поездка вокруг Средиземного моря, бросок на юг (не последний) – в Турцию, еще один пробег по Европе (но научным центрам) и наконец прошлогоднее автопутешествие по Австралии. Короче, за последние шесть лет бывший неизлечимый больной не пропустил ни одного автосезона без какого-нибудь умопомрачительного ралли.

– А как насчет оздоровления всей страны?

– Это, конечно, была донкихотская идея. В той первой поездке мы прочли 500 лекций, но это страну, разумеется, не расшевелило. Идеи такого роде пролегандировать очень сложно, никто тебя не слушает. В конце концов я понял, что это недо делать избирательно – искать единомышленников, сеять только в ту почву, где семена могут прорести.

Для проведения автопробегов Гущо организовал международную ассоциацию с приличествующим случаю названием "Личность. Экология. Мир". Однако регистрировать ее нигде не стал ввиду органической неприязни ко всяческой бюрократии. Вступить в ассоциацию могут граждане с ученым званием не ниже профессора (есть в ассоциации и академики) и со спортивной квалификацией не ниже мастера спорта. Чем объясняется такой отбор?

– Звание мастера спорта служит какой-то гарантией, что человек придерживается здорового образа жизни, в звание профессора – что он по дороге может выступить как лектор, рассказать об этом образе жизни. И, наконец, обе эти звания гарантируют, что в ассоциацию не пролезут экстрасенсы.

Экстрасенсов Юрий Петрович недолюбливает.

Ралли – только для трезвых

– Итак, у вас был элитарный принцип подбора команды...

– Суперэлитарный. Даже среди докторов наук трудно было найти непьющего. А это был обязательный принцип. Я ставил категорическое требование: во время ралли – ни грамме. Даже если тебе подносят.

– А подносили?

– Не то слово. Нередко просто перегоре-живали дорогу. И заворачивали прямо к столу. А уж в России стол – сами знаете какой.

– Ну и как же вы удерживались?

– Так и удерживались. Трудно бывает, когда ты рисуешься, кокетничаешь. А когда ты серьезно говоришь: "Ребяте, вы извините, я не пью", – никто никогда не обижается.

Вот, оказывается, какая самая серьезная проблема, если вы решили проехать на автомобиле через всю Россию с запада на восток.

В первом путешествии участвовали две "Лады", два "Москвича", две "Таврии", два "рафика" и "Волга". Каждый из автозаводов, представленных в ралли, придал в помощь раллистам по механику-водителю. Однако от них получилась не столько помощь, сколько хлопоты, поскольку гегемон, как известно, не признает сухой закон. Напивались гегемоны в дупеля. Можно сказать, в стельку. Впрочем, один из представителей интеллигентской прослойки – врач – также оказался алкоголиком: прихватил с собой в путь-дорогу канистру спирта.

Не просыхала и сопровождавшая автоколонну пресса. Так что в конце концов Юрий Петрович вынужден был от нее избавиться – оставил в Иркутске.

В дальнейшем Гущо не брал с собой ни механиков, ни журналистов. Матчасть же ограничил вазовскими автомобилями, убедившись в непригодности другой отечественной автопродукции к дальним переездам по пересеченной местности.

О пользе тоталитарных режимов

Хотя эти режимы принято ругать, в части организации авторалли они подчас демонстрируют кое-какие преимущества перед режимами демократическими. Так, при передвижении по Сибири Гущо и его коллеги не сразу догадались, что в этом географическом районе огромное количество абсолютно непроезжих дорог. По большей части раллисты ехали вполне нормально. Не асфальт, конечно, но катиться можно. Вскоре, однако, выяснилось: причина тут проста. По трассе ралли загодя проходила тассовка, оповещавшая все райкомы (тогда еще были райкомы) о политической важности проводимого автомероприятия. После чего на приведение дороги в порядок бросалась соответствующая землеройная техника. Так что легковые автомобили, столь легкомысленно отправившиеся в путешествие через всю Сибирь, по существу, проехали по ней вслед за бульдозерами и скреперами. Обычный в тех местах в ту пору способ передвижения высокого партийного начальства.

Ну и, конечно, все остальное: гостиница, кормежка, баня, вертолетные и иные экскурсии – все по высшему, какой только возможно, классу.

Еще лучший прием Гущо встретил на другом конце земли – в Ливии. Тут он сделался лучшим другом Каддафи. Вождь ливийской революции оказал ему всяческую поддержку – предоставил дополнительные машины и местных кагэбэшников для охраны. Останавливались раллисты только в пятизвездочных отелях, причем бесплатно. Бензин тоже был бесплатный. Очень не хотелось Юрию Петровичу пересекать ливийско-тунисскую границу. Целых три дня лишних прокрутились российские автомобилисты в Джамахирии.

И напротив, так называемый свободный мир не всегда представал перед участниками ралли в лучшем образе. На переправе через Гибралтар их встретил некий обаятельный господин в форменной одежде, предложивший обеспечить им полный сервис по переправке на Африканский континент – поменять деньги, купить билеты и т.д. И обеспечил. Непринужденно нагрев при этом путешественников на круглую сумму. После чего растворился в зыбком гибралтарском мареве.

В Турции и того хуже – Юрия Петровича просто обворовали, когда он ночевал в машине (из-за пробок маленько не доехал до Стамбула). Увели все деньги и документы. Человек остался на нулях в чужой стране (это была разведочная поездка, Гущо ехал один).

Наконец от путешествия по Южной Америке профессору вовсе пришлось отказаться (хотя он имел на этот счет серьезные намерения). Будучи в Бразилии на экологическом конгрессе (специально туда поехал, ради зондажа), Гущо поинтересовался у компетентных людей, сможет ли он проехать на автомобиле по Южноамериканскому континенту. "Проедешь – говорят. – Если тебя не выкинут из машины где-нибудь по дороге, не застрелят, не придушат или что-нибудь еще в таком роде с тобой не сделают".

По мере дрейфа нашего отечества в сторону свободы и демократии риск путешествий – и самого пребывания – в его границах все более перевешивает соответствующий риск за его пределами. На вопрос, опасается ли за него семья, Гущо отвечает: "Это я за них опасаюсь. В России сейчас проще потерять голову, чем где бы то ни было. Кроме разве Южной Америки".

"Мое представление о мире перевернулось"

Гущо признается, что с тех пор как он начал путешествовать, его представление о мире перевернулось. "В каком, – спрашиваю, - смысле?"

– Этому трудно дать четкое определение. Когда путешествуешь, узнаешь много такого, чего бы ты никогда не узнал. Никогда! Ни в каких книгах, ни в какой прессе этого нет. Допустим, такой штрих. Когда я отправился в первую поездку, я уже был знаком с иридодиагностикой - с диагностикой по радужке глаза. Так вот, я ехал по всей России и заглядывал всем в глаза. Особенно в голубые, особенно детские. Я не видел здоровых детей. Да и вообще здоровых людей не видел. И вот я въезжаю в зону Благовещенска и вижу – там все нормально. Ну не то чтобы нормально, но уровень пораженности радужки раза в полторе-два меньше. Почему? Может быть, потому, что Благовещенск как-то отделен от остальной России, той, что западнее (от Читы до Благовещенска нет ведь автомобильной дороги), может быть, почему-то еще. Об этом вы никогда нигде не прочтете и ни от кого не узнаете.

В районе Иркутска около поселений декабристов путешественники встретили солдата, молодого парня из местных. Он взялся показать им все – оставшиеся постройки, могилы декабристов, музеи... Мотался с приезжими целый день.

– Я недоумевал: что им движет? И понял наконец: он старался буквально вывернуться наизнанку, чтобы показать – "Вот как у нас хорошо!". Человеку там нечем сейчас гордиться: все разрушено, разрушено. Остались только декабристы. Двухэтажный дом из лиственницы, еще что-то. Остелась русская история. И вот он гордится ею.

Встречи сейчас происходят в основном печальные.

– Вот короткий разговор с мельчиком, который сидит на Сибирской дороге. Я его спрашиваю: "Ты кем будешь, когда вырастешь?" Ну о чем еще спрашивают детей? Он говорит: "Я буду дорожным мастером". – "Почему?" – "Надо ведь чинить эту дорогу. На ней все время все застревают". Сидение на дороге – единственное его развлечение. Его настоящее и будущее. Другого он не видит. Или уже не мальчик, а девочке – в Тулуне, где нем перегородили дорогу праздником. Ей двенадцать лет, а ее уже много раз изнасиловали. И это, оказывается, не исключение, а норма. В общем, там надо быть, чтобы это все увидеть, обо всем этом узнать. Автомобиль чем удобен? Он позволяет наблюдать жизнь достаточно близко – это ведь не поезд и не самолет – и в то же время быстро перемещаться в пространстве.

Компот до еды

Ну, а как все-таки с распространением здорового образа жизни? Как уже говорилось, Гущо распространяет его среди тех, кто желает воспринимать. Диапазон восприимчивости широк. Одни становятся фанатичными приверженцами "метода Гущо" (хотя сам он отрицает, что изобрел какой-то метод – просто систематизировал то, что известно давным-давно). Другие лишь слегка корректируют свое поведение. Так, латвийский культурист Владас, совсем уж было загнувшийся от своего культуризма, после собеседований с Юрием Петровичем продал свой большой дом, купил маленький домик, но на берегу чистейшего озера. Купается в нем круглый год. Каждый день пробежки по нескольку десятков километров. Строгий режим питания... Воспрял человек, но ударился в фанатизм. Этого Гущо не одобряет. По его мнению, фанатики всегда проигрывают. Другая крайность – сингапурский китаец-миллионер с английским именем Брайен. Будучи в Сингапуре, Юрий Петрович долго ему объяснял, что он должен делать, чтобы сбросить лишний вес и вообще стать нормальным человеком. После целую книгу написал как бы для него – то самое "Введение в энциклопедию...". В духе XVIII века она состоит из эпистолярных обращений к далекому

сингапурскому другу: "Дорогой Брайен!.." – и дальше растолковывается, что этот Брайен должен делать: как дышать, как двигаться, как питаться... Здесь, однако, результат оказался скромным: вместо того чтобы пить воду каждый день, сингапурско-английский китаец стал ее употреблять через день. "Если, – говорит, – я буду следовать всем твоим правилам, я всех своих друзей растеряю". Пять килограммов веса сбросил, и то хорошо.

А что это, собственно говоря, за правила?

– Я ничего не придумывал. То, что понимается под "методом", – некая комбинация давно известных идей. Одне из них: пить недо до еды. Иначе вода просто не усваивается. Возьмите Восток. Тем всегде пили до еды. Бедные – воду. Богатые – чей. Очень богатые – еще и фрукты не стол поставят, а это тоже вода. Но попробуйте сказеть об этом ившим диетологам... Далее. Давно известно, что белки не следует смешивать с крахмалом. Но скажите в какой-нибудь столовой, что не недо подевать картошку с мясом. Оказывается, это любимый национальный продукт. Какой национальный? Ведь картошку к нам лишь Петр I привез. Национальная русская еде – это полбе. Вареная пшенице. Та самея, которую ел пушкинский Балда. А если вы вообще выбросите из своего рациона мясо, рыбу, яйца, молоко – тоже ничего, кроме пользы для вашего здоровья, не будет.

"Я не согласен быть вторым сортом"

– Вы объехали чуть ли не весь мир. У вас не возникало желания где-нибудь остаться?

– Не возникало. Во-первых, я нагляделся на русских, живущих там. В материальном плане большинство из них по сравнению с нами, конечно, процветают. Но у меня есть определенная духовная жизнь, которая, безусловно, потерпит значительный ущерб, если я переберусь на жительство за границу.

Во-вторых, пострадает моя профессия ученого. Меня ведь никто никогда не пригласит туда на тех же условиях, какие имеют местные научные работники. Я всегда буду вторым сортом. А я не согласен им быть. Наконец, в-третьих, само мироощущение русского в России совсем другое, чем там. Мы слишком эмоциональны для той жизни. Там жизнь сухая... Другое дело, если бы у меня было много денег – хотя бы несколько миллионов долларов, – там можно было бы создать для себя Россию на некотором ограниченном пространстве.

Таких, сумевших создать для себя Россию за рубежом, Гущо не однажды встречал в своих поездках. Один из них – Григорий Краснов, коммерсант, старовер, бежавший в начале тридцатых из советского коммунистического рая в Китай. После перебравшийся в Израиль и наконец обосновавшийся в Австралии. Там он и обустроил для себя, своей жены и пятерых детей шесть гектаров российской земли. Сейчас ему 93. Он бодр, весел. Сам водит "мерседес". Внешний мир его интересует только с точки зрения торговли. А до мало-мальского обустройства всей России – этой нелепой и притягательной страны – он, разумеется, не дожил бы, останься он здесь. Да и мы с Юрием Петровичем вряд ли доживем.

Кто вы, профессор Гущо?

В самом деле – кто? Ученый-радиотехник? Путешественник-раллист? Исследователь нетрадиционных методов здоровья?

– Сейчас я не первое место ставлю здоровье. Пытаюсь разработеть такой стиль жизни, который позволил бы мне – и не только мне – нормально работать. Любой цели в жизни можно добиться при нормальном физическом и психическом состоянии. А второе – да простит мне религиозная братия – зависит от первого. Не необорот, как оне о том пытается толковать.

Сидя за рулем, Гущо побывал на всех континентах. Кроме Американского. В этом году рассчитывает побывать и там – осенью прокатиться от Аляски до Мексики. В некотором смысле – и по километрам, и по списку материков – ралли вокруг земного шара будет завершено.

«Литературная газета» приглашает к сотрудничеству рекламных агентов.
Тел.: 208-85-00, 208-88-36.

Анатолий РУБИНОВ

Голый "Русский Берлин"

ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ встречается "весь русский Берлин"...Это великосветское жеманное выражение снобов нас давно приучили понимать отечественные зарубежные корреспонденты. Проявляя патриотическую гордость, они передают нам по факсу, что, например, на гастролях балета Большого театра собрался "весь Париж". В зале на пару тысяч мест – восемь миллионов парижан? С бабушками да внучками?

Самые переимчивые и честолюбивые из наших неразъезжих корреспондентов уже бойко строчат, что в Доме кино на премьере или в Доме литераторов на каком-то другом празднике "была вся Москва". Естественно, вместе с авторами. Остальные, кто не поместился в зале, задержались дома. Однажды и я удостоился чести участвовать в таком торжестве, про которое молодежная газета потом рассказала, что "собралась вся Москва". Там были прекрасные, смело раздетые знаменитые актрисы, сошедшие с экранов телевизора дикторы, которые в самом прямом, без антенны эфире оказались не столь божественными. Знакомые по фотографиям в газетах депутаты, писатели, академики. Встретилась восторженная волоокая журналистка, известная только тем, что вечно вертится возле знаменитостей, и журналист, необыкновенно известный, но не своими статьями, а участием в тусовках именитых людей. И еще тем, что эпатирует публику своей манерой одеваться – то в зипуне сторожа-алкоголика, то в крахмальной сорочке с ломаным воротником и галстуком-бабочкой. С застывшей улыбкой сновала, искала, с кем бы поздороваться, роскошная дама в брильянтах. Она кого-то очень напоминала, и я с трудом сообразил – то была продавщица молочного отдела нашего магазина. У себя на работе с лицом неумолимого судьи она выглядела иначе.

На встречу "всего русского Берлина" требовались не украшения и даже не галстук-бабочкой. Приглашая, меня предупредили, что не лишним будет купальный халат, но можно и без него, было бы полотенце, а плавки не нужны вовсе.

Каждое воскресенье "весь русский Берлин" встречается в самой большой сауне города – в громадном здании под названием "Европа-центр". В нем знаменитые водяные часы высотой с трехэтажный дом, множество универмагов и продовольственных магазинов, в которых всегда продается все, что можно съесть – от десятка разновидностей йогурта до кокосовых орехов и клубники. Еще больше ресторанов, сотни офисов. И термы "Европа-центр".

Путеводители восторженно описывают сауну. Это "водный дворец", "оазис отдыха в центре города", "мечта, которая каждому помогает забыть неизбежный в жизни стресс"... Это все истинная правда, кроме маленькой детали – дивная сауна не всем по карману: вход в нее стоит дороговато – тридцать две марки, абонемент на десять посещений—триста, на пятьдесят -1450, годовой – 2050. По нынешнему курсу разовый билет стоит в наших деньгах около тридцати тысяч рублей. За пребывание в сауне целый день. Без массажа, который делают самые чернокожие из африканцев, без пользования индивидуальным солярием. И, конечно, без ресторана, а он необходим, если пропадаешь в водном дворце целый день.

Как и большинство посетителей, я провел там все воскресенье – с утра до позднего вечера. Туда приходят семьями: муж, жена, дети. Разлучаются только вначале – чтобы раздеться. Мужчины и мальчики в одном отделении, женщины – в другом. А девочки? В термы "Европа-центр" пускают и девочек, но за целый день я почему-то не встретил ни одной.

Сначала, естественно, надо пойти в душевую. Она очень просторная, с послушными кранами, которые мгновенно выполняют волю заказчика. Увлекшись покорными кранами, которые одним прикосновением к ним меняют температуру воды и силу струи, я не заметил самого главного: рядом со мной, напротив меня наслаждались водной процедурой и готовились к дальнейшим... совершенно обнаженные красавицы. Вперемежку с мужчинами и мальчиками.

Потом мне объяснили, почему здесь одни божественно сложенные женщины – супруги с изъянами в фигуре никогда не ходят сюда и вечно скандалят с мужьями, любителями сауны. Подозревают их в развратных намерениях и поэтому отправляют их в баню непременно с сыновьями, надеясь, что они своим присутствием уберегут отцов от падения, хотя говорят другое – для правильного сексуального воспитания неплохо, если мальчики кое-что увидят заранее и подготовятся.

Взрослому населению, прибывшему из России, германские методы правильного полового воспитания казались странными только вначале. Каждая семья рассказывает, как девочка-второклассница пришла из школы и смело спросила дедушку: "А ты знаешь, как получаются дети?" Дедушка, конечно, знал и сообщил про капусту, про аиста, про родильный дом, в котором покупают младенцев. Девочка весело рассмеялась от наивности старика и рассказала, нарисовала на бумажке то, что она узнала сегодня на уроке.

Тем не менее в сауну просвещенных девочек, кажется, не берут. Одних мальчиков.

После душа надевают халат – не для того, чтобы скрыть свой стыд: чтобы промокнуться и совершенно сухим, обнаженным, с полотенчиком для подстилки идти в парную.

Хотя автор вовсе не намерен был рассказывать об устройстве немецкой бани, а совсем о другом, без описания не обойтись.

Немецкая парная представляет собой амфитеатр. На "сцене" – она в углу – высокая кирпичная печь с раскаленными полевыми камнями наверху. "Зрители", участники действия, сидят на деревянных ступенях. Опытные люди приходят в парную минут за десять и терпеливо ждут главное действующее лицо. По воскресеньям людно и места может не хватить. Никто на это не жалуется, потому что вся прелесть бани во всех государствах, где она есть, не в жаре и паре, а в разговоре.

Слышна громкая, уверенная русская речь, потише – робкая немецкая. По-русски во весь голос кто-то рассказывает о том, как живет-поживает в Берлине сыночек известного российского демократа – мэра крупнейшего города. На своих полотенчиках плотно, в великой тесноте сидят рядами голые женщины и голые мужчины.

Женщины знают всегда больше! Мужчина сообщил, где сыночек учится, а женщина уточняет, где он обычно обедает. Получается, что не очень он стеснен в немецких марках – по воскресеньям ходит не в "имбис" – по-нашему забегаловку, в которой даже глубокой ночью продают длинные сосиски с рыжей полоской горчицы, а в испанский ресторанчик, где можно отведать любое пиренейское вино. Другой мужской голос рассказывает, что делал сыночек, где бывал тогда, когда состоялся официальный, помпезный визит мэра в Германию, про которого газеты так много писали, а другой женский голос убедительно объясняет, почему этому демократу так полюбился Берлин: ездит со своими помощниками, которые вечно что-то пишут для них. Представьте себе: она встретилась с одним из них в "КаДеВе", самом богатом магазине, и громко сказала ему: "Володя, покупайте сапожки жене на два номера больше – не совпадает". Володя сначала опешил, покраснел, а потом...

Конца такой занимательной истории узнать не удалось, потому что явился "Нептун" – рослый с бородкой мужчина в короткой, из полотенца, юбчонке с разрезом. Он пришел с бидончиком и поварежкой. Главное действующее лицо появляется в парной точно в ту секунду, когда радиостанции всего мира передают сигналы точного времени: было ровно одиннадцать. Все, кроме меня, знали наперед, какой дух вспыхнет и обожжет легкие сейчас. "Нептун" зачерпнул из бидона, аккуратно вылил воду на раскаленный камень, он зашипел, и сразу — по-русски и по-немецки – раздались сердитые голоса, требовавшие прекратить разговоры немедленно.

Дальнейшее, в течение десяти минут, продолжалось в полной тишине. Жар прибывал, казался невыносимым, но когда бидончик опустел, "Нептун" стал разгонять жару полотенцем. Мне шепнули, что эта часть действия называется "август". Послышался сладострастный стон. Он явно принадлежал женщине – она первой наполнилась наслаждением. "Нептун" творил "август" сначала методом вентилятора из индийского фильма: вертел длинное полотенце над головой строго параллельно потолку. Потом – методом пропеллера, строго вертикально, и тогда раздался мужской стон самого слабого представителя сильного пола: воздух, наполненный ароматом банана, обжигал, душистая жара раскалилась, и стон стал хоровым – женская партия слилась с мужской, но никто не выскочил на холодок, все терпели сладкую муку. То был тренированный народ. В верхних рядах амфитеатра только склоняли голову ниже – так легче было дышать.

Закончив свою партию, "Нептун" нарушил тишину, пожелав всем легкого пара, и через стеклянную дверь было видно, что он что-то пишет мелом на коричневой доске. Потом каждый задерживался, чтобы прочитать: следующий сеанс в 12.00, на котором будут поливать камень розовой эссенцией.

Душевая снова наполнилась нагими женскими и мужскими телами, они смело обдавались ледяной струей и смело, весело кидались в бассейны с голубой, освещаемой водой. В "Европа-центр" несколько бассейнов под крышей и два на открытом воздухе. Некоторые посетители прохлаждались на крыше. Закаленные, они не боялись температуры минус один градус и тем более не страшились того, что их, совершенно обнаженных, увидят из окон соседнего дома. Предстоял целый день удовольствий, и никто не изнурял себя долгим плаванием: народ повалил в ресторан. Большинство сидело в махровых халатах, но самые стройные красотки, знающие цену своим прелестям, сели за стол, небрежно, но изысканно повязав себя недлинными полотенцами.

Предупредительные, одетые, как знаменитый московский журналист – в изломанном крахмальном воротнике над шелковым черным бантом, – официанты поворачивались с необыкновенным проворством. Чуть ли не бегом, приветливые, на каждом слове извиняющиеся и благодарящие, разносили закуски, горячую еду проголодавшимся купальщикам. Многие начинали с рюмочки крепкого спиртного, другие довольствовались пивом или просто кока-колой.

А за минуту до полудня амфитеатр был снова полон и ложи блистали теснотой раскрасневшихся женских и мужских тел. И все повторилось сначала, повторялось каждый час только с переменой аромата. Между каждым "августом" люди беседовали – в ресторане и на шезлонгах вокруг бассейнов.

Для меня это было самое интересное, потому что нигде люди не откровенны так, как в бане. Мне было известно это еще по моему московскому опыту. В самые суровые годы люди отваживались рассказывать незнакомым голым людям даже политические анекдоты, и, кажется, никого не отвели из парной на Лубянку. А что касается хозяйственных тайн, способов надуть государство, смелых рассказов о том, какой произвол творит начальство, то не было лучшего способа узнать правду о нашей жизни, чем посидеть в предбаннике с незнакомыми людьми, угостить их пивом, попробовать их кваску. У голых людей нет с собой блокнота и тем более спрятанного диктофона, и потому они так раскованны.

Очень много нового о Москве и странное узнал в берлинской бане! Меня окружали люди, которые навсегда уехали с родины и у которых новые секреты.

Стараясь скрыть изумление, я в банном ресторане за фужером пива внимательно слушал рассказ одного тучного человека в распахнутом на огромном животе халате о том, какой хороший человек N. Об N знают многие читатели. Ему были посвящены статьи наших самых правдивых, самых страстных журналистов – как его преследовали подлые люди, скрутили в бараний рог и в довершение всего сняли с работы в милиции, где он отважно боролся с расхитителями социалистической собственности и бессовестными спекулянтами. Раскрасневшийся от розового аромата толстяк убедительно, с примерами рассказывал о другой стороне деятельности этого прославленного своей отважной честностью, сброшенного с высокого поста работника милиции. Он очень чуткий человек с умеренными требованиями: подумать только, за выдачу четырех фальшивых паспортов, благодаря которым от природы русская семья получила право выехать в Израиль, он взял всего десять тысяч долларов. Все четверо сделали привал в Вене, а оттуда прямиком направились в Германию, которая, искупая свою великую перед евреями вину, принимает их беспрепятственно. Труднее было остаться в Берлине – не положено, город переполнен иностранцами. Вот если бы был здесь такой хороший человек, как N, он с меньшими хлопотами получил бы анмельдунг. Немцы, эти дурачки, взяток не берут!

Все сидевшие за хорошо уставленным столом знали, что такое анмельдунг – прописка, которая в паспорт не ставится. И сами вставляли в речь вместо русских немецкие слова, не замечая этого, потому что уже привыкают к новой жизни. Средних лет дама с очень красивыми плечиками, полотенчиком легко скрывшая – исключительно от официанта – грудь волнующей формы, подтвердила:

– Давать немцу взятку, нужно иметь хороший мут.

"Мут" – это мужество.

За ресторанным столом, вокруг которого сидели приуставшие от жары люди, я узнал о том, как иные беспорочные, невидные московские чиновники берут огромные взятки валютой за интересные справки. Вторая жена одного мужчины вдруг стала родной дочерью его первой жены. Об этом появилась запись в свидетельстве о рождении, выданном тридцать лет назад, когда первой жене было три года от роду. Была названа сумма в немецких марках, перечислен состав посылки с благодарностью за то, что эта запись помогла переместиться из Москвы в Германию, получить там "социал" – помощь от государства, на которую можно жить неплохо и даже путешествовать. В первый раз люди направляются в Испанию – это путешествие самое дешевое.

Никогда не представлял, что оказать услугу жизненной важности может чиновник самого незаметного учреждения – жэка, ПРЭО, РЭО, какого-нибудь задрипанного архива, отдела нежилых помещений, конторы по уборке улиц и тем более находящегося в каком-нибудь сыром, вонючем подвале подразделения районной и городской власти. Если правда то, что рассказывали о своем прошлом люди из бани, в тех убогих, незаметных учреждениях могут оказаться очень состоятельные люди: имеющие валюту и не боящиеся никаких политических поворотов. Их должны страшиться только высокопоставленные взяточники и чиновники, находящиеся у них под рукой. Пока они имеют "мут" (помните?—мужество) принимать даже приглашения итальянских, французских фирм и всей семьей отбывать на отдых в страны теплого климата, захлебываться от немого восторга, но все-таки обязаны молчать. Но жизнь непредсказуема, и обязательно случится, непременно случится так, что все выплывет наружу. Может быть, когда-нибудь пожалеют о своей ловкости даже некоторые министры, заместители министров, мэры – когда люди проанализируют, подсчитают их государственные визиты, подведут итоги полезности этих вояжей за казенный счет и установят пропорциональную зависимость между политической благосклонностью к некоторым государствам и местом, в котором сейчас совершенствуют свое образование отпрыски новых именитых людей.

В берлинской сауне мне все время вспоминалась истина, которая при всей ее банальности всегда поражает: действительно, нет такой тайны, которая не станет когда-нибудь явной. Сейчас, когда чуть приоткрылись архивы, мы узнали имена некоторых стукачей, которые были уверены, что творят выгодное для себя кровавое дельце без всякого риска для своей репутации и репутации потомков. Люди, покинувшие страну, тоже не будут вечно благодарны своим оплаченным благодетелям – с чего бы им до самой смерти быть стойкими, как Зоя, и, наслаждаясь западной жизнью, строго хранить секреты, за которые они отдали свои "кровные" доллары и марки?

Мне показалось, что в западной жизни секретов меньше. Не напрасно же наши бывшие соотечественники жалуются на то, что немецкие чиновники взяток не берут. Когда я поделился этим соображением с одним человеком, живущим в Берлине, он усмехнулся: "Уже берут. Мы кого хочешь научим". Но я возразил: почему тогда наши преуспевшие в Германии соотечественники, ставшие богачами и даже миллионерами, не скрывают, какими способами они добились потрясающих успехов, не утаивают, как ловчили, обманывали людей, воровали у нового для них государства, и не раскаиваются, поскольку действовали там привычными для советского человека методами, которым научила их жизнь в Советском Союзе?

Воскресное знакомство со "всем русским Берлином" продолжилось. В престижной, дорогой сауне был, конечно, не весь русский Берлин, а самый благополучный. Сюда пришли те, кому особенно повезло – после страданий, приключений, которые начались еще на родине и которые заставили людей искать счастье в других краях. Повезло бедовым, смелым, проходным. Прежде всего людям с простой специальностью – парикмахерам, сапожникам, портным. И, конечно, изобретательным, богатым на выдумку торговцам, которые потерпели крушение у себя дома. А еще просто предприимчивым людям, которым не было ходу дома и которых даже судом судили за их смелые повороты, сажали в тюрьму. Здесь выяснилось, что их идеи не вредят людям, помогают окружающим, а самим – быстро разбогатеть. Сейчас они наверстывают потерянное. Иногда с азартом и излишествами новичка. Может быть, поэтому они и дорожат остренькими встречами в воскресной сауне, которая нашим пуританам кажется местом сомнительным, а по западным меркам вполне приличным. Сюда не ходят, не в состоянии прийти люди интеллигентных профессий, кроме врачей и видных музыкантов. Учителя, инженеры, журналисты живут в большинстве на "социале" – на пособии безработным, на пенсии, которых тем не менее хватает на то, чтобы питаться вкусно и правильно – по западным стандартам. И немного путешествовать.

Надо бы рассказать и о том, как становятся здесь богатыми некоторые из самых деятельных людей, которые применили в западных условиях свой советский опыт жизни, не самый праведный на свете. Оказывается, взятками можно совратить любой законопослушный народ. Можно подробнее рассказать о прошлых и сегодняшних делах оставшихся дома взяточников, но тут есть опасность, что наши мздоимцы способны сделать из этого выводы, прямо противоположные устрашающим: повысить прейскурант на свои темные, до поры до времени тайные услуги.

БЕРЛИН–МОСКВА

Рис. В. ЛЕСКОВА

Олег БЛОЦКИЙ, спец. корр. "ЛГ"

Заложник с аквалангами,

или Невероятные похождения черноморского казака со товарищи

ИСТОРИЯ эта началась в июне 1992 года, когда некий господин Перешивкин из Санкт-Петербурга прикатил на отдых к Черному морю, где и познакомился с черноморским казаком Анатолием Суворовым. Казак имел собственную фирму по прокату снаряжения для подводного плавания. К тому же являлся высококлассным специалистом-подводником.

Проходит время, и в марте 1993 года неутомимый господин из Петербурга вновь появляется у Суворова. Но настроен он теперь не на отдых, а на дела. Николай Перешивкин сообщает Анатолию, что решил заняться бизнесом по продаже оборудования для подводного плавания. И чтобы не прогадать, предлагает он провести испытание снаряжения специалисту Суворову. Тот соглашается.

Привозится оборудование. Суворов его "обкатывает" и заключает, что снаряжение отменное, но пользоваться им должен только высококлассный подводник, ибо при неумении обращаться с аквалангами можно под водой погибнуть.

Дальше оборудование отвозится поближе к Балтийскому морю. А еще позже господин Перешивкин вновь объявляется на Черноморском побережье и... прямиком к своему знакомцу. Так, мол, и так, есть работа в Швеции. По специальности. Хочешь работать?

Таким вопросом господин Перешивкин прямо-таки насмешил казака Суворова.

Да какой же русский не мечтает честно заработать за рубежом?! Тем более в такой благопристойной стране?!

И с этого момента начинается самое интересное.

Суворов готовится к отъезду. По ходу дела выясняется, что необходимы еще шоферы. Он рекомендует молодых казачков – Олега Рыбаченко и Андрея Шищенко.

В конце июля у Суворова раздается долгожданный звонок из "колыбели революции": "9 августа ты должен быть здесь, а 11-го в Стокгольме".

Суворов немедленно вылетает в Питер..

"Прилетел я днем, а вечером Перешивкин посадил меня в автобус, который уходил в Финляндию. Перед этим проинструктировал, где и что я должен делать, чтобы не потеряться.

В Стокгольме на Викинг-терминале, узнав меня по бейсбольной кепке, которой снабдил напоследок Перешивкин, ко мне подошел Марек Саламандра (гражданин Швеции. – О.Б.). На хорошем русском извинился, что не заказал гостиницу, и отвез в однокомнатную квартиру. "Это твоя квартира", – говорит и дает ключи, а также 1000 крон (приблизительно 125 долларов США. – О.Б.). А прощаясь, добавил, что работа будет от частного лица".

(От частного лица – это значит подпольно, нелегально, чтобы работодатель не платил государству налоги.)

Уверен, что лично Суворову глубоко было наплевать на то, "от какого лица" работа. Впрочем, здесь он не одинок. Тысячи, десятки тысяч наших соотечественников мало задумываются над подобным вопросом.

Анатолий первые дни в Стокгольме проводил в упоении заграницей. А после 16-го числа в однокомнатной уютной квартирке, ключи от которой позвякивали в кармане, лежало уже упакованное в аккуратные коробки снаряжение, уже "обкатанное" Суворовым ранее в волнах Черного моря.

Здесь впору упомянуть, что господин Перешивкин работал на теплоходе "Ильич", который два раза в неделю пришвартовывался аккурат в Стокгольмском порту. Он нелегально доставил это снаряжение в Швецию. Но почему-то от встречи с Суворовым господин Перешивкин всячески уклонялся.

Через несколько дней Марек Саламандра, который сам себя наеывал Тэд, рассказал Суворову о предстоящей работе. Она казаку не понравилась. А следовало опуститься под воду с лодки в одном месте, пройти около трех километров по судоходному озеру и, вынырнув под неприметным причалом, забрать из ящика целлофановый пакет.

Суворов насторожился. Тэд успокоил, сказал, что там не наркотики, а деньги, но просто одни люди не хотят, чтобы другие видели, как они "ушли". За это было обещано Саламандрой 120 тысяч долларов.

Суворов вновь отказался. А когда сумма почти моментально взлетела до 250 тысяч, Анатолий дал себе слово не участвовать в этом "заплыве" ни при каких обстоятельствах.

"Тогда Саламандра отвез меня на Викинг-терминал, – вспоминает Суворов. – Там на таможне показал широкий, практически бесконтрольный проход с судов, которые приходят в Швецию из Финляндии, и узенькие дорожки обратно, где спрашивали паспорта. "На территории Швеции ты нелегально, – сказал Саламандра. – Выехать обратно не сможешь, а у меня нет денег, чтобы заплатить за тебя пошлину. Да вдобавок ты мне должен". Эта разница в ширине проходов подействовала на меня ужасающе. Все было наглядно и доходчиво".

Тем не менее Суворов отказывается. И оказывается в совершенно незавидном положении. Нелегал, он не имеет никаких прав в Швеции, кроме вполне законного – оказаться в местной кутузке. Такая перспектива вольнолюбивого казака не радует. Анатолий оказывается между молотом и наковальней. И если "наковальня" еще не подозревает о существовании русского, то "молот" начинает действовать.

Для начала Суворова бьют и забирают деньги. (Но не ключи от квартиры!) Затем в этой самой квартире Саламандра угрожает Анатолию пистолетом, а потом и пускает его в ход. Но промахивается.

Далее – все как в приключенческой книге. Суворов и Саламандра мирятся. Тэду нужен исполнитель, а Суворову – его ребята (те самые казаки), которые двумя днями раньше приехали в Стокгольм, но были перехвачены Саламандрой.

"Ребята – это заложники за работу", – сказал мне Тэд. Он уже не скрывал, что собирается похитить шведского миллионера Петера Валленберга с его виллы, которая находится недалеко от Стокгольма, чтобы потребовать выкуп в 10 миллионов долларов".

Таким образом роль Суворова в операции оказывалась главенствующей. Именно он должен был взять выкуп, приплыв за ним под водой.

По убеждению Суворова, план был идеален.

"Саламандра не учел лишь того, – замечает Анатолий, – что мы окажемся хитрее. Сможем его с Андреем Шищенко разоружить, а в конечном итоге сдать полиции и сдаться самим".

Полицейский наряд взял русских и связанного Саламандру прямо под виллой Валленберга 23 августа 1993 года в 8 вечера.

В полиции Тэд немедленно заявил, что русские – мафиози, которые покушались на его жизнь, и полностью отверг обвинения в том, что он сам намеревался похитить Валленберга. Почему-то постоянно упирая на то, что русские – это спецназовцы, выброшенные на территорию Швеции с подводной лодки. Цель: похитить Валленберга и тайно, на подлодке, вывезти его в Россию.

"На протяжении трех дней со стороны полиции были вопросы только об этом, – говорит Суворов. – Нас спрашивали, где и когда нас выбросила подводная лодка и где она нас будет ожидать. Допросы велись на полном серьезе".

Следует также сказать, что ребят-заложников охранял в Стокгольме некий Олег Воеков из Питера. Общий знакомец и Саламандры, и господина Перешивкина.

ВОТ ТАК выглядит история с похищением шведского миллионера в изложении Анатолия Суворова.

Шведский суд, который длился с 3 по 19 ноября 1993 года, вины русских перед законом не признал. Суворов и его товарищи были оправданы, а Саламандра осужден на 6 лет лишения свободы.

"Российское посольство отказывалось взять нас из зала суда, чтобы затем отправить в Россию. Сделали это наши эмигранты. Они купили нам теплую одежду, дали денег и проводили, – утверждает Анатолий Суворов. – Работники посольства не только бросили нас на произвол судьбы, но даже и не сообщили нашим родным, где мы находимся. Посольские отказывались с нами встречаться, и сделали они это лишь после того, как Андрей вскрыл себе вены".

11 февраля этого года апелляционный суд подтвердил такое решение.

Дело это имело огромный резонанс в Швеции. Рассказав о нем, я хотел бы напомнить нашим соотечественникам, что, отправляясь за рубеж, они могут оказаться не только в роли рабов, но и невольных гангстеров...

СТОКГОЛЬМ– МОСКВА

Когда верстался номер, мы получили сообщение из Стокгольма

Корреспондент шведского агентства новостей "ТТ" Андерс ЙОРАНССОН по просьбе отдела расследований "ЛГ" передал, что окончательным решением суда, принятым 25 февраля, трое русских – Суворов, Шищенко, Рыбаченко – были полностью освобождены от ответственности, как и ожидалось. Установив, что все трое подозреваемых знали, что по приезде в Швецию им предстоит принять участие в готовящемся преступлении, суд тем не менее не смог предоставить достаточно доказательств для заключения подозреваемых под стражу.

Оправдательное решение, принятое большинством членов суда, не было легким. Двое из пяти заседателей настаивали на осуждении Суворова, а один считал, что наказанию подлежат все российские граждане.

Несмотря на оправдательное решение, адвокаты не были удовлетворены формой изложения судебного решения. Клаес Боргстром, адвокат Олега Рыбаченко, сказал, что из-за сомнений в честности русских, заявлявших о своем незнании истинных причин своей поездки в Швецию, суд может отказать в получении компенсации, положенной за проведенное в тюрьме время.

Суд также изменил срок, полагающийся организатору похищения Саламандре. Вместо шести лет, на чем настаивал обвинитель, Саламандра был приговорен к четырем годам тюрьмы. Причиной, по заявлению суда, послужило то, что "Саламандра участвовал в разработке похищения Валленберга под давлением преступной группы из Санкт-Петербурга, лидером которой был Николай Перешивкин".

Адвокат Саламандры Пер Самуэльсон потребовал немедленного освобождения своего клиента, настаивая на том, что еще 23 августа он заявил трем российским участникам похищения о своем отказе принимать какое-либо участие в готовящейся "операции". Суд отклонил протест адвоката, посчитав, что даже если заявление Саламандры и было правдивым, то в дальнейшем он не предпринял никаких действий по сворачиванию плана похищения.

В ходе следствия все подозреваемые пытались переложить основную тяжесть вины на своих подельников, из-за чего суд решил, что рассматриваться будут только те сведения, которые удалось установить безоговорочно. В отношении русских участников похищения обвинитель Кьелл Лилиенхольм таких доказательств предъявить не смог.

На вопрос, почему так и не был арестован Николай Перешивкин, Лилиенхольм сообщил, что узнал о пребывании Перешивкина на территории Швеции слишком поздно. Во время первого допроса ни один из русских не назвал имени Перешивкина. Правда, они заявили, что четвертый член группы–Воеков–находится на маленьком острове на архипелаге. Но заявление это было сделано лишь в зале суда в октябре и не попало в протоколы допросов.

Вскоре после ареста Саламандры имя Перешивкина было найдено в бумагах, обнаруженных на квартире арестованного. Кьелл Лилиенхольм сообщил также, что неоднократно обращался с запросами в российское посольство в Стокгольме и к российским властям относительно Перешивкина, но во всех случаях получил информацию, что Перешивкин в настоящее время является безработным. Когда же он узнал, что все это время Перешивкин работал на судне "Ильич" и находился на территории Швеции, было слишком поздно. Николай Перешивкин покинул страну и, судя по всему, возвращаться в Швецию не намерен.

Пока рано говорить о сумме компенсации, которую, возможно, получат русские за срок, отбытый в тюрьме. Разговор может идти о шести тысячах долларов, но для принятия официального решения об этом должно пройти не менее четырех недель.

Перевел Кирилл БЕЛЯНИНОВ

Жан-Франсуа ДЕНИО:

“Гарантия демократии – национальная гордость”

Для движения вперед требуется общенациональный диалог, а не крикливые декларации с трибун

– Никогда еще после второй мировой войны международная ситуация не была столь напряженной и тревожной, как сейчас. Посткоммунизм обернулся гипернационализмом. Границы, гарантами надежности которых были раньше сверхдержавы – США и СССР, – теперь оспариваются и объявляются недействительными. Система международных институтов, созданных за полвека – ООН, НАТО, ЭЕС, СБСЕ и других, – оказывается неэффективной в новых условиях...

Так началась наша беседа с Жаном-Франсуа Денио. Видный политик-центрист, бывший министр и посол, академик и писатель, он не зря зовется французскими журналистами месье Демократия. Нет, пожалуй, за последнее десятилетие ни одной горячей точки, где бы не побывал месье Денио - как заместитель председателя Комиссии по международным делам Национального собрания, как посланец французского правительства или просто как частное лицо.

Кандидатура Жана-Франсуа Денио рассматривается сегодня во Франции как наиболее серьезная, чтобы возглавить общий список правящего в Пятой республике большинства – правых и центристов – на выборах европейских депутатов.

– Если бы вас попросили одной фразой сформулировать, что такое демократия?

– Это искусство быть ответственным. Нет учебников по демократии. В каждой стране – своя школа демократии. Но главное при этом – ее дух: народ, который периодически избирает своих руководителей и в случае необходимости может лишить их полномочий. Очень важный момент: руководители знают, что они ответственны перед общественным мнением. У власти исполнительной есть "противовес" – парламент. Законодатели же знают, что они служат избирателям, а народ никогда не ошибается в своем выборе. Он обладает исконным рассудком и абсолютной логикой, но – если ему не помогать – идет к пониманию демократии слишком долгим путем.

– И все -таки, может быть, не стоит торопиться в обобщении форм демократии? В каждой стране – свои традиции и потребности.

– Безусловно. Избирательные законы меняются в зависимости от специфики страны. Никогда не забуду: однажды в присутствии советских дипломатов я смотрел репортаж о выборах в Советском Союзе. Меня, помню, поразило, что в избирательном пункте не было кабинки для голосования, даже ширмы никакой не было! Я спросил, почему так. Советские дипломаты мне ответили: зачем ширма, когда для голосования предлагается лишь один лист? Истинная же демократия – это когда умеют и избирать, и быть избранными.

– Какую избирательную систему вы считаете наиболее подходящей для России?

– Скажем, необходимо обеспечить правительство стабильным большинством. Тут нужна британская система голосования – мажоритарная, в один тур выборов. В Англии голосуют за премьер-министра: кто победил, тот и формирует единолично правительство... В Италии же или в Израиле действует пропорциональная система выборов, которая является точной фотографией общества. Как правило, ни одна партия не получает абсолютного большинства. Вот и получается нередко, что маленькая организация экстремистского толка – националисты, фашисты или коммунисты – диктует свои условия парламентскому большинству, ибо без этой партии, ее депутатов большинства не получается. Шантаж, другими словами. Думаю, для России пропорциональная система не подходит. Когда король Хуан Карлос пригласил меня участвовать в разработке конституции Испании и ее избирательной системы, я предложил систему не чисто мажоритарную – все политические лидеры были скомпрометированы в деятельности франкистского режима, – а мажоритарно-пропорциональную. Если бы выборы начались по пропорциональной схеме, то общественное мнение Испании оказалось бы совершенно раздробленным: 120 партий выдвинули своих кандидатов в депутаты! В условиях нескончаемых межпартийных баталий в парламенте царил бы жуткий беспорядок, а так – благодаря смешанной системе выборов – есть правящая партия или блок правящих партий, из которых одна ведущая. С учетом российских реалий в вашей стране больше подходит мажоритарно-пропорциональная система: кандидатов в депутаты выдвигают все партии, но право представительства в парламенте получают лишь те, кто получил большее число голосов избирателей.

– Не секрет, что не все согласятся у нас с этой системой. Особенно сейчас, когда свежа память о штурме Белого дома.

– Вам необходимо сейчас любой ценой избежать гражданской войны, чтобы вырастить новое поколение и дать ему возможность прийти к власти. Хочется верить, что завтрашние российские политики и администраторы будут людьми достаточно состоятельными, чтобы не воровать. Они должны быть прагматиками, понимающими, что гарантией истинной демократии является национальная гордость.

– Честно говоря, трудно рассуждать о национальной гордости, когда в твоей стране главной валютой является доллар.

– Да вся мировая экономическая система начиная с 1944 года – с договоров в Бреттон-Вудсе – строится вокруг доллара! Не падение франка и фунта стерлингов провоцирует мировые финансовые кризисы, а падение курса доллара. Он – не валюта, а фетиш, не подкрепленный нынешним экономическим состоянием Соединенных Штатов. Американцы заявляют налево и направо, что не хотят быть "мировым жандармом", и при этом, вдохновленные блицвойной в Кувейте вмешиваются со своими танками и ракетами все в новые локальные конфликты. Планете нужен мировой жандарм. Но он должен быть международным. С разрушением берлинской стены и падением тоталитаризма необходимо пересмотреть всю схему международных отношений.

– Пересмотреть и границы? Босния, Нагорный Карабах, Абхазия...

– Босния – это очень опасный прецедент: в первый раз после второй мировой войны границы в Европе меняются силой. Можно так резонерствовать: эти границы являются внутренними и не подпадают, таким образом, под нормы СБСЕ! И тем не менее, как только новые государства были признаны мировым сообществом, их границы стали межгосударственными. Скажем, границы Армении и Азербайджана были признаны всеми. Армения же в одностороннем порядке нарушает их, нападает на соседа... Но есть и другая логика. Границы – шрамы Истории. Тем более в экс-СССР, где Ленин, Сталин и Хрущев определяли границы республик, как хотели. Существует и право наций на самоопределение. Значит, границы могут меняться демократически – в итоге референдума, после переговоров и т. д. Знаете, как в медицине: прежде чем начать лечить, врач обязан понизить ваше кровяное давление. Так и с границами: они порой создают такое напряжение, что, для того чтобы разрешить межнациональный конфликт, их сперва надо перекроить. Если бы в Югославии вместо войны между сербами и хорватами образовался, как я когда-то предлагал, балканский "Общий рынок", наши сегодняшние проблемы были бы другими. То же самое и на Кавказе. Существует немало временных, но важных решений, чтобы снять напряжение в этом регионе: двойное гражданство жителей Карабаха, например...

О пересмотре международных границ можно будет говорить только под эгидой международной конференции по выработке системы новых международных институтов. Но тут кроется большая опасность. Скажем, жители Южной Осетии захотели объединиться с Республикой Северная Осетия. Естественно, это не нравится грузинам: если каждый регион Грузии захочет этнической независимости, что вскоре останется от страны? Ничего! Что же делать? Создавать "Общий рынок" народов Кавказа и приучать их сотрудничать друг с другом.

Самые взрывоопасные ситуации может "разрядить" лишь национальное примирение. Это касается и России, перед которой стоит дилемма: или погрязнуть в тяжелых политических спорах, или вместе, объединившись всем народом, пойти вперед. Но национальное примирение требует общенационального диалога, а не деклараций с трибуны, ибо объединение (как показывает опыт Германии, Японии, Испании) происходит на базе признанных всеми – а не только какой-то одной партией, группой политиков – ценностей. Такие ценности в России есть.

Интервью взял
Кирилл ПРИВАЛОВ,
соб.корр. "ЛГ"

ПАРИЖ

Пристегните ремни и наручники

Некоторым американским гангстерам, возможно, придется отсиживать свой срок в полетах между Нью-Йорком и Москвой. Только потому, что они родились в России

ГРИГОРИЮ ЖИТЛОВСКОМУ не повезло с самого начала. Дееспособного возраста он достиг в разгар перестройки, а совершением противоправных действий начал увлекаться и вовсе после победы демократии и закладки основ дикого капитализма в России, когда нужда в телегероях, выбирающих социалистический образ жизни, как-то сама собой отпала.. А приключись вся эта история лет десять назад, не миновать Житловскому Центрального телевидения, приема в почетные пионеры и прочих церемоний, сопровождавших на родине большевиков безработного Джозефа Маури и доктора Локшина.

Сын честных советских эмигрантов, обосновавшихся в Нью-Йорке еще в 1978 году, оказался Америке не нужен. Америка, впрочем, осознала это не сразу, предоставив Житловскому сначала закончить американскую школу, а затем вволю понарушать американские законы и даже познакомиться с американской же тюрьмой. Понравилось Житловскому в тюрьме или нет, не знаю, но зато сам он после этого прискорбного случая окончательно перестал нравиться министерству юстиции США и службе иммиграции, которые начиная с 1989 года принялись Житловского из Америки выдворять.

Несколько обычных и даже один апелляционный суд один за другим решили Житловского Григория Арнольдовича из США депортировать, запретить ему въезд в страну и лишить всех документов, полученных им за годы жизни в заокеанских демократических условиях. А в качестве места назначения выбрали соответственно Россию, исходя, видимо, из того, что криминальные задатки Житловский приобрел во время пребывания в рядах Всесоюзной пионерской организации имени В.И.Ленина, а также за партой советской школы, где он плохо проучился вплоть до 14 лет.

Обо всем об этом сотрудница иммиграционной службы Нэнси Хукс и написала в российское посольство в Вашингтоне, прося оформить Житловскому все необходимые документы и принять его на исторической родине.

В российском посольстве аргументов американской стороны не приняли и в ответ сообщили, что Житловский Г.А. гражданином России не является, все его ближайшие родственники в лице папы и мамы проживают в Нью-Йорке и никаких оснований к организации его торжественной встречи в международном аэропорту Шереметьево-2 не наблюдается.

В ответ сотрудница иммиграционной службы США Нэнси Хукс, ссылаясь на американское законодательство, и в частности параграф 1253 (пункт "джи"), попросила еще раз рассмотреть вопрос о принятии Житловского в России. На что консульская служба нашего посольства в Вашингтоне...

Вся эта тягомотина продолжается и по сей день. А вместе с Житловским ждут решения еще одиннадцать человек, высланных из США за разного рода преступления, но так и не принятых Россией. К одному, правда, применили более решительные меры: посадили в самолет и отправили в Москву. Но без документов и официально оформленной визы шереметьевские пограничники бывшего соотечественника в страну не пустили, а отправили обратно в Америку. Там – можно и такое предположить–в свою очередь, как лицо депортированное и неофициальное, его не пустили американские пограничники и на том же самолете отправили в Москву. А там... В общем, совершив чуть ли не десяток перелетов над океаном и сравнявшись по количеству часов, проведенных в воздухе, с асами военно-воздушных сил, измотанный преступник снова оказывается в американской тюрьме.

Поэтому, чем закончится увлекательная переписка иммиграционной службы США с российским посольством, сказать трудно. По крайней мере пускать в страну американских гангстеров дипломаты не собираются, у нас и своих хватает.

А со своей стороны могу внести конструктивное предложение: правительствам России и США скинуться и купить специальный самолет, который летал бы между Москвой и Нью-Йорком, периодически содержа на борту заслуживших эту честь пассажиров.

Кирилл БЕЛЯНИНОВ

Радикалом можешь ты не быть...

Чешский опыт: не тот раньше достигнет цели, кто быстро едет, а тот, кто не останавливается

ЧЕХИИ, как никому, хотелось быстрее оставить позади все прошлое. Особенно упирали на три педали – экономическую реформу, реституции и люстрации. В реформе изюминкой служили народная купоновая приватизация и крутые темпы. О реституциях – то есть возвращении собственности прежним владельцам – говорилось, что никто другой не отважился с таким размахом исправлять давние кривды. От Закона о люстрациях (в переводе – "просвечивание" кадров) ждали, что он отметет, к общей радости, былую "номенклатуру" и "агентуру". Какими же спустя три года оказались плоды радикализма?

Недавно в Пражском Граде открылась выставка живописи и скульптуры из вещей, которые вернулись к прежним хозяевам. Доложу – было на что посмотреть. Хотя капля в море: выставили всего 125 из 70 тысяч предметов, перекочевавших из государственной собственности в частную. Отказалось государство и почти от половины замков, без которых волнистый здешний пейзаж, право, не был бы чешским, как наши горизонты не были бы российскими без церковных головок. Богатый Добржиш, служивший домом творчества чешским писателям, вернулся в семейное лоно Колоредо–Мансфельдов, замок Штернберг – к чешским Штернбергам и т.д. А очередь на раздачу росла и росла. Только за прошлый год зарегистрировали 67 тысяч новых заявок. Просто поразительно, откуда вдруг потянулось столько народа к фамильным реликвиям. Предметы старины и произведения искусства косяками поплыли за границу. В судах громоздились правые и неправые имущественные тяжбы. И помимо прочего, реституции, как ни парадоксально, входили в клинч с самим разгосударствлением. Старо–новые лесовладельцы, к примеру, предъявили властям почти ультиматум: пусть, мол, придержат приватизацию лесного хозяйства, пока не рассчитаются до последнего гектара по реституциям. А подразумевается больше половины чешских лесов. Вице-премьер Ян Калвода почитает заслугой, что "первым заговорил о точке в реституциях". Какие-то плоды эта ветка радикализма в чешской политике принесла, но теперь явно засыхает.

Плоды люстраций оказались и того кислее. Это был кошмар, когда в парламенте азартно взялись трепать депутатов, оказавшихся в тайных списках былых "органов", а бесшабашная газетка "Нецензурованы новины" сыпала невесть откуда добытыми списками "агентов" среди прочих смертных. Дальше пришло похмелье. Люди, вымазанные грязью, двинулись по судам с исками к Министерству внутренних дел о защите чести и достоинства. За прошлый год успели провернуть штук 70 таких дел, и только в трех случаях обвинения устояли. Отмываться в суде пришлось даже жене известного писателя Йожефа Шкворецкого, диссидента, ставшего по милости прошлого режима изгнанником и два десятка лет живущего с семьей в Канаде. Из похожих абсурдных историй Здена Саливарова–Шкварецкая составила целую книжку "Наветы – по письмам людей из списков". Окончание должное: о пользе люстрации власти распространяются все реже. Пытались напомнить о них группы правых партий, так на защиту правительства немедленно поднялась верная ему печать: дескать, нечего тянуть к "перманентной революции".

Но любопытнее всего получилось с экономической реформой. От тех, кто еще держится радикализма, правительству теперь без конца достается. Изменяет, дескать, самому себе, собственным обещаниям и начатому курсу. К примеру, истовый еженедельник "Респект" жалуется: "Премьер Клаус и славные его соратники–консерваторы обещали приватизацию поторапливать, а сами оттянули начало второй волны чуть не на полгода; обещали "не будем поддерживать производителей, которые не находят покупателей для своей продукции", а сами подкидывают предприятиям помощь, сами мурыжат Закон о банкротствах и даже – свят-свят! – не стыдятся административно регулировать зарплату. Словом, рекомендовались мудрыми монетаристами, а ведут себя, как какие-нибудь кейнсианцы – "сползают от радикализма к компромиссам". Вацлав Клаус в январе выступил даже со специальной статьей, отмахивался на все стороны и втолковывал, что одно дело "революционный догматизм" и другое – "нетривиальная практическая политика".

Правота на стороне премьера, мне думается, это очевидно. Чешская экономическая реформа состоялась. "Малую" приватизацию целиком закончили; в "большой" началась вторая, и последняя, волна. За три года в частные руки перешло 60 процентов производства, заработал рынок ценных бумаг, в стране ничтожные инфляция и безработица. Пусть не рай, но устойчивый социальный мир – чего же еще желать? Если с реституциями и люстрациями чешский радикализм принес, на мой взгляд, больше хлопот и битых черепков, чем пользы, то в реформе хозяйства – другое дело. Тут он исполнил свое предназначение – помог гасить инерцию и дал толчок новому ходу вещей. Мавр сделал свое дело и может уходить. Но это, увы, исключение, а не правило. Чаще и в экономике получается так, что мавры уходят, а оставляют после себя больше недоделок. Похожее происходит у нас дома, да и у некоторых чешских соседей тоже.

НИКУДА не денешься – радикализм оставляет властные позиции по всему посттоталитарному фронту. И это радикализм одной определенной окраски, хотя и с оттенками: то он "праволикеральный", то "правоконсервативный", то "либерально-консервативный". Пражская "Лидовы новины", окинув взором прошлогоднюю панораму избирательных кампаний по всей Европе, обнаружила сюрприз: "Не подтвердилось ожидание, будто в Европе после краха коммунистических режимов наступит продолжительное отклонение политического маятника вправо". В пределах бывшего соцлагеря не подтвердилось тоже. Был один-единственный правительственный сдвиг "слева направо" – чешский, когда премьера Питгарта сменил премьер Клаус. В остальных случаях – в Болгарии и Румынии, в Словакии и Польше – каждая подвижка была "справа налево", от консерватизма к либерализму, от либерализма к социал-демократии.

Взять хотя бы последние события. В Польше, как известно, первые сто дней нового правительства увенчались мини-кризисом, когда из кабинета подал в отставку Марек Боровский. Примечательно, какую параллель сразу провел известный архитектор "шоковой терапии" Лешек Бальцероеич: "То, что происходит в Польше, начинает напоминать ситуацию в России. В правительстве еще остаются реформаторы, но их политику торпедирует остальная часть кабинета, включая премьера". Действительно, совпадение – нарочно не придумаешь. Там и тут выбыли вице-премьеры, там и тут – шефы финансовых ведомств, там и тут – сторонники наиболее твердого курса в реформах. О кабинете Вальдемара Павляка сразу заговорили как о "левом" в сравнении с правительством Ханны Сухоцкой. И теперь молодой премьер недвусмысленно высказался о том, что "у либеральной политики продолжения не будет".

Это левое смещение следовало ожидать чуть ли не всюду. И не только потому, что политическому маятнику положено качаться. И даже не потому, что радикализм – продукт вообще скоропортящийся, а сторонники его успели порядком досадить людям. Все так. Но не следует ли нам дать себе отчет и в другом? Не нонсенсом ли было уже начало? Когда большинство публики, только что встряхнувшейся от социализма, увидело свет в окошке у политиков, грезящих самой–пресамой "вольной" экономикой? Что, значит, для "невидимой руки рынка" простора было как можно больше, а для "государственных рук" – как можно меньше? Когда успели надышаться такого ядреного монетаризма? Ведь всю жизнь ложились и вставали с государством, всю жизнь привыкали иметь дело с общественными фондами, социальными службами, "неустанными заботами". При таком наследии, при таком психологическом складе не разумнее ли было поначалу, хотя бы на время, довериться социал–демократическим обещаниям? Той "социально ориентированной модели экономики", за которую теперь – наперегонки! – охотно голосуют чуть ли не все подряд. Конечно, и это не последний качок маятника; будет и дальше качаться – "правее–левее", нормальная вещь. Без радикалов при этом обойтись, наверное, можно, а без продолжения того, что они начинали, – нет. Как это говорится на больших трассах у дальнобойщиков? Не тот раньше приедет, кто быстро едет, а тот, кто не останавливается.

Виталий МОЕВ,
соб. корр. "ЛГ"

ПРАГА

АЭРОФЛОТ

Russian International Airlines

630 Fifth Ave., New York, N.Y. 10111

Вы собрались в Америку?

Приобретайте авиабилеты за доллары через Ваших американских родственников, друзей, деловых партнеров!

Только «Аэрофлот» совместно с авиакомпанией «Дельта» выполняет на самолетах «Боинг-767» беспосадочные рейсы по маршруту Москва - Нью-Йорк - Москва.

Авиабилет, оплаченный в наших представительствах в США, Вы сможете немедленно получить в международных агентствах «Аэрофлота» в Москве, Санкт-Петербурге и других городах.

«Аэрофлот» выполняет больше прямых рейсов между городами России и США, чем любая другая авиакомпания мира, - вы можете прилететь в Америку в любой удобный для Вас день недели.

Наши маршруты:

Москва - Нью-Йорк	- 10 рейсов в неделю
Москва - Вашингтон	- 4 рейса в неделю
Москва - Чикаго	- 3 рейса в неделю
Москва - Майами	- ежедневно
Москва - Анкоридж - Сан-Франциско	- 3 рейса в неделю
Хабаровск - Анкоридж - Сан-Франциско	- 1 рейс в неделю

Телефоны представительств «Аэрофлота» в США:

Нью-Йорк	- (212) 332-1040
	(212) 265-1185
	1-800-995-5555
Вашингтон	- (202) 429-4900
Майами	- (305) 577-8500
Сан-Франциско	- (415) 434-2300
Чикаго	- (312) 819-2350
Анкоридж	- (907) 248-8405

Мытищинский Коммерческий БАНК

Надеемся на новые законы

На вопросы корреспондента "ЛГ" отвечает заместитель председателя правления Мытищинского коммерческого банка Людмила Алексеевна МАЗУР

– Людмила Алексеевна, слово "Мытищи" как нельзя лучше подходит вашему банку. "Мытить" означает совершать деловую операцию – нанимать или отдавать внаймы. "Мытня" – это таможня, где собирали пошлину...

– Мы отчетливо ощущаем исторические корни нашего существования. Не случайно на эмблеме нашего банка силуэт церковки. Не случайно мы тратим средства на восстановление храмов в Мытищах и в селе Тайнинском. Не случайно поддерживаем постановку пьесы "Волки и овцы" такого истинно национального драматурга, как А.Н.Островский, в театре, руководимом П.Фоменко. Являемся спонсорами телевизионной передачи "Русский мир", учредили стипендии одаренным учащимся из детской мытищинской шахматной школы и т.д.

– Банк возник в крупнейшем индустриальном районе Подмосковья. (Кстати, напомню читателям – москвичи каждый день ездят в поездах метро, вагоны которых изготовляются в Мытищах.) Очевидно, капитал здешних предприятий стал фундаментом банка?

– Крупные предприятия "Метровагонмаш", "Атомтехэнерго", НПО "Химволокно", ОКБ кабельной промышленности и бывшее местное отделение "Промстройбанка" и др. стали основателями нового банка.

– Это было чьим-то указанием или желанием, идущим "снизу"?

– Хотелось самостоятельной жизни. Над прежним банковским отделением высилась громоздкая иерархическая структура, которая сковывала инициативу. От безынициативного банка мало пользы для производства. Поэтому в 1990 году и возник Мытищинский коммерческий банк, преобразованный в начале 1992 года в акционерное общество закрытого типа. Теперь уставный капитал составляет три с половиной миллиарда рублей.

– Я ехал, казалось бы, в незаметный, почти провинциальный банк, а попал...

– А попали в крупнейший банк, имеющий большую корреспондентскую сеть. Мы связаны с известными банками Европы, Америки, Азии. Новая система связи S.W.I.F.T. позволяет провести расчеты с Нью-Йорком в считанные минуты.

– Ах, если бы с Рязанью так...

– Будет и с Рязанью. Мы расширяем сеть своих филиалов. В прошлом году более половины кредитов уже выдано филиалами. Действуют филиалы в Белгороде, Астрахани, Железноводске. Акционерное общество МКБ планирует открыть свои отделения во многих регионах России и СНГ, а также за рубежом.

– Задержка расчетов – одна из наиболее болезненных проблем нашей экономики.

– На это мы обращаем особое внимание. В 1993 году внедрение расчетов с использованием сети банков-корреспондентов способствовало налаживанию распадающихся экономических связей между республиками, а также сокращению времени прохождения расчетов до 2–3 дней независимо от расстояния. В 1994 году мы намерены в основном решить эту острую проблему – именно на базе корреспондентской сети с использованием систем электронных платежей. Мы последовательно осуществляем автоматизацию банковских операций.

Внедрена и такая привлекательная система, как Home-banking, когда клиент имеет возможность работать с банком, не покидая своего офиса.

– Производству нужны долгосрочные кредиты. Возможны ли они в условиях инфляции?

– Да, возможны с учетом сроков инвестиций. Но мы живем не в безвоздушном пространстве, реальность такова, что банк все-таки ориентируется на краткосрочные кредиты, их доля до 80 процентов. Но тем не менее мы предоставляем долгосрочные кредиты, например, "Метровагонмашу", жилищному строительству. Содействуем региональным и государственным программам по организации поставок продуктов в районы Крайнего Севера.

– Вероятно, вы оказываете услуги не только крупным заводам, но и простому человеку?

– Да, ему выгодно разместить свои свободные средства в нашем банке. Процентная ставка по вкладам достаточно высока, в зависимости от суммы и от сроков, и люди охотно идут к нам. К тому же Мытищинский коммерческий банк обладает высокой степенью надежности.

– Это вы так считаете?

– Нет, это вывод, сделанный информационным агентством "Рейтинг" на основании объективных исследований, проведенных по международным стандартам. Мы уже осуществили восемь выпусков акций, ежеквартально выплачиваем дивиденды. Все это создает у акционеров и вкладчиков чувство надежности.

– Но так ли надежен наш мир? Не мешает ли вам политика?

– Нас не очень волнует, какая партия доминирует в Думе. Но нам важны стабильные законы. Нужно, чтобы они не противоречили друг другу и были своевременны, например, очень мешает отставание залогового законодательства. Мы переходим сейчас к кредитованию под залог. Но правовой основы тут практически нет. Поэтому надежда на политиков, на Государственную Думу. Нас не волнует расстановка сил в парламенте, политические амбиции депутатов. Мы ждем от них реальной, конкретной помощи.

● Финансовые перелеты: из Москвы в Нью-Йорк за двадцать минут.

● В магазин за покупками? Пластиковая карточка вам заменит бумажник.

● Банковские операции "не выходя из дома".

Стремительный СВИФТ

Говорит специалист по телекоммуникационной связи Александр БАРЫШНИКОВ

– Международная система телекоммуникаций S.W.I.F.T. создана для того, чтобы обеспечить максимально быстрые расчеты между банками. Она действует на началах акционирования, участники платят взносы, за счет них и производятся операции. Штаб-квартира S.W.I.F.T. находится в Бельгии.

S.W.I.F.T. несет финансовую ответственность за быстроту и точность доставки информации. Скорость операций такова, что иногда не успеваешь встать со стула, как приходит ответ о совершении расчетов.

Можно ли использовать S.W.I.F.T. для рублевого пространства России? В будущем, конечно, возможно. Для этого потребуется внести некоторые изменения и дополнения в стандарты сообщений, используемые S.W.I.F.T., и договориться о применении этих измененных стандартов всеми заинтересованными банками. В этом направлении мы ведем проработки.

Думаю, что S.W.I.F.T. заинтересован в распространении своей телекоммуникационной сети в России и во всех государствах СНГ.

Деньги? Это старо...

Говорит Андрей ГАЙДЕЛЬ, начальник отдела рекламы:

– В ближайшее время начинает действовать система денежных расчетов с применением магнитных пластиковых карточек нашего банка – к этому мы готовимся с прошлого лета.

Определена сеть крупных магазинов, ресторанов с этой формой обслуживания, заключены с ними договора, и наш вкладчик может теперь совершить покупку в магазине, пообедать в ресторане, имея при себе только пластиковую карточку. Эта карточка именная, с магнитной полосой, с секретным кодом. Вы вкладываете карточку в кассу, идет запрос в наш банк, где хранятся ваши средства, и через две минуты расчет закончен. С помощью банкомата (автоматического кассира) вы также можете получить и наличную валюту.

Сейчас в 40 магазинах Москвы устанавливается современное сложное оборудование. Мы идем на эти траты, чтобы обеспечить услуги нашим постоянным клиентам.

Только факты

Учредителями МКБ выступили 27 крупных промышленных предприятий и организаций Мытищинского района и города Москвы.

25 февраля 1993 года МКБ получил генеральную лицензию Центрального банка на проведение всех видов банковских операций.

В сентябре 1993 года ценные бумаги АО МКБ были включены в информационный перечень Московской центральной фондовой биржи.

В корреспондентскую сеть МКБ входит более ста банков СНГ и других стран мира.

Банк выпускает акции стоимостью пять тысяч рублей. В конце 1993 года на вторичном рынке акции банка котировались по цене, почти вдвое превышающей их стоимость.

МКБ постоянно работает над расширением спектра предлагаемых услуг. Среди новых предложений банка: ломбардный кредит, ипотечное кредитование, предоставление абонентских сейфов для хранения ценностей, трастовые операции, ведение по поручению акционерных обществ реестров акционеров с начислением и выплатой дивидендов, автоматизированная выдача наличных денег через банкоматы и др.

Ставка процента по кредитам, предоставляемым МКБ, в течение 1993 года была ниже средних ставок по аналогичным кредитам, которые предоставляли универсальные коммерческие банки Москвы.

Справки по ☎ 586-78-43

Mytischinsky Commercial BANK

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ ДЕМОКРАТИИ

Немцы из Восточной Германии: поиски места в едином отечестве

НЕМЦЕВ считают победителями в "холодной войне". В то время как другие государства распались, они спустя 40 лет воссоединили свое отечество. Особенно в том, что касается преобразования государства, общества и экономики, бывшие граждане ГДР, на первый взгляд, кажутся в несравнимо более выгодном положении, чем их товарищи по несчастью в других бывших социалистических странах. Поддерживаемые солидной финансовой помощью богатых западных братьев, они получили возможность просто-напросто перенять их демократические и правовые институты, а также юридическую основу, упорядочивающую социальную рыночную экономику. Благодаря такой интеграции в устоявшуюся, надежную систему население новых федеральных земель, казалось бы, должно было избежать необходимости с муками пробираться через "долину слез" без уверенности в успехе, подобно людям в Восточной Европе. Рецепты успеха старой Федеративной Республики внушали уверенность, что и на востоке Германии вскоре появятся цветущие ландшафты.

Однако действительность оказалась намного сложнее. В условиях быстрого обвала восточногерманской экономики, прогрессирующей деиндустриализации страны, растущего числа безработных и продолжающегося оттока прежде всего молодых специалистов на Запад Германии уже почти не слышны прежние слишком оптимистичные прогнозы идеологов свободной рыночной экономики. К тому же состояние народного хозяйства Восточной Германии оказалось намного хуже, чем это предполагалось в пору объединения. Не удивительно, что получают широкое распространение пессимистические взгляды. Да и те, кто настроен не так пессимистично, приходят к заключению, что для востока Германии вполне реальна угроза "модернизации без развития".

Несомненно одно: новые федеральные земли и впредь должны рассматриваться как особый случай трансформирования. Они находятся на специфичном пути в современность, принимая помощь богатого "третьего" партнера – старой Федеративной Республики Германии. Это происходит прежде всего посредством трансфера на Восток институтов, финансов и отдельных деятелей. Возникло уже нерасторжимое соединение западно- и восточногерманской модернизации, но слияния в единое общегерманское целое еще не произошло. Влияние Запада на Восток огромно, и в то же время стало ощутимым возрастающее влияние Востока на Запад. Обе системы взаимовлияют друг на друга как в положительном, так и в отрицательном смысле, сдерживающем развитие.

С присоединением ГДР к Федеративной Республике реализация преобразовательных задач была возложена на политиков и бизнесменов ФРГ. Фатальные последствия возложения этой ответственности Договором об объединении двух немецких государств на влиятельных, но "чужих" третьих лиц проявились не сразу. Политические круги старой Федеративной Республики, кажется, до сих пор не понимают взрывоопасности таких преобразований. Они, как и прежде, полагают, что эффект государственного объединения и перевода государственных институтов в Восточную Германию делает излишними особые планы ее преобразования. Их рецептом остается: "Трансформирование как побочный продукт объединения".

Основным недостатком оказался тот факт, что учреждения "старой" Федеративной Республики были насаждены в Восточной Германии без учета особой ситуации в ней.

Между тем на востоке Германии начинает проявляться дифференцированный подход к этой проблеме. Это, за некоторыми исключениями, не "ностальгия по ГДР", а разумная реакция людей, которые на своем опыте могут сравнить институты обеих систем. Многие западные немцы, не имевшие такого опыта, считают эту реакцию восточных немцев "неблагодарной" и чуть ли не "коммунистической". На самом деле речь идет не о восстановлении старых институтов ГДР, а об общественных инновациях. Выяснилось, что при заимствовании готовой, более 40 лет шлифовавшейся модели инновации почти равны нулю. К тому же следствием такого полного заимствования является перенос структурных несовершенств. Роковую роль сыграл тот факт, что те общественные силы старой ФРГ, которые в 80-е годы выступали за модернизацию ряда западногерманских институтов, после объединения Германии замолчали. Они уступили свои позиции хорошо организованным западногерманским представителям профсоюзов и лоббистам. Так, например, были ликвидированы поликлиники, которые могли бы составить конкуренцию устаревшей системе практикующих врачей. Государством поддерживаются малые нерентабельные сельскохозяйственные предприятия, хотя очевидно, что занимающие большие площади и организованные на кооперативных началах хозяйства могли бы лучше приспособиться к ситуации. Таким образом, шанс объединить модернизацию и трансформирование был упущен во многих областях.

В результате такой метод насаждения западногерманских институтов привел к рассогласованности между институтами демократического государства и гражданами Восточной Германии. Хочу быть правильно понятым: граждане ГДР сделали в 1990 году принципиальный выбор – демократические, плюралистические политические отношения. В своем большинстве они придерживаются этого выбора. Но демократические институты лишь тогда жизнеспособны, если они принимаются большинством граждан. Однако способ прямого переноса учреждений и его последствия привели к дефициту общественных и политических деятелей на востоке Германии. Из 80 миллионов граждан ФРГ 19 миллионов живут в новых федеральных землях. Здесь ощущается недостаток подлинных представителей местных интересов. На высшем политическом уровне восточные немцы представлены лишь двумя федеральными министрами и тремя премьер-министрами федеральных земель. В деятельности партий и профсоюзов, ориентированных на западногерманскую действительность, не находится места достаточно полному, содержательному и представительному отражению других образцов восприятия действительности и круга интересов восточных немцев.

В этих условиях на востоке Германии слишком медленно закладывается необходимая неформальная социальная и культурная основа демократических структур. Сотрудничество почти не предлагается и недостаточно активно принимается. А патернализм и обособление ведут к отчуждению. Свыше 40 процентов избирателей, не участвовавших в последних коммунальных выборах в Бранденбурге, – наглядный тому пример. Демократические институты в новых землях не имеют тесного контакта с гражданами. В этом смысле процесс политического преобразования на востоке Германии далеко не завершен, он остается рискованным и нестабильным. Сегодня в Восточной Германии вполне вероятно образование собственной структуры партий.

В отличие от этого процесса процесс перестройки экономики почти завершен. Его глубина и темпы выгодно отличаются от таковых в других постсоциалистических государствах. Приватизация и деконцентрация бывших народных предприятий, в том числе и крупных, будет завершена, за небольшими исключениями, к концу 1994 года. Для востока Германии определены все важнейшие экономико-политические направления: выход на мировой рынок, интеграция в Европейский союз, конвертируемость валюты, сокращение социальных инвестиций, введение рыночных цен на потребительские и промышленные товары и т.д. Социальные издержки такого рода экономической шоковой терапии несравнимо выше, чем это предполагали политики в 1990 году.

Преобразования на востоке Германии, без сомнения, будут вообще самыми дорогостоящими. До 2010 года из Западной Германии в Восточную будет переводиться ежегодно свыше 150 миллиардов немецких марок. Наблюдателям из Восточной Европы это несравнимое в международных масштабах финансовое вливание могло бы показаться большим благом. Конечно, это ощутимая помощь Восточной Германии. Но не без значительных побочных эффектов, о которых неохотно говорят. Ведь, как говорится в немецкой пословице, "кто платит, тот и заказывает музыку". Поэтому приоритеты и психологический комфорт кредиторов имеют преимущество перед таковыми принимающих помощь. Это порождает чувство глубокой униженности и фрустрации прежде всего у той части восточногерманского населения, которое получает материальную поддержку государства (безработные, переобучающиеся, частично безработные, вынужденные досрочно уйти на пенсию и др.). Тем самым германское общество к своим классическим конфликтам получает дополнительное поле разногласий.

Йохен ФРАНЦКЕ

ПОТСДАМ

MÜLHEIMER INITIATIVE

Ветер с "Северо-Запада", или Еще раз о рентабельности изданий и качестве переводов

"Северо-Запад" выпускает сегодня половину книг, выходящих в Петербурге, – около двух миллионов экземпляров в месяц. Одно из немногих издательств, уверенно вставших на ноги за последние три с лишним года. Его марка котируется наряду с "Художественной литературой", "Радугой", "Прогрессом". Три тома Кортасара в издании "Северо-Запада" продавались на лотках по 10 тысяч. Борхес в той же серии "Ex libris" – за полторы-две. Вопрос выживания для этого издательства остро не стоит. По крайней мере так считает Александр КОНОНОВ, заместитель главного редактора "Северо-Западе".

– Мы не выживаем, мы живем, – мягко заметил он. – Издаем книги.

– Вы хотите сказать, что издание нового четырехтомника Гессе, четырех томов Музиля, двух Рильке, полного собрания сочинений Кафки, числящихся в планах издательства, может быть прибыльным делом?

– Во-первых, мы издаем не только их, но почти весь спектр художественной литературы. А во-вторых, коммерческий успех Толкиена, Кортасара, Мэлори и Азимова вполне сопоставим. При условии, что верно определен тип издания.

– Почему же тогда для мощных государственных издательств, типа тех же "Прогресса", "Радуги", "Худлита", десятилетиями выпускавших классику, отечественную и переводную, вопрос выживания, в отличие от вас, оказался таким насущным?

– Дело в том, что мы пережили их нынешние трудности гораздо раньше, в 1990–1991 годах. Отсюда и разница в устройстве внутренних структур: в редакциях "Северо-Запада" работает не более одной пятой от общего числа сотрудников издательства.

– Остальные – снабженцы?

– Снабженцы, торговцы, технические и обеспечивающие распространение службы. Благодаря им я могу не держать в голове, откуда берется бумага и именно черный бумвинил для переплета Набокова, сколько это стоит и где будет продаваться. Другое дело, что пробоины в государственных издательских титаниках угрожают не только их собственному существованию... "Радуга", "Книга", "Художественная литература" десятилетиями задавали уровень культуры издания книги, ее подготовки, качества переводов. Сегодня же литературные переводы – это зона национального бедствия. Читаешь "стол стоял под книгой" – и както сразу и не сообразишь, что это "книга лежала на столе". Если вам небезразлично, на каком русском языке будет говорить ваш сын, вас должно беспокоить качество перевода фантастики, которую он читает. Даже если сами вы фантастику терпеть не можете. Торговля же пока больше реагирует на яркость обложки, а что уж там внутри... И сориентировать читателя пока некому.

– В том-то и дело. Качество текста и цена существуют независимо друг от друга. К примеру, издательство "Пересвет", объявившее подписку на Уилки Коллинза, в первом же томе изумило перлами типа: "Невысокая ростом, не очень красивая, не в первой молодости, с робкими приемами, одетая безукоризненно запросто". "Пересвет" "безукоризненно запросто" делает деньги, не удосужившись даже отредактировать перевод прошлого века. А зачем, если подписные ужа в кармане? Приятно, что ваша серия "Fantasy" хорошо подготовлена, но для коммерческого успеха это – увы! – необязательно.

– Но желательно.

– "Fantasy" – это?..

– Корректного определения этого жанра мне не встречалось, русского аналога тоже нет, приходится пользоваться английским. К слову "фантастика", которое, если вдуматься, подошло бы, прочно прилипло "научная". Научная фантастика базируется на идее прогресса с доминантой космической темы, а "fantasy" – скорее на попытках обнаружить и осмыслить то, что на дорогах прогресса было потеряно. Это определение очень приблизительно. Лучше взять книжку Толкиена, Муркока, Урсулы Ле Гуин или Уайта и разобраться самостоятельно.

– Серия эта, вероятно, коммерческая, ведь детская литература в принципе себя окупает?

– Рентабельность этой серии, скажем, средненормальная. Поначалу, признаюсь, я тоже относил ее к детской литературе. На практике же оказалось, что диапазон ее читателей широк – и по интеллектуальному уровню, и по возрасту, что было для нас неожиданным. Очевидно, мифология, альтернативная история или сама по себе человеческая фантазия могут быть по-разному интересны в разном возрасте... Если говорить серьезно, сам термин "коммерческая книга" нуждается в уточнении. Книгоиздание не приносит сверхприбылей, доходы издателей существенно ниже, чем у книготорговцев, а при нашей инфляции 90 и более процентов этих доходов "сгорает" в процессе производства. И тем не менее все наши издания рентабельны – за исключением стихотворных сборников современных петербургских поэтов. Это небольшие книжки тиражом в несколько тысяч. В прошлом году вышли "Стихи разных лет" Дмитрия Григорьева, сейчас готовится книга Бориса Пузыно "Интонации"...

– Если пофантазировать в духе "fantasy", то идеальным состоянием дел было бы такое, когда между процветающими издательствами шла бы борьба за право издать какую-нибудь научную монографию еще никому не известного Ландау или сборник статей молодых лингвистов... А вот на деле многие издательства оказываются в убытке, вовсе этого не планируя.

– Много хороших издательств не состоялось из-за того, что люди, их организовавшие, назывались издателями, оставаясь, по сути дела, читателями, выпуская "что нравится", проецируя личные читательские пристрастия на издательскую программу. Прекрасно, когда выпускаешь книгу, которую хотел бы видеть у себя на полке, но это счастливое совпадение, не более. Должен оговориться, что "Северо-Запад" уже не ограничивается только художественной литературой: вскоре должны наконец – с опозданием на триста лет! – выйти на русском "Мысли" Паскаля, появится первая продукция словарно-справочной редакции, книги серии "Шедевры мировой культуры".

– Перевес зарубежной литературы в ваших планах весьма ощутим.

– Это естественно в нынешней ситуации, когда открылись шлюзы для литературы, не переводившейся десятилетиями. Но, конечно, доля переводной литературы постепенно будет уменьшаться. И будущее, вероятно, за редакциями русской литературы, где сегодня у нас готовится большая программа "1000 лет русской литературы", собрания сочинений Ахматовой, Сосноры, Якова Друскина...

– Современная русская литература вас тоже интересует?

– Ею занимается одноименная редакция. Мы очень заинтересованы в притоке новых идей, книг, рукописей.

– В лучшие времена на такие заявления не отваживался никто: план был расписан на несколько лет вперед.

– У нас нет плана даже на год – в привычном представлении, все время вносятся коррективы. Есть текущий план примерно на полгода. А что касается отважности заявлений, мы же сами заинтересованы в расширении выпуска книг.

– И у вас нет лимитов на бумагу...

– Лимитов нет, но, поверьте, проблем хватает. Однако я надеюсь, что все идет к тому, что издательства (и мы, и "Худлит", и "Радуга") будут издавать книги, книжные магазины будут продавать их, а не автозапчасти, а "Литгазета" будет больше писать о выходящей литературе.

– Разве "ЛГ" мало об этом пишет? Кстати, сейчас мы затеваем издание нового рекламно-информационного приложения к газете – "Литературный базар", его пробный номер уже вышел...

– Видите ли, в одном Нью-Йорке выходит полдюжины разнообразных Book Review, которые в основном занимаются разбором и анализом (для нитателей) моря издающейся литературы. А у нас – только "Книжное обозрение", ставшее фактически профессиональной газетой книготорговли. И ни одного издания, которое занималось бы критикой выходящих книг. Иногда такие издания возникают, но это не тот калибр... Буду только рад, если ваш "Литературный базар" возьмет на себя эту задачу.

– Все же критика – не реклама, денег не приносит.

– Не уверен. Издатели очень заинтересованы в профессиональной оценке своей продукции. И это отразилось бы на уровне подготовки книг. У меня иногда возникает ощущение, что я живу на острове. О выходе нужной книги узнаю из самых непредсказуемых источников. Как-то раз решил поискать хоть какую ни на есть критику на "Fantasy" или Толкиена. Ни-че-го! Хотя интерес к этой литературе велик.

– Но вам-то грех жаловаться. Ваши издания читатель знает.

– Да, но я еще и читатель. И не только продукции "Северо-Запада".

Интервью вела
Жанна ВАСИЛЬЕВА

ТВОРЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ "КЛУБА ДС"

Нонна САВЕЛЬЕВА

Правильный рассказ

На доске объявлений научно-исследовательского института появилась бумажка: "В штабе гражданской обороны (комната 14) сидит женщина и шьет по "Бурде".

Все побежали в 14-ю комнату. Действительно, сидит женщина и снимает мерки. Остается выбрать в "Бурде" фасон и принести материал. А она сошьет. Кто эта женщина и как она попала в штаб? Спросить неудобно. Да не все ли равно! Шьет по "Бурде", это главное. Почти с доставкой на дом. Ну, не на дом, на работу. Но работа – это наш второй дом. Даже первый. Ибо здесь мы живем. А домой ездим поспать, чтобы набраться сил на жизнь в первом, главном доме.

Я решила написать правильный рассказ. Это чтоб были: завязка, кульминация, развязка. Сомерсет Моэм писал, что рассказ как жанр тем и интересен читателю, что он рассказывает о чем-то, какую-то историю. И обязательно надо, чтобы был ясный, четкий конец. Некоторые считают, говорит Моэм, что развязка необязательна. И вообще развязка – это архаизм. В жизни так не бывает. То есть не бывает четкого конца. Но Моэм возражает: во-первых, литература – это не жизнь, и, уж если на то пошло, то и в жизни бывает четкий конец: смерть. Чего уж четче. В общем, я согласилась с Моэмом и решила написать правильный рассказ.

У меня такие рассказы не получаются. Начинаю вроде бы как положено. С завязки. "Однажды, – пишу я, – со мной случилась такая история". И начинаю писать историю. Но потом незаметно для себя мой рассказ начинает клониться куда-то вбок, вверх, вниз, в сторону, плавная нить рвется, начинается совсем другая история, которая вроде бы к замысленной отношения не имеет, но, видимо, как-то имеет, коль она пришла на ум, но эта новая история кажется мне интереснее, чем первоначальная, о которой я и думать, не то что рассказывать больше не хочу. Но убрать ее тоже никак не получается, отрывается голова, и рассказ выходит урод уродом. Я оставляю все как есть и, скача по ухабам, то взмывая ввысь, то плюхаясь вниз, мчусь к концу, который и концом никак не назовешь.

Но теперь я решила смирить свои привычки и странную манеру рассказывать свои истории, последовать совету Моэма, авторитету для меня безусловному, и начинаю историю, не отклоняясь от намеченных ориентиров: завязка, кульминация, развязка.

Итак, я сижу в штабе гражданской обороны и снимаю мерки с научных сотрудниц института. В штабе гражданской обороны я оказалась по не зависящим от меня обстоятельствам. Должна была сидеть в женсовете. Но в комнате женсовета расположилось какое-то малое предприятие с ограниченной или неограниченной, точно не поняла, ответственностью, которому институт сдал комнату за СКВ, чтобы начальству института было на что ездить в загранкомандировки. И вот я сижу в штабе и снимаю мерки.

Оказалась я за этим занятием потому, что меня бросил муж. На Западе, в, как теперь говорят, цивилизованных странах, если муж разводится с женой, он должен до ее (или его) смерти платить ей такое содержание, которое обеспечит ей уровень той же жизни, что и в замужестве. Объяснила я нескладно, но, думаю, понятно.

Я же, во-первых, живу, как теперь случайно выяснилось, в нецивилизованной стране, и, во-вторых, настаивать на том, чтобы мой бывший муж обеспечивал меня так же, как и тогда, когда был на мне женат, я не стала. Во-первых, настаивай не настаивай – толку не будет, и, во-вторых, жила я, будучи замужем, вся в долгах, и настаивать на такой жизни я не сумасшедшая.

В вышеупомянутый штаб гражданской обороны привели меня все те же долги, которые я нажила в счастливом браке. Брак я долго считала счастливым и на долги внимания не обращала, так как заимела их вполне сознательно в связи с тем, что не видела другой возможности сделать мужа полностью счастливым. Он говорил, что, хотя и счастлив со мной, ПОЛНОСТЬЮ счастливым назвать себя не может в связи с тем, что с детства мечтал иметь машину и его детская мечта все еще не осуществилась. Поскольку я хотела жить с ПОЛНОСТЬЮ счастливым человеком, я решила влезть в долги и купить "Жигули", что и сделала.

Теперь же, после того как муж полюбил другую женщину, врачиху, молодую и прекрасную, как он говорит (а я ему верю), которая лечила его язву, и, как честный человек, не в силах вести двойную жизнь, ушел к ней, вернее, уехал на купленных в долг "Жигулях", я осталась одна, если не считать долгов.

Денег на машину я насобирала у своих друзей и родных и теперь, как тоже честный человек, должна эти долги, хочу не хочу, отдать, и как можно скорее, ибо все сроки прошли. Сроки же прошли потому, что, после того как муж ушел к другой, я долго не могла прийти в себя, поскольку восемнадцать лет брака не предвещали такого его конца, и попала в клинику неврозов, где и пробыла три месяца, пока не пришла в норму. Это так решили врачи – насчет нормы, но я с этим не согласна, у меня несколько отличная от медицинской точка зрения на норму.

Справедливости ради замечу, что муж на квартиру не претендовал, хотя другого жилья у него в Москве не было в связи с тем, что приехал он в Москву из Калининграда. У прелестной же врачихи была жилплощадь, но не было ни мужа, ни машины, а теперь у нее все это есть в полном комплекте, а у меня как была однокомнатная квартира, так и осталась, да еще нажитые в семейной жизни долги. Можно, конечно, было поделить машину пополам, но таким образом я подтолкнула бы мужа к ответному шагу – дележке квартиры, так что пришлось выбирать из двух зол: комната в коммуналке плюс воспоминания или квартира плюс долги. Я выбрала второй вариант, то есть меньшее зло, хотя меньшее не значит маленькое, уж поверьте.

Поскольку я по профессии литератор, то есть пишу рассказы, за которые платят сущие гроши и на долги этим не заработаешь, я решила заняться шитьем. Шить меня научила бабушка, она занималась моим воспитанием и учила меня многим полезным и бесполезным вещам. Шитье – это вещь полезная, а бесполезная – это, например, что нельзя выходить на улицу без перчаток, это дурной тон. Слово "тон" уже забыто давно, на очереди, судя по нашей быстро меняющейся дурной жизни, слово "перчатки". Ну, это я так, к слову. В общем, поскольку я "немножечко шью", моя подруга, которая работает в научно-исследовательском институте научным сотрудником и по общественной линии возглавляет женсовет, устроила мне клиентуру, посадив меня с "Бурдой" в этот женсовет, который по объясненным выше причинам переместился в штаб гражданской обороны.

На чем я и кончаю свой рассказ, который имеет, правда, с большой натяжкой, завязку, кульминацию и развязку, хотя, уверена, найдутся читатели, которые посчитают, что рассказ мне не очень удался или даже очень не удался. И я с ними совершенно согласна.

Но, как писал Сомерсет Моэм, который, как я говорила, является для меня безусловным авторитетом, в рассказах могут быть натяжки и их надо "принимать безропотно", если они "нужны автору для компактности изложения" *.

* Уильям Сомерсет Моэм. "Подводя итоги". М., "Высшая школа", 1991, с. 390.

ДЕВИЧНИК "КЛУБА ДС"

И вновь, как и в прошлом году, администрация "Клуба ДС" вынуждена со всей прямотой (бывшей большевистской, а ныне демократической) признаться в своей регулярной неспособности совместить праздник наших женщин и девушек – 8 Марта – с датой выпуска "Литгазеты", то есть со средой. Но все же кое-какой прогресс наблюдается: если в прошлом году мы вышли с женской полосой 10 марта, то в этом – на день ближе, а именно 9-го. Если так пойдет и дальше, то не исключено, что в следующем году, если только будем живы (е.б.ж., как любил писать Лев Толстой), нам удастся совместить обе даты и выйти ровно в срок.

Пока же предлагаем читателям и читательницам блок материалов, написанных нашими любимыми дамами, а в виде подкрепления – шило-мыльные мелочевки представителей когда-то сильного пола, проще говоря – мужчин. И их же, мужиков, рисунки.

С праздником вас, дорогие подруги и супруги, наши хранительницы, спасительницы и попечительницы!

А. ШАБАНОВ

Памяти Виктора ВЕСЕЛОВСКОГО

Виктор Васильевич Веселовский. Писатель-сатирик, основатель "Клуба ДС" "Литературной газеты" и телевизионной программы "Вокруг смеха", составитель двух сборников "Клуб 12 стульев", вышедших в издательстве "Искусство" и давно уже ставших библиографической редкостью... А еще – автор комедийного фильма и многих сюжетов "Фитиля", организатор и участник многочисленных радиопрограмм и концертов, объездивший со своими выступлениями всю нашу страну в ее прежних пределах...

Памяти этого замечательного, талантливого и обаятельного человека был посвящен большой творческий вечер в Центральном Доме работников искусств 24 февраля (спасибо отзывчивым сотрудникам Дома!). Большой зал ЦДРИ не мог вместить всех тех, кто знал и любил Виктора и теперь пришел почтить его память. С теплыми воспоминаниями о Веселовском выступили писатели Аркадий Арканов, Валерий Поволяев, Варлен Стронгин, главный редактор журнала "Крокодил" Алексей Пьянов, а также работавшие в разное время вместе с Виктором в "Клубе ДС" писатели и журналисты Андрей Яхонтов, Павел Хмара, Владимир Волин, Игорь Двинский. Свои произведения прочитали А.Арканов, М.Генин, В.Стронгин, Н.Монахов; с артистическими номерами выступили главный режиссер театра "У Никитских ворот" Марк Розовский, Вадим Дабужский и другие. Вел вечер работавший с В.Веселовским администратором Анатолий Баранов.

Ю. ВОСКОБОЙНИКОВ (Самара)

Тамара КЛЕЙМАН

Тамаразматизмы

- *Любимые вдохновляют, любящие – кормят.*
- *Всякая чертовщинка в женщине – от Бога.*
- *О женщине всегда найдется что сказать в ее отсутствие.*
- *Не пора ли переименовать союз двух сердец в независимое содружество?*
- *Дарите жене духи, если они не понравились любовнице.*
- *Как трудно выбрать жену из числа ее подруг!*
- *Кладезь мудрости! Но до краев наполнен водой.*
- *Чем больше грехов, тем слаще покаяние.*
- *Грехопадение... А как возвеличивает!*
- *Лучше согрешить с истиной, чем против нее.*
- *Власть любви безраздельна! Пока не доходит до раздела имущества.*
- *Как важно, чтобы далеко зашедшие отношения сближали!*
- *Порой достаточно искры сомнения, чтобы стало ясно.*
- *Глядя на иные формы, так и хочется предложить содержание.*
- *Задние мысли тоже рождаются в голове.*
- *Как трудно женщине жить завтрашним днем со вчерашним гардеробом!*
- *Близость возлюбленной сокращает и время, и деньги.*
- *Мужчина – ато не пол, а нечто целое.*
- *Когда мужчину кормят обещаниями, он дольше сохраняется.*
- *Не трогай женщину без определенных намерений!*
- *Мужчина, побывавший под каблуком, в состоянии вынести любую шпильки.*
- *Любят того, кто этого стоит. И чем дороже, тем сильнее.*
- *Жить по уму не каждому по средствам.*

Марина ДРУЖИНИНА

На весах (решение)

Опять начинаю толстеть!
Опять нужно срочно худеть!
Не буду есть манную кашу,
Блины, пирожки, простоквашу,
Сметану, картошку и мясо
В течение целого... часа!

Очень жестокий романс

Не говорите мне про моль...
Мне это причиняет боль!
Я вспоминаю шарф и шапку,
Костюм, рейтузы, юбку в складку,
А также многое другое,
Как жаль, что не вернешь былое...
Не говорите мне про моль,
Не сыпьте мне на раны соль!

Валентина КОРОСТЕЛЕВА

Складушечки

Говорят...

Говорят, что за авансы
Надо голову сгибать,
Говорят, что иностранцы
Скоро будут все скупать.

Не теряй меня, Маруся,
Сбереги мое пальто,
Я на печку заберуся,
Не продамся ни за что!

Вьюга

Ой, подруга, всюду вьюга,
Перебор да перекос.
У мово большого друга
Разобрали бензовоз.

Вот и ушки на макушке,
Что творится ноне – ах!
Работяги – в побирушках,
Спекулянты – во графьях!

Одна

Вот и снова я одна,
Распрощалась с Витею.
Ему девушка нужна
По его развитию.

Чтобы цветиком цвела,
Доверяла сказочкам,
Чтоб курила и пила
По его указочке!

Без подарка

В ЦУМ четвертого апреля
Заглянули с хахалем.
Как на цены посмотрели –
До полудня ахали.

– Эх, послать бы всех к ядрене, –
Милый смял цигарочку. –
Это что это за время –
Не купить подарочка!

Галина ТРИЛЬ

Неутраченные аллюзии

Плыть по течению,
Как плавает бревно, –
С гарантией пойти на дно.

* * *

Жить припеваючи,
Как кенарь или чиж,
Которым петь не запретишь.

* * *

Летать во сне,
Когда летать охота,
Но не осилить цен Аэрофлота.

* * *

Владеть собой,
Поскольку больше нечем,
А про себя решить: еще не вечер!

* * *

Раздать долги
И всех тому учить –
В надежде свою долю получить.

* * *

Лелеять мысль,
Как малое дитя –
В коротких паузах нытья-битья.

* * *

Уйти в себя,
Как темный, дикий лес,
И потерять там личный интерес.

* * *

Питать иллюзии –
С добавкой хлеба той,
Что ведает картинками с едой.

* * *

Утратить пыл...
И надо ж так некстати:
Под осень жизни, в стынь
и слякоть.

И ШИЛО, И МЫЛО

ОРГАН "КЛУБА ДС"

Рога и копыта

♣

Для вес, мужчины

Новые суперпривлекательные дольчики из тончайшей ткани выбросило на рынок ближнезаграничное СП "Сексапил". Дольчики чертовски хороши тем, что лопаются при первом прикосновении.

♠

Женщина – вечная загадка

Понятно, для чего женщины обнажаются на эстраде, когда танцуют. Но почему они теперь делают то же самое, когда поют?

Борис ЗАМЯТИН

Вуменизмы

- Почему для того, чтобы превратить лягушку в царевну, с нее надо спустить шкуру?
- Красоту женского футбола предвосхитил Пушкин.
- Вспомните: "И быстрой ножкой ножку бьет..."
- Барышни стреляли глазками, современные девицы ведут огонь с бедра.
- Красивая женщина – это профессия, а красивый мужчина – это любитель.

Борис ЗАМЯТИН

- Старые девы – это те, которые еще не вышли замуж, а молодые девы – это те, которые уже развелись.

Евгений ЗАМЯТИН. 14 лет

К слову о женщине ...

- Прелесть роз дает им право на шипы.
- Женщины, как боги, подобны тем, кто им поклоняется.
- Мона Лиза потому и прекрасна, что загадочна, и потому загадочна, что молчалива.
- Женщины, близкие к совершенству, далеки от идеала мужчин.
- В наши дни нужно иметь немалое мужество, чтобы проявлять настоящую женственность.
- Женщина для мужчины – это все плюс еще нечто.
- Мужчина делает то, что может, женщина – что хочет.
- Из всех платформ больше всего женщин волнует – модная.
- Замужество за "облаком в штанах" приводит в лужу.
- Если женщины и "заводят" мужчин, то не настолько, чтобы лопнула пружина.
- Нет убедительнее факта в пользу женщин, чем существование мужчин.

Георгий КОВАЛЬЧУК

(Первый раз автор родился по собственному желанию 8.3.37 г., второй – по желанию "Клуба ДС" – 7.3.79. г. фразой "Женщин красят даже тени").

Лучше женщин – только их подруги!

- Свадьба – это когда двое заняты, а остальные гуляют.
- Проспорив с женой всю жизнь, истину родил от другой.
- Мечтал носить ее на руках, хотя бы по частям.
- Женские формы – для выплавки мужских заготовок!
- О женщине – или хорошо, или женись.
- Проснувшаяся в ней женщина встала не с той ноги.
- Брак по любви – это выбор из одного зла.
- Часто глава семьи покоится на плечах женщины.
- Воспринимал женщин, как устав караульной службы.
- Женщины были для него, как страна, которую не выбирают.
- Эффект летающих тарелок хорошо известен в кругах хозяек.

Геннадий МАЛКИН

Оформление Натальи РАЙСКОЙ

Общественный писательский совет "ЛГ":
С. С. АВЕРИНЦЕВ, Ч. Т. АЙТМАТОВ, Ч. И. АМИРЭДЖИБИ, Г. Я. БАКЛАНОВ, Л. Е. БЕЖИН, А. Г.БИТОВ, В. В. БЫКОВ, А. Н. ВАРЛАМОВ, А. А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ, Р. Г. ГАМЗАТОВ, З. К. ГАРЕЕВ, Д. А. ГРАНИН, Е. А. ЕВТУШЕНКО, А. В. ЖИГУЛИН, М. С. КАРИМОВ (Мустай КАРИМ), В. С. МАКАНИН, Г. И. МАТЕВОСЯН, Б. А. МОЖАЕВ, Б. Ш. ОКУДЖАВА, Я. Я. ПЕТЕРС, В. С. РОЗОВ, Ю. С. РЫТХЭУ, Юсиф САМЕД ОГЛУ, О. О. СУЛЕЙМЕНОВ, А. Х. ХАКИМОВ, Л. ШЕРАЛИ, И. И. ШКЛЯРЕВСКИЙ, В. А. ЯВОРИВСКИЙ.

Тираж 200 000 экз.
Тираж "Литературной газеты" вместе с приложениями ("ЛГ–Досье" и "ЛГ–Романы") 400 000 экз.
Типография ИПО писателей: 103662 Москва К 51, Цветной бульвар, 30
Номер подписан к печати 5.03.94г. Зак. 79 ИНДЕКС 50067

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ "ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ"

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на "ЛГ" обязательна

© "ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА"

Главный редактор А. УДАЛЬЦОВ.
Редколлегия: В. БОНЧ-БРУЕВИЧ (зам. главного редактора), В. ГОРБУНОВ (ответственный редактор "ЛГ- Досье"), И. ЗОЛОТУССКИЙ, И. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Ю. КУЛИКОВ (зам. главного редактора), А. ЛАТЫНИНА, О. МОРОЗ, В. РАДЗИШЕВСКИЙ, Ю. СОЛОМОНОВ (зам. главного редактора), Ю. ЩЕКОЧИХИН.
В. МАКАРТУМЬЯН, коммерческий директор, руководитель фирмы "ЛГ" – "Пресо-Инвест ЛТД"
Адрес редакции: Москва, Костянский переулок, 13.
Для телеграмм: Москва И-10, Костянский пер., 13. Для писем: 103911 ГСП, Москва, Костянский переулок, 13.
Телефон для справок: 200-24-17, отдел писем: 208-82-69. Редакция "ЛГ–Досье": 208-82-42
Отдел рекламы и коммерции: 208-96-46, 208-85-00, 208-98-36 (частные объявления).
Ответственность за содержание и достоверность сведений в рекламных объявлениях несет рекламодатель